

Н О В О С Т И
Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы ,

ИЗДАНЫЯ

А. Воейковылъ и В. Козловылъ.

К Н И Ж К А V .



С . П Е Т Е Р Б У Р Г Ъ .

Печатаемо въ Военной Типографіи Главнаго Штаба
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

1 8 2 3 .

ПЕШЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ
Печатать позволяется:

съ шѣмъ, чѣобы до выпуска изъ Типографіи были
представлены въ Цензурный Комитетъ семь экзем-
пляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ.

С. Пешербургъ, Декабря 7-го дня, 1823 года.

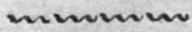
Цензоръ А. Вируковъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

п л т о й к н и ж к и .

П Р О З А .

	№.	Стр.
Донъ-Леонъ и Біанка. (<i>Окончаніе.</i>)	XXVII.	1.
Мысли	—	11.
Замокъ Венденъ	XXVIII.	17.
Часы. (<i>Отрывокъ изъ записокъ Рускаго Офицера.</i>)	XXIX.	33.
Чужестранецъ въ С. Пешербургѣ	XXX.	49.
	{ —	56.
Взоръ на Исторію Греческой Словесности	{ XXXI.	76.
	{ XXXII.	81.
Письмо изъ Рима <i>Эррестнаго невольнаго</i>	XXXI.	65.
Все не въ попадь	XXXIII.	97.
Нѣчто о дружбѣ	—	105.
О вѣрѣ въ Бога. (<i>Изъ Цолликофера.</i>)	XXXIV.	113.
Описаніе пуши отъ Оренбурга къ Хивѣ и Бухарамъ	—	118.
Кенчезерскій водопадъ	XXXV.	129.
Городецъ на Паршѣ	—	136.
О Россійской Анпологін Казалера <i>Дюпре-де-С-нб-</i>		
<i>Мора</i>	XXXVI.	145.
Торъ невѣстной	XXXVII.	161.
Вольдемаръ. <i>Истинное происшествіе, случившееся</i>	{ —	166.
<i>со время Италіанской войны 1805-го года.</i>	{ XXXVIII.	177.
Древніе дворцы Князей Суздальскихъ	—	182.
Семейный праздникъ или гардеробъ Графа Д*	XXXIX.	193.
Опрывки изъ моихъ записокъ	—	199.



СТИХОТВОРЕНІЯ.

№. Стр.

Басни, 10. Плодъ	}	XXVII.	14.
11. Жертвенникъ и Правосудіе			
12. Ложе и лвица			
Къ ручью	—		15.
Желаніе	—		16.
Невское кладбище		XXVIII.	20.
Пенрь Великій въ Парижскомъ Инвалидномъ домѣ		XXIX.	44.
Къ Т — ой		—	47.
Нашаія Долгорукова. Дума		XXX.	61.
Жизнь		XXXI.	79.
Романсъ		—	80.
Пѣсня бѣдняка		XXXII.	95.
Пѣснь Регнера		XXXIII.	110.
Спихи для Альбома К. А. Р. К.		—	112.
Кн. Н. Ю. С — ой, въ день ея рожденія		—	—
Доридъ		XXXIV.	118.
Къ дѣвущкѣ, которая на вопросъ , какъ ее зовушь? отвѣчала: не знаю!		—	—
Лужокъ и лужа. Басня		XXXV.	131.
Ночное размышленіе		—	140.
Мадригаль А. И. Е.		—	143.
К. Б. фонъ-дерь-Боргу		—	—
Прощаніе		—	144.
Языкъ и зубы. Воспоиный Апологъ		XXXVIII.	187.
Младая узница		—	—
Размолвка		—	190.
Безнадежностъ		—	—
Къ Лилѣ		—	191.
Воспомяніе		—	—
Зимній вечеръ		XXXIX.	202.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

№. XXVII.

П Р О З А.

Донъ Леонъ и Біанка.

(Окончаніе.)

Важный видъ и повелительный голосъ Папы произвели невольное содроганіе въ Біанкѣ. Она гошова была къ великодушнѣйшимъ пожертвованіямъ, но не ожидала шоль скорой перемѣны въ своей участи. Оспавишь своихъ родишелей, не просшившись даже съ ними, казалось ей жестокимъ; но она вспомнила, что всякое прошиворѣчіе было бы здѣсь бесполезно. Біанка снова воспріяла свою швердось и объявила Папѣ, что во всемъ покоряется его волю. Свяшый Ошецъ далъ ей свое благословеніе и оппусшилъ ее съ ласковыми, дружешвенными увѣщаніями. Въ карешѣ нашла она, шверхъ ожиданія, машь свою, кошорая, по желанію Папы, долженшвовала проводить ее въ новое обшпалще. Во все время дороги, обливалась Біанка горькими слезами. Приближаясь къ Риму, увидѣла она Донъ-Леона, вхавшаго верхомъ. „Ахъ!“ сказала она, „онъ конечно спѣшишь къ намъ, въ Кашель-Гандольфо! Чшо съ нимъ будешь, когда онъ

не найдешь меня въ домѣ опеческомъ; когда узнаешь, что я, можешь быть навсегда, удалилась опъ свѣша?“ Мысль сія рѣзирала сердце Біанки; но она имѣла довольно твердости, чтобы скрыться опъ его взоровъ въ глубину карешы. Донъ-Леонъ, конечно размышлявшій о предметѣ любви своей, поспѣшно проѣхаль мимо и не обратилъ вниманія на сидѣвшихъ въ карешѣ. За то Біанка съ горестію замѣшила, что смерпная блѣдность покрывала лицо его и глубокая задумчивость изображалась на челѣ.

Наспоятельница Воспитательнаго Общества, въ которое вступила Біанка, приняла ее съ особеннымъ уваженіемъ. Въ комнашъ своей нашла она форшепьяцо; окна ея выходили въ прекрасный садъ и казалось, что строгій Папа, заключившій ее въ сіе уединеніе, принялъ однакожь всѣ мѣры, дабы здѣлашь оное сколько возможно споснымъ и пріятнымъ. Вскорѣ познакомила она съ новыми своими подругами и пріобрѣла искреннѣйшее ихъ дружество. Наспоятельница продолжала оказывать къ ней опличное вниманіе, которое Біанка, съ своей спороны, оправдывала въ полной мѣрѣ своею кропостію, благочестіемъ и шою безропощною покорностію, съ коєю предавалась она судьбѣ своей.

Между тѣмъ Донъ-Леонъ узналъ, что Біанка позвана была къ Папѣ и — не возвращалась болѣе. Онъ поспѣшилъ къ своему дядѣ, но не былъ къ нему допущенъ. Тщешно освѣдомлялся онъ о мѣстѣ пребыванія своей любезной: ему сказывали шолько, что она находится въ одной изъ Римскихъ обипелей, но никто не зналъ, въ какой именно. Черезъ нѣсколько дней Варвара возвратилась въ Каспель-Гандольфо и,

при первомъ посѣщеніи Донъ-Леона, открыла ему сію шайну. Онъ поспѣшилъ въ Римъ и — прямо въ шу обитель, гдѣ заключена была его любезная. Но здѣсь были уже приняты все мѣры для воспрепятствованія ихъ свиданію. Ни прозбы его, ни слезы, ни обѣщанія, ничто не могло смягчить строгой Настоятельницы.

Вскорѣ потомъ, Донъ-Леонъ позванъ былъ къ Папѣ. Сей торжественно объявилъ ему, что Біанка навсегда для него потеряна и что онъ долженъ немедленно прислушаться къ союзу съ Принцессою *Сальвиати*. Болѣзнь сей послѣдней было единственное обстоятельство, которое препятствовало до-нынѣ сему браку; но — говорилъ Папа — оный непременно долженъ совершиться, какъ скоро Принцесса поправится въ своемъ здоровьѣ. — Донъ-Леонъ съ швердосію объявилъ своему дядѣ, что никогда не вступитъ въ сей союзъ, споль для него ненавистный. Папа, раздраженный его прошиворѣчіемъ приказалъ отвезти его въ крѣпость С-шь Анджело и содержать подъ стражею, до тѣхъ поръ, пока онъ переменитъ свои мысли. „Въ такомъ случаѣ, гробница Императора Адриана будетъ и моею,“ спокойно сказалъ *Донъ-Леонъ*, повинаясь волѣ грознаго своего дяди.

Извѣстіе объ его заключеніи вскорѣ дошло до Біанки. Она слишкомъ хорошо знала Донъ-Леона, чтобы сомнѣваться въ постоянствѣ его чувствованій; она знала, что угрозы Папы не могутъ устрашить его и что онъ не вступитъ въ предназначенный для него союзъ, доколѣ Біанка находится будетъ въ живыхъ. Размысливъ о семъ, приняла она намѣреніе,

великодушное, но ужасное; намѣреніе, пожертвовашъ собою, дабы уничтожилъ послѣднюю преграду, копорая предстояла счасію ея любезнаго.

Въ одинъ вечеръ шайно удалилась она изъ обители; купила въ ближней Аптекѣ большой приѣмъ опиума и поспѣшила попомъ на мостъ, находящійся предъ крѣпостью С-шъ Анджело. Здѣсь ходила она взадъ и впередъ, желая увидѣшь Донъ-Леона и вмѣстѣ страшась, чшобы Настоятельница, замѣшивъ ея опшшшствіе, не послала искашь ее. Послѣ долгаго и шщепнаго ожиданія, увидѣла она наконецъ своего любезнаго, копорый прогуливался по верхней галлерей зѣмка. Взоръ, брошенный имъ нечаянно на мостъ, заставилъ и его, примѣшивъ Біанку. Тогда мрачное чело его прояснилось и живѣйшая улыбка радости, давно уже ему чуждая, появилась на устахъ. Біанка показала ему шкляночку съ опиумомъ и, объяснивъ знаками свое намѣреніе, выпила оную съ спокойнымъ и шоржешвеннымъ видомъ. Несчастный Донъ-Леонъ понялъ свою любезную; онъ почувшвовалъ важность жершвы, приносимой великодушною ея приверженношшю; но — не видѣлъ болѣе возможности къ ея спасенію. Между шѣмъ Біанка просшерла руки свои къ башнямъ крѣпости, какъ будто прощаясь съ Донъ-Леономъ и поспѣшно удалилась въ свою обитель.

Настоятельница и всѣ подруги, замѣшивъ ея опшшшствіе, находились въ живѣйшемъ безпокойствѣ. Онѣ хошѣли осыпашъ ее упреками; но шоржешвенный и спокойный видъ Біанки ихъ обезоружилъ. Обрадованная Настоятельница не хошѣла даже спросишь ее, гдѣ она была и чшо подало поводъ къ сей

самовольной оплучкѣ. Но къ величайшему изумленію Біанки, увидѣла она мать свою, которая сидѣла въ углу галлерей и горько плакала. Встрѣча сія и отчаянный видъ Варвары возбудили въ ней невольное содроганіе. „О Біанка!“ воскликнула мать прерывающимся опъ рыданій голосомъ. „Знаешь ли, что Принцесса *Элеонора*, молошная сестра швоя, сегодня скончалась? Горе мнѣ, несчастной женщинѣ! Вообрази, что она окончила жизнь въ шо самое время, когда назначена была въ супруги Папскому племяннику.“

„Утѣшьшесь, машушка“, отвѣчала Біанка. „Тамъ, въ обители блаженныхъ, будешь она наслаждаться совершеннымъ, неопъемлемымъ спокойшвіемъ. Жалю о Принцессѣ, хошя я совсѣмъ ее не знала: Вы никогда не хошли, сводишь меня къ Элеонорѣ. Но прошу Васъ, машушка; умъръше печаль свою.“ — „Машушка!“ возразила отчаянная Варвара. „Знай, что я шебѣ не мать! Покойная Элеонора была моя дочь.“

При сихъ словахъ шрепешъ объялъ Біанку: спрашная шайна объяснилась предъ ея глазами. Она ушремила пронцашельный взоръ на женщину, которую почишала донынѣ своею машерью и сказала: „О ужасное, неслыханное злодѣяніе! Зачѣмъ не узнала я о немъ прежде? Злополучная преступница! Праведное Небо посылаешь шебѣ нынѣ достойную казнь. Знай, что ты была вмѣстѣ и моею убійцею! Желаніе, спасши Донъ-Леона, внушило мнѣ спрашную мысль, пожертвовашъ для него жизнью. Я приняла ядъ и начинаю уже чувствовашъ смершоносную его силу. Но пусть однѣ угрызения совѣсти будущъ шебѣ наказаніемъ! Я прощаю шебя: я слишкомъ долго назы-

вала себя маперью!“ — Сіи послѣднія слова произнесла Біанка слабымъ и прерывающимся голосомъ; потомъ тихо вздохнула и, лишенная чувствъ, упала на полъ.

„Праведное Небо! Она отправила себя ядомъ“, вскричала Наспоятельница и повсорили всѣ подруги. Тщешно старались онѣ привести Біанку въ чувство: она оставалась холодна и недвижима.

Отчаяніе Варвары достигло высочайшей степени. Она бросилась на охладѣвшее тѣло Біанки и обливала оное слезами, проклиная себя и свое преступленіе. Наспоятельница приказала отвести ее въ отдаленную комнату и ввѣрила надзору одной изъ своихъ помощницъ.

Обратимся потомъ къ Донъ-Леону. Великодушная, но ужасная жертва, кошорую принесла ему Біанка, поразила его до такой степени, что онъ лишился чувствъ и долго находился въ безпамятствѣ. Пришедъ въ себя, написалъ онъ къ Папѣ; объявилъ ему все, чего былъ свидѣтелемъ и заклиналъ его, спасти Біанку, если сіе только возможно. Папа глубоко былъ пронухъ писмомъ его. Онъ въ ту же минушу приказалъ отыскать своихъ Лейбъ-Медиковъ и отправилъ ихъ въ обитель, гдѣ находилась злополучная жертва. Онъ просилъ ихъ, употребить все свое искусство и всѣ старанія, дабы предупредить пагубное дѣйствіе яда.

Между тѣмъ Донъ-Леону, на другое же утро, возвращена была свобода.

Папскіе Врачи прибыли въ обитель, гдѣ, не смотря на глубокую ночь, все находилось въ движеніи. Они

приблизились къ холодному шрупу Біанки; употребляли всѣ пособія своего искусства, дабы воззвать ее къ жизни; но все казалось тщетнымъ.

Между тѣмъ Варвара нѣсколько успокоилась и, при наступленіи утра, Настоятельница не находила болѣе нужнымъ, удерживать ее въ обители. Едва услышала о семъ Варвара, какъ поспѣшила въ домъ *Сальвати*; изъявила желаніе, видѣть немедленно Принца и Принцессу и, бывъ допущена, поверглась къ ногамъ ихъ, со слезами горести и живѣйшаго раскаянія. Долго рыданія прерывали ея голосъ. Наконецъ повѣдала она имъ шайну, копорая столь многія лѣта обременяла ее совѣсть: она объявила, что не Элеонора, но Біанка была ихъ дочерью.

Вошь въ чемъ состояла сущность ея признанія: Принцесса *Сальвати*, по разрѣшеніи своемъ отъ бремени, находилась въ величайшей опасности. Принцъ, нѣжный и попечительный супругъ ея, былъ при ней почти безоплочно и не имѣлъ даже времени, видѣть новорожденную. Варвара, копорая нѣсколькими только днями предупредила Принцессу, приняша была въ кормилицы и отдала маленькую Элеонору на попеченіе сестрѣ своей, у коей незадолго предъ тѣмъ умеръ ребенокъ. Сія послѣдняя приходила къ ней почти ежедневно и приносила ея дочь. Однажды пришла симъ двумъ женщинамъ странная мысль, подмѣнить ребенка; мысль, копорую и исполнили онѣ съ общаго согласія. Обманъ сей невозможно было проникнуть; ибо Элеонора нѣсколькими только днями была старше Біанки и обѣ дѣвочки казались равно прекрасными. Такимъ-то образомъ истинная Принцесса

Сальвати получила свое воспитаніе въ домѣ башмашника Бонифація, въ Касшель-Гандольфо, между тѣмъ какъ молошная сестра ея пользовалась всѣми выгодами богашства и знанности, посреди великолѣпныхъ чертоговъ.

Всѣ сіи подробности подтвердила Варвара своими слезами, а сверхъ того приводила многія доказательства, кои казались неоспоримыми. Она между прочимъ утверждала, что Біанка имѣла великое сходство съ Принцессою, какъ въ наружности, такъ и въ благородномъ образѣ мыслей.

Принцъ и Принцесса съ горестію выслушали сіе признаніе. Казалось, что Небо испытуешь ихъ покорность и терпѣніе, лишивъ ихъ въ одно время двухъ дочерей. Ужасное опчаяніе, въ коемъ находилась Варвара, заставило ихъ воздержаться отъ всякихъ упрековъ. Удословившись въ истинѣ ея показаній, съѣли они въ свою карешу и поспѣшно оправились въ обитель.

Въ большой галлерей нашли они Наспояшельницу и всѣхъ воспитанницъ, окружавшихъ холодное тѣло Біанки. Съ горестнымъ умиленіемъ увидѣвъ въ ней Принцъ разительное сходство съ чертами своей супруги. Оба они оросили горькими слезами безчувственные ея ошашки. — Въ сію самую минушу, съ шумомъ ошворилась дверь, и Донъ-Леонъ, смущенный, опчаянный, съ распущенными волосами и пламеннымъ взоромъ, вошелъ въ галлерей. „Гдѣ, гдѣ она?“ воскликнулъ онъ въ неистовомъ опчаяніи. Предпосящіе въ молчаніи указывали ему на бездыханное тѣло. Злополучный Донъ-Леонъ бросился обнимать оное и,

какъ казалось, хошѣлъ умереть вмѣстѣ съ сими драгоцѣнными оспашками. — Всѣ присушествовавшіе плакали отъ умиленія.

Но вдругъ — о чудо! — бездыханная красавица, виновница сихъ слезъ и рыданій, открыла глаза, тихо вздохнула и воскликнувъ: „гдѣ я?“ поднялась со смершнаго одра своего!

Невольный шрепешъ объялъ всѣхъ присушествовавшихъ: ужась, удивленіе, радость попеременно ихъ колебали. Донъ-Леонъ первый прервалъ молчаніе и заключивъ Біанку въ свои объятія, воскликнулъ: „Милосердное Небо! Сонъ ли эшо или истина? Если сонъ, шо я желалъ бы никогда не пробуждашься! Біанка! Біанка! Ты ли эшо?“ продолжалъ онъ со слезами восшорга и все еще не довѣряя себѣ самому. Но живой румянецъ покрылъ дошолъ блѣдныя ланиты красавицы; радостная улыбка блеснула на устахъ ея и — пріятная вѣсть объ ея пробужденіи разнеслась по всей обшечели. — Между шѣмъ Принцъ и Принцесса приблизились къ дочери, столь чудесно возвращенной имъ Провидѣніемъ и заключили ее въ свои объятія, проливая радостныя слезы.

Происшествіе сіе долго казалось неизъяснимымъ: наконецъ призвали Апшекаря, у коего Біанка купила мнимый ядъ. Сей объявилъ, что въ чертахъ молодой дѣвушки, пошребовавшей у него столь сильный пріемъ опіума, открылъ онъ нѣкоторыя признаки внушренняго волненія, кошорое шщечно спаралась она побѣдить. Сіе показалось ему подозрительнымъ. Онъ хошѣлъ сперва ошказать ей въ семъ шребованіи; но размысливъ, что она можешь купить себѣ опіума въ

другой Аптекѣ, рѣшился дать ей, вмѣсто онаго, крѣпкія усыпительныя капли, кои впрочемъ не могли имѣть вредныхъ послѣдствій.

Принцъ и Принцесса, Настоятельница обихтели и всѣ подруги осыпали оспорожнаго Аптекаря живѣйшими изъявленіями своей благодарности. Донъ-Леонъ почишалъ себя счастливейшимъ изъ смертныхъ. Искреннее веселіе воцарилось въ домѣ *Сальвати*, въ коемъ за нѣсколько часовъ предъ симъ владычествовали скорбь и отчаяніе. Обрадованный Папа съ умиленіемъ благословилъ союзъ, равно соотвѣтствовавшій его желанію, какъ и испытанной любви Донъ-Леона и Біанки.

По прошествіи нѣсколькихъ дней совершилось бракосочетаніе. Давно уже не видали въ Римѣ столь блестящаго, столь великолѣпнаго шоржества. Самъ Папа совершалъ сей священный обрядъ и заключилъ оный трогательною рѣчью къ юнымъ супругамъ. Старый Доминико былъ также приглашенъ къ сему празднику, по желанію новобрачныхъ, кои никогда не преславали оказывать ему искреннѣйшую любовь и уваженіе.

Башмашникъ Бонифацій, находившійся между зрителими бракосочетанія, былъ внѣ себя отъ радости и говорилъ своимъ сосѣдямъ: „Не всегда ли я предсказывалъ, что Біанка должна быть Принцессою?“ Искренняя его приверженность къ Біанкѣ и нѣжныя попеченія объ ея молодости не остались безъ награды: новобрачные осыпали его подарками и, великодушнымъ своимъ пособіемъ, улучшили его положеніе.

Они успѣли также, хотя съ великимъ прудомъ, убѣдиль Папу къ прощенію Варвары, копорую хошѣль онъ наказашъ съ примѣрною строгостію.

(Вольный переводъ съ Нѣмецкаго.)

М ы с л и.

Женишься по расчешу — не шо же ли самое, что купишь книгу въ богатомъ переплешѣ, содержаніе кошорой намъ неизвѣсно?

*

Много любви ешь также бремя, хоша и сладкое.

*

Кшо съ насшупленіемъ каждаго вечера съ радостію вспоминаешъ прошедшій день, шошъ въ полной мѣрѣ наслаждаешся жизнию.

*

Опъ чего люди больше просятъ Бога объ изліяніи новыхъ щедрощъ, нежели благодарящъ Его за шо, что уже приемлющъ опъ милосердой Его десницы? Не опъ того ли, что они никогда и ничѣмъ не довольсшвуются?

*

Одну шолько любовь къ ближнему обнаруживай; всѣ другія добродѣтели долженъ шы скрывать, если не хочешъ казашься лицемѣромъ.

*

Мудрецъ молчишь, когда слова его щещны.

*

Сколь сладостны, сколь ушѣшительны для смершныхъ шихія спруи Лешы! И при всемъ помъ мысль, бышь забвенными, нерѣдко насъ шерзаетъ!

*

Говоря съ людьми, не корошко намъ знакомыми, съ нѣкопорою робостію изъявляемъ мы свой образъ мыслей о важныхъ и священныхъ предметахъ: мы знаемъ, что ошъ одного сужденія сего рода зависить нерѣдко выгодное или невыгодное ихъ мнѣніе о насъ самихъ.

*

Кшо насмѣхаешся надъ ближнимъ своимъ, со вздохомъ говорящимъ: „чѣмъ бы я могъ бышь!“; помъ или самъ великій Геній, чувствующій свое достоинство, или низкая душа, никогда не дерзавшая спремись къ возвышенной цѣли и довольная шѣмъ, что оспалась у преддверія храма.

*

Вредъ, причиняемый намъ худыми Спихотворцами, не узнанъ еще въ полной мѣрѣ. Они нерѣдко испощаютъ разишельныя каршины, предназначенныя пошько для шого, чтобы возносишь духъ человекъ изъ праха земнаго на небо; каршины, кои по сему самому, должны бышь берегаемы для немногихъ, шоржешвенныхъ минушь. Но сіи Спихотворцы не постигаютъ сего различія и до шого обременяють оными слухъ нашъ, что каршины сіи преждевременно испощаются и не

производяшъ болѣе ни малѣйшаго дѣйствія. Чшобы снова чувствовашъ красоты Писшическія, чловѣкъ долженъ сперва вникнуть въ себя самага и, вспомнивъ истинную цѣль Поэзіи, забыть о злоупотребленіи оной.

В. Тило.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Б а с н и.

т т т т

10.

П л о д ъ.

Садовникъ съшоваль, чшо долго плодъ не зрѣешъ;
А плодъ судилъ: „Вина не опъ моихъ сѣмянъ;
Дай больше солнца миѣ — и буду я румянъ.“ —
Безъ солнца и шаланшъ въ созрѣніи коснѣешъ.

11.

Жертвенникъ и Правосудіе.

Во храмѣ жертвенникъ пресупника скрываль.
„Какъ?“ Правосудіе вопило раздраженно:
„Скрывашъ пресупника?“ . . . „Да,“ — жертвенникъ
сказаль. —
„Несчасіе священно.“

12.

І о ж ѣ и мышъ.

Іожъ говорилъ, чшо опъ изъ одного презрѣнья
Къ мірскому, скрылъ себя во мракъ уединенья. —
„Сосѣдъ!“ сказала мышъ, „разказывай другимъ:
Опъ міра злой не прочь, но въ мірѣ шѣсно съ нимъ.“

К ъ р у ч ь ю .



Тебя привѣщивую, домашній другъ села,
Ручей, счастливый сынъ Природы!
Рука, всесильная въ пустынь провела
Твои незнаемыя воды.

*

Свободныхъ береговъ не спережешь границъ;
Законовъ нѣтъ тебѣ уславныхъ;
Не раболѣпствуя спруя пвоя бѣжишь
Въ своихъ изгибахъ своенравныхъ.

*

Ты исполняешь самъ прекрасный долгъ добра,
Долгъ благородный и веселый;
И радостнымъ ключемъ кипящаго сребра
Обогащаешь наши селы.

*

Шуми, веселый гость знакомыхъ мнѣ полей,
Ручей прекрасный, величавой!
Не знай, подобно намъ, поминельныхъ цѣпей;
Будь нашей радостью и славой!

Н. Коншинъ.



Желаніе.

Какіе спрасшныя вчера бросала взгляды
Младая дѣва на меня!
Среди суровыхъ дѣлъ, среди помленій дня
Я сердцу въ нихъ искалъ оспрады.
Съ обѣсами любви они являлись мнѣ,
Тревожа умъ мой безъ пощады.
Ахъ! Пустъ увижу и во снѣ
Я васъ, мучительныя взгляды!

Туманскій.

О ш и б к а.

Въ Но. XXVI *Нов. Литт.*, на стр. 208-й, въ послѣднемъ стихѣ пьесы: *Картина Жиродета*, ошибкою напечатано: *сонаго*, вмѣсто: *соннаго*.

Печашашъ позволяешся: Іюля 18-го дня, 1823 года.

Цензоръ А. Бирюковъ.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

№. XXVIII.

П Р О З А.

Замокъ Венденъ.

(Отрывокъ изъ Живописнаго путешествія по Лифляндіи.)

Послѣ долгаго странствованія прибыли мы наконецъ къ древней столицѣ Лифляндскихъ Рыцарей. Венденъ, подобно сельской красавицѣ, небрежно покоится на скалѣ холма и дружественно приманиваетъ путешественника своими красными кровлями. Отъ Трейдена продолжали мы путь свой чрезъ горы и долины. Я не буду описывать себѣ живописныхъ утесовъ, разсыпанныхъ по берегамъ Лигаша и Аммашы и другихъ, столь же прелестныхъ видовъ, кои, во всю дорогу, представляла намъ величественная цѣпь горъ. Ограничусь нѣкоторыми только замѣчаніями о сихъ странахъ, любопытныхъ болѣе, нежели въ одномъ отношеніи. Все пространство отъ Гинценберга до Вендена не только доставляетъ пріятнѣйшее занятіе для любителей изящной Природы; но и для Геолога можетъ служить предметомъ важныхъ изслѣдованій. Горы сіи состоятъ частію изъ песчанаго камня, смѣшаннаго съ глинкою. Во многихъ изъ нихъ находится земля,

смѣшанная съ пескомъ и кремнями и перерываемая слоями извести и глины. Здѣсь часто встрѣчаются окаменѣлости черепокожныхъ живописныхъ и ошпечанки растѣній. Сіи свидѣтели давно минувшихъ, великихъ явленій Природы, ясно доказываютъ, что горы, лежація по берегамъ рѣки Аа, образовались отъ часныхъ наводненій. Но испытаешь Природы, еще съ большимъ удивленіемъ, открываешь здѣсь обломки гранита, разсыянные по полямъ и холмамъ всей Лифляндіи и по большой части находимыя на вершинахъ горъ. Какимъ образомъ очутились оныя здѣсь, когда въ Остзейскихъ провинціяхъ не находятся граничныхъ утесовъ? Не занесены ли они сюда, какъ-то нѣкошорые полагають, пошопомъ или другими, послѣ бывшими наводненіями? Но въ такомъ случаѣ, когда происходили сіи послѣднія, и кто, хотя по догадкамъ, осмѣлился опредѣлить эпоху оныхъ? Какъ бы то ни было, Физическое свойство земли въ Лифляндіи показываетъ, что сіи перемѣны не могутъ отношиться къ столь отдаленной эпохѣ, къ какой принадлежатъ подобныя, коихъ слѣды находимъ мы на Альпахъ и въ Сѣверной Азіи. — Стоишь только взглянуть на превосходную Каршу Графа *Меллина*, чтобы удостоверить, сколь великое множество озеръ, рѣкъ и болотъ заключаетъ въ себѣ Лифляндія. Можно смѣло сказать, что ни въ какой части земли, исключая развѣ Америки, не находятся оныя въ значительнѣйшемъ числѣ. При первомъ взглядѣ можно почестъ воды сіи остатками моря, кошорое выступало нѣкогда изъ береговъ своихъ, но возвращаясь въ оныя, не совсѣмъ еще осушилось. Впрочемъ я предостерегаю

дальнѣйшее изслѣдованіе сего предмета опытнѣйшимъ наблюдаателямъ Природы. Пустьъ они рѣшають, основательна ли сія догадка. — Между тѣмъ мы поспѣшимъ въ городъ.

Венденъ возвышается на Воспточной отрасли горъ, о коихъ упоминали мы выше. Разсполніе его отъ Риги составляетъ 81, а отъ рѣки Аа 2 версты. Онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ горами, коихъ окружность составляетъ 3 мили. Число жителей простирается нынѣ до 1200 человекъ. Всѣ они довольствуются водою изъ двухъ колодезей, находящихся на обоехъ рынкахъ, посреди города. Къ онымъ проведены трубы, но не извѣстно, въ какое время. Должно полагать, что по поводу бывшихъ осадъ, жители принуждены были здѣлать сіи водопроводы изъ двухъ обильнѣйшихъ ключей, Шпейнкуле и Изенпфорте, недалеко отъ города находящихся. Первый образуетъ небольшой водопадъ; а послѣдній воспріимаетъ начало свое въ пещерѣ одной песчаной горы, гдѣ древніе жители Лифляндіи совершали свои жертвоприношенія.

Признаюсь, что мы съ горестнымъ чувствомъ вступили въ сей городокъ, бывшій некогда впрочемъ столицею Лифляндіи. Отъ стѣнъ его остались однѣ только развалины; а прежнихъ, обширныхъ его предѣловъ, нѣтъ даже и слѣдовъ. Здѣсь-то живо представилась намъ мысль о плѣнности всего земнаго. Да и можешь ли человекъ, сей минушній гость міра, надѣясь на прочность своихъ произведеній, когда и самыя великія произведенія Природы подвержены разрушенію?

Солнце склонялось уже къ Западу, когда мы остановились въ здѣшней гостинницѣ. Мы хотѣли воспользоваться пріятнымъ вечеромъ, дабы осмотрѣть окрестности города. Служники наши взяли съ собою рога и спрашивали: въ кошорой часпи зѣмка эхо нѣсколько разъ сряду повтораешъ звуки? „Не знаю,“ отвѣчалъ слуга гостинницы, молодой человекъ лѣтъ 15-ти; но пошомъ, оправясь опъ своего замѣшательства, прибавилъ: „Подождише немного; я сей часъ побѣгу въ лавку къ нашему Бургомистру. Онъ вѣрно все эшо знаетъ.“ Мы смѣялись сему забавному отвѣшу; но, не дожидаясь освѣдомленія, пошли сами ошѣскивать говорливое эхо.

Мы спустились въ долину по узкой, каменистой шропинкѣ. Прoшедши нѣсколько шаговъ, увидѣли мы предъ собою развалины древняго рыцарскаго зѣмка, ешоявшія въ тускломъ, шоржешвенномъ величіи, подобно Титану, падшему послѣ битвы съ Олимпомъ. Солнце уже закашилось; послѣдніе лучи его отражались на высокихъ шпицахъ башней. Глубокая тишина, вокругъ насъ царствовавшая, изрѣдка была прерываема тихимъ вѣяніемъ вечерняго вѣтерка, какъ будто благословляющаго засыпающую Природу.

Служники наши скоро нашли шо мѣсто, ошкуда эхо наиболѣе было слышно. Для пробужденія сей опящей Нимфы, Г-нъ // проигралъ адакію; а мы, одушевленные вечернею прохладою, сѣли противъ зѣмка, на скатѣ холма, и расположились слушать сей странный дуэшь. Проигравъ нѣсколько шактъ, Музыка умолкла и эхо очень ясно повторило всѣ звуки оной. Въ шу минушу, когда сей ошголосокъ

взрашилъ, услышали мы другой, слабѣе перваго, а за онымъ послѣдовалъ шрепій, подобный самому шихому *piano* и постепенно исчезнувшій въ воздухъ. — Нѣкоторые искусные музыканты удачно подражали натуральнымъ опголоскамъ; но сколь слабымъ находилъ я шеперь сіе подражаніе! Дѣйствіе Венденскаго эхо назвашь можно чудеснымъ. Мнѣ казалось, будто бы пробудились шѣни древнихъ рыцарей; будто бы минувшіе вѣки *Монгейма*, *Финно* и *Плеттенберга* опзывались въ сихъ печальныхъ звукахъ. Можешь бышь, прелестный вечеръ и окружающіе предметы содѣйствовали къ сему очарованію; но, какъ бы шо ни было, я никогда не забуду шого удовольствія, съ которымъ мы провели здѣсь около получаса. Сердце мое сильно поражено было симъ сляніемъ Природы и Искусства.

Въ памяти нашей возобновились произшествія, случившіяся здѣсь 9-го Сеншября 1577-го года, когда злополучные жштели, съ частію сего зámка, взорваны были на воздухъ. Осажденные опшвергнули предложеніе Царя *Іоанна Васильевича*, опасаясь, чшобы разгнѣванный неприятель не предаль ихъ такой же участи, какая постигла городъ. Они приняли мужественное намѣреніе: или искупишь жизнь свою храбрымъ сопротивленіемъ, или найши славную смерть съ оружіемъ въ рукахъ. Пяшь уже дней продолжалась осада; спѣны зámка были наконецъ разрушены, а съ ними погибла и надежда храбрыхъ. Но на чшо не можешь рѣшишься опважный человекъ, которому нѣшь болѣе надежды къ спасенію? Колеблясь между двумя родами смерти, избрали они шопъ,

который казался имъ скорѣйшимъ и доспославнѣйшимъ; но разлучаясь съ міромъ, хотѣли успокоить себя въ смертный часъ Причащеніемъ Святыхъ Таинъ! О сколь прогашельны ушѣшенія Вѣры! Никогда можетъ быть священное сіе дѣйствіе не совершалось съ такимъ умиленіемъ, какъ въ сіи торжественныя минушы. Трися несчастныхъ жерпвъ, обреченныхъ смерти, въ глубокую полночь собрались въ одну комнашу надъ сводомъ небольшой круглой башни, коцорая раздробленными осшашками своими и пеперь еще пугаешъ зришеля. Здѣсь-шо совершали они торжественный сей обрядъ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, между шѣмъ какъ громъ пушекъ и крики осаждающихъ грозили уже имъ погибелью и мучишельная смерть шайлась въ подземномъ сводѣ. Прощанія, вопль супруговъ, дѣшей и друзей разносились по замку; одинъ бросалъ послѣдній шрепешный взглядъ на драгоцѣнныхъ его сердцу; другой, въ нѣмомъ опчаяніи, ожидалъ близкаго конца. — Въ сію-шо минушу Генрихъ *Бойманъ*, одинъ изъ Военачальниковъ Герцога *Магнуса*, изъ окна Рыцарской залы зажигаешъ погребъ, наполненный порохомъ. Ужасный шрескъ раздался въ окрестностяхъ; несчастные взлешѣли на воздухъ; земля вздрогнула и черное облако дыма поднялось надъ развалинами, какъ будто бы хотѣло скрыть искаженные осшашки злополучныхъ. *Бойманъ* осшался въ живыхъ для шого шолько, чтобы извѣстишь Царя о семъ происшествіи. Немногіе изъ жишелей, скрывавшіеся въ подземныхъ сводахъ, ожидали шакже смерти ошъ руки неприяшеля.

Но обратимъ взоръ ошъ сихъ печальныхъ явленій и посещимъ во внутренность замка. — Торжественная пишина вечера возвышала впечатлѣнїе, производимое видомъ величественныхъ развалинъ.

Не ожидай ошъ хеня описанїа разрушенныхъ столповъ и пышныхъ памятниковъ, подобныхъ пѣмъ, какіе представляющъ Аѳины и Римъ. Развалины Лифляндскїа имѣющъ совсѣмъ другой характеръ. Но и это Готическое зданіе не менѣе любопытно для наблюдательнаго путешественника: оно есть вѣрный оппечатокъ времени, ознаменованныхъ Героизмомъ и швердосшію. Здѣсь видишь оштатки разрушенныхъ сводовъ, залъ и комнашъ. Плафонъ огромной Рыцарской залы шакже обрушился. — Остановимся еще разъ надъ сими развалинами и бросимъ еще одинъ взоръ на минувшее.

Ничшо не пишашъ горестнѣйшихъ мыслей, какъ видъ разрушенныхъ зданій, гдѣ обитали нѣкогда сила и могущество, роскошь и веселіе. Но съ другой стороны, ничшо не возбуждаешъ умъ къ важнѣйшимъ и поучительнѣйшимъ размышленїямъ. Судьба земель и народовъ зависишъ нерѣдко ошъ столь же спраннаго стеченїа общошательствъ, какъ и судьба частныхъ людей. Нѣсколько Нѣмецкихъ промышленниковъ, занесенныхъ бурєю къ берегамъ Лифляндїи, предназначены были ввести здѣсь Христїанство и покоришъ ея жишелїи. Орденское брашество, возникшее на Ливанѣ и вышѣсенное въ Европу Срацинами, образуетъ Государство въ неизвѣстныхъ спранахъ Сѣвера. — и современные собышїа благопрїятисивуюшъ успѣху онаго. Внутреннїа несогласїа ослабляюшъ

сіе новое Государство, основанное Рыцарями; но, будучи уже близко къ своему паденію, поддерживается оно мужественною рукою *Плеттенберга*. Наконецъ сей знаменитый мужъ, до глубокой старости сохранившій всю дѣятельность юности, при самой смерти своей, получаетъ еще неожиданное право на Королевскую корону! Какъ, опъ чего, для чего все это случилось? — Слабый смертный! Тебѣ ли изслѣдывать непреложные пути Провидѣнія въ семь приливъ и отливъ народовъ, когда не можешь даже разрѣшить загадки собственнаго бытія своего?

Изъ древнихъ преданій не видно, когда именно построень городъ Венденъ и принадлежащій къ нему замокъ; но извѣстно шолько, что оныя принадлежать къ древнѣйшимъ поселеніямъ въ Лифляндіи. (*) При описанномъ нами взорваніи зámка, оный, какъ жажется, былъ шолько опчасши разрушень; ибо Рускія войска поспѣшно его исправили и оставили въ немъ гарнизонъ. Въ Декабрѣ 1577-го года, Іоганъ *Бюрингъ*, управитель Орденскихъ имѣній изъ Трейдена, прибылъ съ небольшимъ числомъ людей къ зámку Вендену. Ночная темнота способствовала его предпріятіямъ. Съ помощію веревочныхъ лѣшницъ, *Бюрингъ* и его дружина вошли на стѣны, и Россійскій гарнизонъ, пробужденный изъ глубокаго сна, увидѣлъ себя въ рукахъ непріятеля, прежде, нежели успѣли

(*) Городъ Венденъ, по свидѣтельству *Ардта*, построенъ въ 1205-мъ году Вендами, вытѣсненными изъ Виндавы. Въ послѣдствіи былъ онъ разорень, пошомъ снова возстановлень Епископомъ *Альбертомъ*, въ 1224-мъ году.

принять оружіе. *Бюрингъ*, не довольствуясь симъ шайнымъ впорженіемъ, жестоко опшмспиль своимъ непріаелямъ: всѣ плѣнные, найденные имъ въ замкѣ, преданы были мучительной смерти. Но судьба гошвила и ему жесточайшія испытанія.

Въ началѣ 1578-го года новый опрядъ Рускій появился подъ стѣнами крѣпости. Опважный вождь дружины Венденской многократно и мужественно опражалъ осаждающихъ. Но совершенный недоспашокъ въ сѣспныхъ припасахъ здѣлалъ дальнѣйшее сопрошвление невозможнымъ. *Бюрингъ* не лишился одинакожь присущствія духа. Онъ побуждаешъ храбрыхъ защитниковъ къ новому, не менѣе опважному предпріаію, кошорое и имѣло счастливый успѣхъ. *Бюрингъ* беретъ 40 человекъ изъ лучшихъ своихъ всадниковъ, и швердо увѣренный въ шомъ, что храбрость можешъ прошивустояшъ многочисленности, пробиваешся сквозь Руское войско. Онъ достигаешъ Риги; описываешъ бѣдспвіа, прешерпѣаемыя въ замкѣ и городѣ и, наконецъ, получаешъ помощь опъ Польскаго Генерала *Дембинскаго*. Но на сей разъ была оная излишнею. Непріаели, усшрашенные приближеніемъ значительныхъ войскъ, сами сняли осаду.

На сей разъ довольно. Тихій свѣш луны освѣщаешъ уже Венденскія развалины; мершвая шишина господспвуешъ повсюду, и унылыя шрели соловья, издали несущіяся, возбуждающъ въ душѣ моеей нѣкошорую сладкую задумчивость. Завпра напишу болѣе.

Маія 21-го. Сегодня, рано по ушру, поспѣшно осшавили мы свои кошпаны и нѣскольکو часовъ бро-

дили по окрестностямъ. Никогда еще не видали мы споль прекраснаго весенняго ушра. Чисная лазурь неба соснавяляла прелесную прошивуположность со свѣжею зеленью долинь и горъ; цѣвцы, окропленные россою, съ улыбкою поднимали свои головки, какъ-будто приглашая челоувка къ участию во всеобщей радости; разнообразныя пѣсни пшцы присоединялись къ звону, кошорый раздавался на древней колокольнѣ. — Справедливо сказала *Дюпити*, что прекрасный день есть праздникъ, кошорой небо даетъ землѣ.

Мы любовались ушромъ съ круглой башни: изъ трехъ оконъ ея открывались намъ восхищительныя виды. Черезъ оштатки развалившихся стѣнъ, пробрались мы въ маленькую Готическую комнашу, кошорая довольно еще сохранилась ошъ разрушенія. Особливо изъ одного окна открывался намъ живописнѣйшій видъ. Гора, покрытая оръшникомъ, находилась предъ нами; за нею увидѣли мы Готическія развалины церкви Св. *Екатерины*, ошъ кошорой ошались шолько боковыя стѣны. Потомъ возвышались строенія помѣстья Глуде, за кошорыми, подобно амфитеатру, простиралась величественная, синющая цѣпь горъ. Сей спрацъ недосавадо шолько водъ, оживляющихъ каждый сельскій видъ. Сіе мѣстоположеніе можно было сравнить съ лицомъ прекраснымъ, но невыразительнымъ. Въ семъ отношеніи оное далеко уступало той прелесной долинь, по кошорой протекаетъ рѣка Аа; но при всемъ томъ, сіи мѣста шакже привлекательны. Сія свѣжестъ и обиліе произрастннй, сіе веселое разнообразіе видовъ и сіи Готическія развалины, посреди улыбающихся красошъ шворенія, — все сіе

составляло какъ бы нѣкоторое прогашельное адажіо въ веселомъ концершъ Природы! Жаль, что ель, копорая, за нѣсколько лѣшъ предъ симъ, возвышалась на древнихъ спѣнахъ сего разрушеннаго храма, учинилась жершвою корышполубцевъ. Зеленъ ея, предшавляла разишельную прошивуположнощь съ царшвующимъ вокругъ разрушеніемъ. Но неумолимая Немезида и за нее опмстила. Одинъ легковѣрный Офицеръ, копорому поручено было вести прешупниковъ, узналъ опъ нихъ, что подъ симъ деревомъ хранилось сокровище. Они увѣряли его, что слышали сіе опъ досшовѣрныхъ людей и вызывались помочь ему, если онъ уснупишъ имъ часъ своей находки. Дрѣвнее преданіе о находящихя въ сей спранѣ сокровищахъ засшавляло вѣришъ расказамъ сихъ людей и — Офицеръ согласился. Въ слѣдующую ночь, вмѣспъ съ ними и взявъ съ собою нѣсколько солдатъ, приходишъ онъ къ развалинамъ, приказываетъ прешавишъ лѣшницу и сняшъ оковы съ прешупниковъ, чтобы шѣмъ удобіе могли они работашъ. Срубашъ дерево; выламывашъ нѣсколько камней, подъ копорыми, по увѣренію обманщиковъ, скрывалось сокровище. Офицеръ уже заранѣе почишалъ себя счастливейшимъ обладателемъ большаго имѣнія, — какъ вдругъ, съ быстрошою молніи, прешупники сбѣгаюшъ внизъ по лѣшницѣ, опнимаюшъ ее опъ спѣны и оставляюшъ изумленныхъ сыновъ Марсовыхъ на верху развалинъ. Наши искашели счастья не шолько не нашли, чего желали, но и подвергнулись спрогому, но досшойному наказанію со спороны своего Начальства.

Отсюда мы пошли къ древней церкви Св. Іоанна, находящейся въ городѣ, близъ самаго замка и построенной въ 1281-мъ году Гроссмейстеромъ Вильгельмомъ *Шауэнбургомъ*. Во время Польскаго Правленія, когда Еписковъ основалъ здѣсь свое мѣстопробываніе, церковь сія возведена была на степень Соборной. Своды ея поддерживаются осмью столпами, кои со всѣхъ сторонъ окружены каменными подпорами. Изъ древнихъ памятниковъ, донынѣ уцѣлѣвшихъ ошъ всеразрушающаго времени, примѣшили мы только полуистертые надгробные камни шрехъ Гроссмейстеровъ: *Лорингсгафа*, *Плеттенберга* и *Брюггеня*. По лѣвую сторону олшаря виденъ памятникъ, представляющій сидящаго Епископа, въ приличной сану его одеждѣ. Преданіе называетъ его *старцемъ Іоанномъ*; спшасуя сія дѣйствительно изображаетъ перваго Венденскаго Епископа *Іоанна Патрикя*, избраннаго въ 1583-мъ году Стефаномъ Королемъ Польскимъ.

Художникъ конечно не найдетъ въ сихъ памятникахъ ни ошличваго Искусства, ни изящнаго вкуса. Но оные тѣмъ не менѣе занимательны въ Историческомъ отношеніи. Трогательно видѣшь сей рядъ надгробныхъ камней съ полуизгладившимися надписями, почти подлѣ самыхъ развалинъ древняго замка!

Съ Нѣмецк. С.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Невское кладбище.

(Эпизодъ изъ IV-й Пѣсни Поэмы: *Искусства и Науки.*)

Посвящено Александру Ивановичу Тургеневу.



Угрюмый монастырь, веселый брегъ Невы!
Для сердца памясны останешся вы
И вечерь, на гробахъ великихъ проведенный!
Безоблаченъ и шихъ былъ Западъ озаренный;
Какъ свѣшлый Божій рай окрешность вся цѣбла;
Съ прохладъ и тишина сходила на поля;
Давно-умершее предъ взоромъ оживало
И настоящимъ мнѣ прошедшее дышало.
Великій вѣкъ Петра предсхаль среди чудесъ,
Елисаветинъ вѣкъ безоблачный воскресъ
И вѣкъ Поэзіи, побѣдъ, веселій, славы,
Екатериининъ вѣкъ . . . Въ рукахъ его Ушавы,
Оборванная цѣпь, (*) вѣсы и свѣшлый мечъ.
Мнѣ слышалась его божественная рѣчь:
„Я далъ великому Россійскому народу
„Законы и права, и мыслишь въ слухъ свободу.“ (**)

(*) Покореніемъ Тавриды, послѣдняго гнѣзда хищныхъ
Татаръ и учрежденіемъ Кавказской линіи, пре-
мудрая Екатерина разорвала послѣднее звѣно
тяжкой цѣпи, въ кошорой при шолѣшія, спенала
Россія. *Примыѣ. Соликителя.*

(**) Грамота Дворянству, учрежденіе Губерній, Горо-
довое Положеніе, проэкинь новаго учрежденія
и проч. *Примыѣ. Соликителя.*

Шагами тихими между гробницъ брожу:
И *Безбородкину* гробницу нахожу,
И имя *Бецкаго* съ почщеніемъ читаю,
Предъ *Ломоносовымъ* колѣна преклоняю.
Туть *Панинъ, Михайль, Суворовъ, Чагаовъ,*
И пышный *Строгановъ,* и скромный *Муравьёвъ.*
Здѣсь Царедворцы спяшъ, Вельможи, Полководцы,
Послы, Художники, Поэты, Мореходцы,
Которыхъ доблести, шаланшы, блескъ заслугъ
Въ бояхъ, въ судахъ, въ моряхъ, въ священныхъ Наукъ,
Прославили Царей и озарили Царство.
Тотъ смѣло обличалъ неправду и коварство;
Сей, прежде чѣмъ *Франклинь,* у Неба громъ испоргъ;
А пошъ, усердный сынъ ошечестива, распоргъ
Невъжества покровъ и грубый мракъ развѣялъ;
Тотъ степи заселилъ, какъ вихрь враговъ развѣялъ;
А сей сквозь мракъ и льды въ Америку доплылъ
И Крестъ и Руское шамъ знамя водрузилъ;
Тотъ съ шроновъ низводилъ и раздавалъ короны;
Сей ушѣшалъ вдовицъ, сиротъ и сшарцевъ споны;
Тѣ кистью и рѣзцомъ, Вишійствомъ и спруной
Къ высокому, къ добру вливали жаръ свяшой
И освѣшивъ свой вѣкъ изящностью швореній,
Потомшпру позднему свой завѣщали Геній.
Чтяшъ благодарныя Искусства славныхъ прахъ
И памяшники имъ воздвигли на гробахъ.
Ихъ лики свѣшлые я вижу изваяны:
Предъ ними плачешъ мѣдъ и спонешъ мраморъ хладный.
Я вижу и гербы, и звѣзды, и вѣнцы,
Которыхъ алчемъ здѣсь, щеславные слѣпцы!

Но Слава возсѣдши на урнахъ утѣшишь
И драгоцѣннаго ихъ пепла охрашишь.
У добродѣтельныхъ по смерти нѣшь враговъ!
Пусть зависъ пшпа блескъ высокихъ ихъ трудовъ,
Пусть въ жизни добычей и клеветы и злобы:
Не отворяюся гонителямъ ихъ гробы!
На мѣсяцъ, гдѣ Христу олшаръ и еиміамъ,
О пѣни славныя! приносимъ жерпгу вамъ;
Изъ пепла вашего небесный огнь вдыхаемъ,
Остатки Генія угасшаго сбираемъ;
Душа моя бодрѣй, сонъ нѣги позабышь
И прахъ Героевъ вновь Героевъ намъ творитъ.

А вы, о юныя, здѣсь спящія Царевны! . . .
Какъ два цвѣтка молодыхъ лилей нераспущенны,
Какъ кисти алыя еще незрѣлыхъ лозъ,
Которыя убилъ безвременный морозъ!
Ошъ материнскихъ ласкъ, ошъ скипетра и шрона,
Среди народнаго рыданія и стопа,
Вы смерти жадною ошорваны рукой.
Порфиру промѣнявъ на саванъ гробовой,
О санъ Царскомъ вы и мысли не имѣли
И въ гробъ перелегли изъ дѣшской колыбели.

Что сердце сладко такъ забилось? Чей границъ
Мнѣ объ утраченныхъ споль сильно говоришь?
Повѣяло душъ веселой спариною,
Мечтами пылкими, надеждой молодою.
Обращья! О друзья! Здѣсь нашъ ошецъ и братья . . . (*)
Цвѣшущій юноша и старецъ въ гробъ спяшь.

(*) Иванъ Пестровичъ и Андрей Ивановичъ Тургеневы,
Прим. Сов.

Лобзаю съ нѣжностью безчувственный сей камень :
Такъ добродѣтели здѣсь угасаетъ пламень !
Корошокъ съ вами былъ священный нашъ союзъ ;
Вы упредили насъ — и шажестъ плоскихъ узъ
Вы сбросили съ себя ! Несносно разлученъ ;
Но ешь, ешь лучшей мѣрѣ : изъ шлѣнія — нешлѣнье !

Какой унылый звонъ прошажно просноналъ ?

То мѣдный колоколь ошельникамъ сказалъ :

„Чась минуль, ближе смерть!“ — Сей гласъ для
нихъ не страшень.

Онъ, прокашась, зашихъ подъ мрачнымъ сводомъ
башень ;

Но слышишься душѣ встревоженной моей.

Ночь сходишь на гроба — и шрауръ ихъ чернѣй ;

Накинуто на всѣ предметы покрывало . . .

И вдругъ по мраморамъ сіянье пробѣжало ;

Печальная луна дрожащій лучъ ліетъ

И, мнишся, будшо бы шаинствзненный шо свѣшь,

Который праведныхъ въ Эдемъ озаряетъ.

Видь смерти, шрогая, души не ужасаетъ ;

Милѣй являешся минувшаго краса ,

Знакомѣй будущность и ближе небеса.

Воейковъ.

Царское Село,

27-го Маія, 1823.

Печашать позволяешся : Юля 24-го дня, 1823 года.

Цензоръ А. Бируковъ.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. ХХІХ.

П Р О З А.

Ч а с ы.

(Ошрывокъ изъ записокъ Рускаго Офицера.)

Цѣлыя двѣ недѣли занимали мы безпокойный и опасный форпосшъ при деревнѣ Шшерибургъ; нѣсколько храбрыхъ сподвижниковъ пали предъ нашими глазами. Наконецъ, 23-го Маія, наступилъ желанный день смѣны. Дальнее облако пыли возвѣстило намъ о приближеніи ошряда С. Пешербургскаго Гренадерскаго полка, долженшвовавшаго занять наше мѣсто. Вскорѣ заблнспали предъ нами, на краю лѣса и по извилинамъ дороги, освѣщаемыя солнцемъ ружья и жестяныя шапки гренадеровъ. — Я едалъ свой форпосшъ Г. Капишану II — лю. Вскорѣ засимъ прибылъ, съ многочисленною свншою, Генераль, Графъ *Остерманъ-Толстой*, кошорый и изьявилъ мнѣ совершенное свое удовольствіе. Лестное одобреніе сего досшойнаго Начальника вознаградило насъ въ полной мѣрѣ за всѣ шруды и безпокойства, здѣсь понесенныя. — Между шѣмъ я получилъ предписаніе, ошправиться съ моею рошою въ деревню Гейлигенфельдъ,

разстояніемъ на одну милю снѣ Гейльсберга (*). Путь нашъ къ сему селенію, гдѣ думали мы найши спокойное пристанище и по крайней мѣрѣ временное отдохновеніе, проходилъ чрезъ зеленѣющія поля, покрывша высокая рожью. Солдаты мои шли бодро и весело и конечно изъявили бы радость свою громкими пѣснями, если бы осторожность не предписывала намъ, продолжая сей маршъ въ глубокой тишинѣ. Наконецъ, по прошествіи 5-ти или 6-ти часовъ, увидѣли мы предъ собою деревню Гейлигенфельдъ. Тогда я, обращаясь къ своимъ Офицерамъ, сказалъ: „Не правда ли, Господа? Здѣсь найдемъ мы супъ съ курицею и жареный каршофель и сославимъ изъ эшаго препорядочный обѣдъ?“ — „О конечно, конечно“, отвѣчали они единогласно, „а особливо послѣ безпокойныхъ двухъ недѣль, копорья провели мы не раздѣваясь и когда сухари и щавель сославляли всю нашу пищу.“ — Съ радостными ожиданіями вступили мы въ деревню; но увы! весьма ошиблись въ своихъ расчетахъ. Мы не только не нашли здѣсь жипелей, но даже ни одной живой курицы. Надобно было опложншъ попеченіе о супѣ и ограничншъ желанія наши каршофелемъ и — соломою, изъ копорой зѣлали мы себѣ мягкую постелю. Но мы не успѣли еще расположншся, какъ явился ко мнѣ уасный Унперъ-Офицеръ, съ бумагою слѣдующаго содержания: „Немедленно, по полученіи сего Приказа, отправншесь съ ропою по дорогѣ въ Гушшпадшъ и продолжайше маршъ свой до рѣки Алле. Подашель сего будешъ Вамъ служншъ проводникомъ.“ Ипакъ, опдыхъ нашъ не могъ продолжашься болѣе двухъ часовъ. За-

(*). Это было въ предпоследнюю войну съ Французами.

симъ маршировали мы всю ночь и еще до восхожденія солнца прибыли къ помянутой рѣкѣ. Тамъ нашли мы весь свой полкъ (Ревельскій), также полкъ Козаковъ, отрядъ Артиллеріи и большой обозъ съ понпонами. Мы пошчасъ занялись наведеніемъ моста. Малочисленный отрядъ Французовъ, засѣвшій въ шанць съ прошивуположной стороны, употреблялъ сперва все старанія, чшобъ воспрепятствовать сей работѣ; но сонпня Козаковъ, съ быстропою молніи, переправилась чрезъ рѣку и разогнавъ непріятелей, возвратилась къ намъ съ громкими и радостными криками.

Между тѣмъ, какъ наводили мостъ, восхищался я прелестнымъ видомъ, которій представляла намъ прошивуположный, высокій берегъ. Оный конечно никогда не изгладился изъ моей памяти. Утро было тихое и ясное; на зелени пригорковъ блиспала роса, которую первые лучи великолѣпно восходившаго солнца превращали въ чистѣйшіе алмазы; веселый жаворонокъ вился въ воздухъ и привѣщивалъ Природу своею упренною пѣснію. Безчисленныя облака дыма поднимались надъ городомъ и надъ непріятельскими бивуаками. Шумные отряды Французовъ со всѣхъ сторонъ приближались къ симъ послѣднимъ и составляли разительный контрастъ съ торжественною тишиною, которая господствовала въ Природѣ. Все сіе было рѣдкимъ, единственнымъ зрѣлищемъ для спокойнаго наблюдателя, находившагося на прошивуположномъ берегу.

Подробности сраженія при Гушшадтѣ (24-го Маія сп. шп.) столь извѣстны, что я не почишаю за нужное, повторять оныхъ. Замѣчу только, что въ прекрасныхъ и весьма покойно устроенныхъ бивуакахъ

непріятеля нашли мы множество вещей, гораздо еще прекраснѣйшихъ, какъ-то порядочный запасъ Данцигской водки, сахару, пшена и проч. Засимъ, послѣ двухъ, довольно жаркихъ спычекъ, оправились мы форсированными маршами къ Гейльбергу, куда и прибыли 28-го числа, въ 10-мъ часу утра. Мы расположились въ высокой ржи, которая — безъ помощи серпа — исчезла въ одну минушу. Вѣрный денщикъ мой гошовилъ уже чай, а я, приказавъ поспавишь кошлы на огонь, спокойно набивалъ себѣ шрубку. Въ сіе время увидѣлъ я Адьюшанша, послѣшно ко мнѣ подѣзжавшаго. „Добро пожаловашъ, любезный мой *М — ръ!*“ вскричалъ я. „Вы пріѣхали къ самому чаю и конечно напѣшесь его съ удовольствіемъ, послѣ долгаго и шруднаго перехода.“ Но *М — ръ*, не обративъ вниманія на дружеское мое привѣтствіе, ошвѣчалъ со всею скоросшію усерднаго Офицера: „Прикажише поскорѣе убрать кошлы и поспавишь ихъ на фуры. Мы сей часъ же должны ийти впередъ, чшобы заняшь форпосшы при деревнѣ Лаунау. Чешыре пушки, одинъ башаліонъ Низовскаго полка, 4 эскадрона Финляндскихъ драгуновъ и *Селвановскіе* Козаки идушь вмѣстѣ съ нами. Генераль *Бороздинъ* нами командуешъ.“ — Нѣкогда было думашъ ни о шрубкѣ, ни о чаѣ; кошлы немедленно сняшы были съ огня; рошаспала подъ ружье и чрезъ нѣсколько минушь оставили мы поле, гдѣ наслаждались крашкременнымъ шолько опдыхомъ. — Прибывъ къ Лаунау, занялись мы разспавленіемъ пикешовъ, разсылкою папшрулей и проч., прежде, нежели могли думашъ о подкрѣпленіи силъ нашихъ пищею. Еще до захожденія солнца, нѣкошорые

изъ пикетовъ нашихъ ашакваны были непріятелемъ; а посредствомъ папрулей узнали мы, что густое облако пыли возвѣщало о приближеніи Французской Арміи. Увидя подъѣзжавшій къ намъ изъ деревни опрядъ Козаковъ, пошелъ я къ нему на встрѣчу и спрашивалъ: не было ли у нихъ золотыхъ часовъ, полученныхъ въ добычу отъ непріятеля? (Я давно желалъ достать хорошіе часы и зналъ, что многіе изъ нашихъ Офицеровъ покупали оныя у Козаковъ по весьма сходной цѣнѣ.) „Я могу служить Вашему Благородію“, отвѣчалъ мнѣ одинъ изъ опряда. „Вашъ добыча, которая сію минушу мнѣ досталась!“ При сихъ словахъ подаль мнѣ часы, которые при первомъ взглядѣ показались мнѣ знакомыми. „Боже мой!“ воскликнулъ я. „Эти тѣ самые часы, кои подарилъ я нѣкогда своему другу. — Скажи мнѣ: гдѣ ты ихъ взялъ?“ — „Прежній ихъ хозяинъ“, отвѣчалъ Козакъ, „былъ Французскій конный егеръ; мы какъ-то съ нимъ сблизились; я сбиль его пикою съ лошади и взялъ у него, за труды мои, эти часы и нѣсколько червонцевъ. Онъ лежипъ тамъ, позади деревни; но живъ ли еще или нѣтъ, я эшаго не знаю.“ Съ пренеющимъ сердцемъ, поспѣшилъ я на означенное мѣсто и — нашелъ егеря еще въ живыхъ. На вопросъ мой: при какомъ случаѣ достались ему сіи часы? отвѣчалъ егеръ слабымъ голосомъ, что взялъ ихъ въ сраженіи при Морунгенѣ, у одного Рускаго Офицера, тяжело раненаго; что сопровождалъ его попомъ, вмѣстѣ съ другими ранеными, но что уже на другой день марша, весь сей транспортъ былъ у нихъ отбитъ Козаками. Извѣстіе сіе привело меня въ живѣйшій восторгъ. „И такъ, любезный Р . . . !“, воскликнулъ я, „ты можешь быть еще живъ и даже не находишься въ плѣну!“

Исторія часовъ была слѣдующая: Нѣсколько лѣтъ еряду служили мы въ одномъ полку съ Порошникомъ Р*. Всеъ называли насъ неразлучными друзьями, и при всемъ томъ — я самъ предложилъ ему разстаться. Несчастная спрась перзала его душу. Благоразуміе предписывало ему удалиться изъ того мѣста, гдѣ онъ ежедневно видѣлъ предметъ любви своей. Р.* долго колебался; наконецъ, убѣжденный моими совѣтами, испросилъ перемѣщенія въ другой полкъ. Въ шажкую минушу разлуки помѣнялись мы часами, и сей-шо залогъ моей дружбы, данный ему на память, снова находился въ рукахъ моихъ. Давно уже дошелъ до меня печальный слухъ, что несчастный Р.* палъ въ сраженіи при Морунгенѣ. Но я не смѣлъ предаваться моей горести: кончина его казалась мнѣ сладостнымъ успокоеніемъ, которое послало ему Небо послѣ долгихъ спраданій. — Но возвратимся къ нашей повѣсти.

Когда Генераль *Бороздинъ* учинилъ всеъ предварительныя распоряженія; шо мы сшли въ боевой порядокъ, въ ожиданіи непріятеля, показавшагося, большими массами, на пригоркахъ, по шу сторону деревни. Цѣлые два часа ожидали мы атаки. Наконецъ, около 6-ти часовъ ушра, непріятельская конница и артиллерія ударили на насъ съ быспрошою. Первая могла бы причинить намъ великій вредъ; но храбрый Полковникъ *Науэндорфъ* мужественно опражалъ всеъ атаки и чепыре раза прогонялъ ее подъ собственныя ея пушки. Нашъ Адъютантъ *М — ръ*, кошорый посланъ былъ опъ Генерала *Бороздина* въ Гейльсбергъ, къ Главнокомандующему, Барону *Бенигсену*, прискакалъ между шѣмъ назадъ; но, вмѣсто испрашиваемого секкурса, привезъ намъ пред-

писаніе: „медленно опспушимъ до деревни Беверника, но попомъ защищашъ сей поспъ до послѣдней крайности.“ — Во всемъ жару битвы, прошли мы къ 9-ти часамъ еще 3 версты, раздѣляшія Лаунау отъ Беверника и безъ всякаго увеличенія можно сказать, что *испріятель сидѣлъ у насъ на плечахъ*. При Беверникѣ были мы въ ужасномъ огнѣ; пули летѣли во всѣхъ направленіяхъ и свистъ гранашъ наполнялъ воздухъ. Около 10-ти часовъ образовались колонны изъ всей нашей Арміи, пришедшей чрезъ два поншонные моста изъ Гейльсберга. Тогда сраженіе здѣлалось всеобщимъ. Попрясеніе моего кивера и рикошетный выспрѣлъ по шинели, свернутой и висѣвшей у меня за плечами, явно доказывали, что неумолимая Беллопа обрашила и на меня свои взоры. Вскорѣ попомъ получилъ я сильную конпузію въ ногу, копорая заставила меня присѣсть на землю. Я однакожь вспалъ и, не смотря на несносную боль, продолжалъ командовать рошою. Въ 5 часовъ послѣ обѣда, получилъ я порядочную рану въ руку. Признаюсь, что пулю сію принималъ я съ благодарностію; ибо моя боль въ ногѣ становилась ежеминушно сильнѣе. *М — ръ*, сей испанннй другъ челоѣчества, соединявшій въ себя отличную храбрость съ рѣдкимъ добродушіемъ (*). немедленно вскочилъ съ лошади и помогъ вынести меня изъ шума битвы. Должно замѣтить, что *М — ръ* былъ Адьюшанпомъ; а посему жершва, принесенная мнѣ его дружбою, имѣла шѣмъ большую цѣну. Меня перенесли въ Гейльсбергъ, гдѣ, благодаря попечительности тамошняго Коменданша, Подполковника

(*). Онъ убитъ при Бородинѣ.

П — скаго, раны мои были шопчасъ перевязаны; а къ вечеру ошправили меня на Прусской фурѣ въ Баршенштейнъ, вмѣстѣ съ шремя другими Офицерами, раздѣлявшими мою учасшь.

Городъ Гейльсбергъ предствлялъ тогда странное зрѣлище. Всѣ двери, окна и кровли наполнены были людьми. Споль же многочисленныя толпы волновались по улицамъ, между карешами, фурами и всадниками. Пушечная пальба, ружейные выстрѣлы, барабанный бой и военная Музыка раздавались внѣ города; крикъ и шумъ, шѣснопа и волненіе, господствовало внупри онаго. Медленно и съ шрудомъ проѣхали мы чрезъ Гейльсбергъ; но еще медленнѣе продолжали пушь нашу по глубокому песку, позади города. Лошади, здѣлавъ двѣ мили, до шого ушомились, что извощикъ началъ ихъ выпряганъ. Ни прозьбы, ни угрозы наши не помогали. Мы принуждены были оспашься посреди дороги, въ холодную ночь и спрадая ошъ ранъ своихъ. Цѣлый часъ провелъ я въ семъ положеніи; но шерпѣніе мое истощилось. Я пошихоньку оспавилъ своихъ шоварищей, дѣшацился кое-какъ до дерева, споявшаго у самой дороги и съль подъ шѣнь онаго. Мимо меня проѣзжало множество дорожныхъ экипажей; но сидѣвшіе въ оныхъ не обращали вниманія на прозьбы мои, взяшь меня съ собою. Наконецъ, нашелся добрый человѣкъ, кошорый на разсвѣтѣ привезъ меня въ Баршенштейнъ. Успалосшь моя просширалась до такой спенени, что не взирая на жестокую боль ошъ ранъ, уснулъ я на голомъ полу крѣпкимъ и спокойнымъ сномъ, кошорый продолжался нѣсколько часовъ. Проснувшись увидѣлъ я вѣрнаго своего *Ивана*, кошорый, со слезами на глазахъ, споялъ

предо мною. Прежде всего, разрезали они мне сапогъ на цогъ, причинявшей мне сильнѣйшую боль; а потомъ принесли мне Данцигской водки, масла и сыру. Сей завтракъ подерзилъ нѣсколько мои силы; но и сей отдыхъ былъ только кратковременный. Адюшантъ, прискакавшій въ Баршенштейнъ, привезъ предписание, отправивъ всѣхъ раненыхъ въ Шлиппенбейль. Сей городокъ отстоялъ не болѣе трехъ миль; но я употребилъ цѣлые девять часовъ, для совершения сего многотруднаго пути. Безпокойное положеніе ноги моей принуждало меня, нерѣдко останавливаясь и отдыхать. На другое утро препродолжили насъ еще далѣе, въ Гумбинненъ, гдѣ, какъ сказывали, приняты были всѣ мѣры для помѣщенія и лѣченія раненыхъ. Я провелъ еще два мучительныхъ дня, на пути до Гердауэна; первая перевязка, которую наложили мне въ Гейльсбергѣ, оставалась безъ перемѣны, и спаданія мои достигли высочайшей степени. Но здѣсь ожидало меня сладостное вознагражденіе. Первый предметъ, встрѣтившійся мне въ Гердауэнѣ, была коляска, которую показала мне знакомою. Дѣйствительно, это была коляска Шефа нашего полку, Александра Алексѣевича *Гукова*. „Можешь бытъ“, подумалъ я, „найду я здѣсь его супругу, которую всѣ мы привыкли починать нашимъ Геніемъ-ушъшишелемъ.“ Въ сію самую минушу увидѣлъ я ее у дверей дома и съ живѣйшимъ восторгомъ произнесъ ея имя. Она тотчасъ меня узнала; поспѣшила ко мне на встрѣчу и съ нѣжнѣйшимъ участвіемъ осведомлялась о своемъ супругѣ. Привлекательная ея физиогномія озарилась живою радостію, когда я объявилъ, что оставилъ его совершенно здоровымъ. Въ ту же минушу послала она за Лъкаремъ и ввѣрила

меня его попеченіямъ. — Никогда и нигдѣ не встрѣчалъ я благороднѣйшей, достойнѣйшей чести, какъ покойный Генераль *Тузковъ* и супруга его, урожденная *Нарышкина* (*). По прошествіи 5-ти лѣтъ, дослославная смерть за отечество разрушила сей счастливый бракъ. Генераль *Тузковъ* палъ при Бородинѣ, въ одно время и ошъ одного ядра съ Адьюпаншомъ *М — ромъ*, о коемъ упоминалъ я выше. — Но возвратимся къ нашей повѣсти. Когда я могъ продолжашъ свой путь; но почтенная моя покровительница помѣстила меня въ своей бричкѣ, въ копорой и доѣхалъ я, весьма покойно, до Гроссъ-Эгерндорфа. Здѣсь долженъ я былъ съ нею проспиться. Нѣжная сія супруга не хотѣла отдаляться ошъ театра войны, дабы шѣмъ скорѣе получашъ извѣстія ошъ своего мужа; а мнѣ предлежалъ еще путь въ Гумбинненъ.

По прибытіи въ сей городъ, имѣлъ я шамъ прехдневный отдыхъ. Засимъ, обширный Лазарешъ, въ коемъ я находился, переведенъ былъ въ Юрбургъ. Тамошній Коменданшъ, Генераль *Маркловскій*, раздѣлилъ оный,

(*). Къ ней-то написалъ одинъ изъ нашихъ Спихошворцевъ (*А. С. Норовъ*):

„Съ шобой ли не найши Поэшу вдохновенья?

Ему ль шевѣ похвалъ на лирѣ не бряцашь?

Какой чувствительный предметъ для шенюшья:

Супруга падшаго Героя; нѣжна мать!

Какъ рано грусть чело швое приосѣнила;

Какъ рано надъ шобой покровъ ея нависъ!

Неушолшмая вѣкъ счастья шправила —

И съ розою сдѣлся печальный кипарисъ!

и проч. — Прекрасное сіе Посланіе напечатано въ *Сынъ Отчества* и въ *Новомъ собраніи образцовыхъ сочиненій*, Ч. II. Изд.

для бѣльшей удобности, на двѣ части, изъ коихъ одну оставилъ въ городѣ, а другую препроводилъ въ деревню Кирспимони. Я принадлежалъ къ сей послѣдней и сначала не весьма былъ доволенъ моею участію: мнѣ казалось, что, оставшись въ городѣ, имѣлъ бы я искуснѣйшихъ Врачей и лучшую пищу. Но послѣдствіе удостовѣрило меня, что сей ропотъ былъ споль же неблагоприятенъ, какъ и несправедливъ: Провидѣніе гоповило мнѣ новый опытъ Своей благости. По прибытіи въ Кирспимони, пошелъ я, медленно и опираясь на своего Ивана, въ крестьянскую хижину, назначенную для моего жительства. Едва успѣлъ я отворить дверь, какъ услышалъ знакомый, любезный мнѣ голосъ: „Г*... Ты ли это?“ — „Р* . . . Любезный Р.* Это ты?“ вскричалъ я и бросился къ нему въ объятія. Долго радость наша была безмолвною. Наконецъ, я первый прервалъ молчаніе; вынулъ часы, споль чудеснымъ образомъ ко мнѣ возвратившіеся и показали ихъ изумленному Р.*, говоря: „Узнаешь ли ты этошь залогъ неразрывной нашей дружбы?“

Съ Нѣмецкаго.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

*Петръ Великій въ Парижскомъ
Инвалидномъ домъ.*

(Ошрывакъ изъ Поэмы *Томаса: Петръ Великій.*)

Въ равнинѣ, гдѣ ошъ спѣнъ Люшеціи спремьясь,
Токъ Сены капишся цвѣшущими полями
И медлишь, кажешся, любуясь ихъ красами,
Величественный домъ на сельскихъ берегахъ,
Округлый, пышный верхъ скрываетъ въ облакахъ,
Безмолвную собой окресщность оживляешъ.
Туда спремисься Петръ и взорами срѣтаешъ
Вкругъ спражу, блескъ мечей, воинскіе ряды;
Онъ видишь славныхъ бишвъ почтенные слѣды,
Трудъ рашный въ приспани покойной и смиренной.
„Вошь здѣсь,“ *Лефортъ* въщаль, „сѣнъ доблесши свя-
щенной! —

Забышы славою, безсильны для побѣдъ,
Томимы ранами и игомъ древнихъ лѣшъ,
Доселъ войны съ печальной нищешою,
Не знали во краю, спасенномъ ихъ рукою,
Ни крова ошдохнушь, ни мѣша умерешъ;
Но Царь благоволилъ защишниковъ призрѣшь,
И спаль для всѣхъ Царей примѣръ и удивленье!“
— „Войдемъ!“ воззваль Герой. Обычное моленъ
Въ шо время рашниковъ собрало къ олшарямъ.
Идешь; — внушало все благоговѣнне шамъ:
И храмъ сей, сводами одѣянный свяшыми,
И вешихъ воевъ сонмъ, разсыпаный подъ ними:

Одинъ подъяль чело молебное въ рубцахъ;
Другой, почтенну кровь излившій на бояхъ,
Склоняешъ дряхлыя предъ Богомъ силъ колыны;
А сей покоипъ шамъ разслабленные члены;
Ть моляшся, къ землѣ недвижный взоръ вперя;
Другіе, предъ снопы упавши олшаря,
Главами бранными помоспа прикасались
И снѣжны ихъ волосы по праху распилались.
Взираешъ долго Царь въ безмолвіи на нихъ.
„Какъ сладосшно мнѣ зрѣшь на храбрыхъ воевъ сихъ!
Герои — (мыслиль онъ) — ослабленны лѣшми!
Европы сорокъ лѣтъ вы правили судьбами! —
Не вижу ли на васъ громовыхъ я слѣдовъ?
Пусть годы, изъ среды безпренепныхъ полковъ,
Со славнаго пуши великихъ похищающъ;
Сии черпы еще побѣдами сіяющъ
И доблесшь прежняя на васъ еще блеспиль!
Какъ храмъ въ развалинахъ, мнѣ шакъ священъ вашъ
видъ!“

Всѣ идушъ между шѣмъ въ великолѣпно зданье,
Гдѣ, — благодарнаго опечеспва даанье, —
Обильный и проспой ждешъ воиновъ обѣдъ.
Великій Россовъ Царь спѣшишь за ними въ слѣдъ.
Онъ рѣчи къ нимъ склониль, съ шолпою ихъ мѣшаясь,
На гласъ, на мощный гласъ его воспламеняясь, —
Съ какою гордоспью о славъ прошлыхъ дней,
О браняхъ и шрудахъ, о доблеспи своей,
Сии воишели ему повѣспшвовали
И прежній жаръ въ груди какъ будшо ощущали!
Заводипъ съ ними рѣчь, привѣспшвуя, Герой:
„Я въ бишвахъ самъ бывалъ; я рашникъ самъ проспой.“

Въщаль — и на него всѣхъ взоры обращены;
И ясный ликъ Петра, учащемъ оживленный,
Ужаснымъ для враговъ казался ихъ очамъ.

Внезапно Государь, приблизившись къ споламъ,
Виномъ кристалль проспой кипящимъ наполняешъ

И обнаживъ главу, подъяль сосудъ — зываетъ:

„За честь шоварищей! Безспрашныя! За васъ!“

Онъ выпилъ; — общій кликъ, признашельности гласъ,
Былъ радостный ошвъшь дружины изумленной.

Они не знали, кто сей гость у нихъ почтенной;

Не вѣдають Петра ни рода, ни спраны;

Но силой Генія его увлечены,

Съ воспоргомъ, съ почестьми Героя окружали,

Его безвѣстенъ санъ, величїе познали!

А. Чаплинъ.

Къ Т — ой.

Съ шобой не зналися они,
Твою не приласкали младость —
Надежды пламенной любви,
Слепая въпреносни радость.

*

Задолго до цвѣтущихъ дней
Ты шяжкій жребій свой узнала
И ничего душѣ швоей
Твоя весна не указала.

*

Осуждена безъ жизни живишь,
Съ печашью страшной опщужденья,
Ты не осмѣлилась любить
Для долгихъ мукъ безъ раздѣленья.

*

Напрасно въ дѣвственную грудь
Желанья кралися глубоко!
Имъ запершъ былъ обратный путь:
Онъ пошушли одиноко.

*

Бышь можешъ, шайный швой упрѣкъ
Судьба суровая внимала
И, можешъ бышь, кляня свой рокъ,
Не разъ шы въ жалобахъ рыдала.

*

Останови ропшанья глась!

Жизнь горькихъ слезъ своихъ не спойшь:

Все счастье вѣчной жажды въ насъ

Не утолишь, не успокоишь.

*

Все лучшее, оно швое:

Души возвышенной свобода,

Въ покойномъ хладѣ бытіе

И сердцу вяшная Природа!

Плетневъ.

Печаташь позволяешя: Августа 2-го дня. 1823 года.

Цензорь А. Бирюковъ.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. XXX.

П Р О З А.

Чужестранецъ въ С. Петербургъ.

(Изъ примѣчаній Кавалера *Дюпре-де-С-нѣ-Мора*
къ его *Россійской Антологіи.*)

Перевъздъ изъ Кронштадта въ С. Петербургъ никогда не изгладился изъ моей памяти. Мы приближались уже къ цѣли своего путешествія; съ огромнаго купеческаго корабля перешли мы на легкій пароходъ и съ морей бурныхъ на море безопасное. Взоры наши, упомленные единообразіемъ мѣсячнаго плаванія, съ воспоргомъ обратились къ берегамъ залива. Множество новыхъ предметовъ, почти ежеминутно, привлекали наше вниманіе. Зданія и памятники, воздвигнутые великими Государями Сѣвера, представились намъ съ правой стороны: пышные дворцы ихъ, окруженные цвѣшущими садами, простирались во всю длину горизонта. Съ другой стороны видѣли мы Финляндскій берегъ, обширные лѣса его, пересѣкаемые пространными селеніями и зеленѣющіе холмы прелестнаго *Парголова*, кошорое не безъ причины называютъ *малюю Швейцарією*. Всѣ сіи предметы

до того восхищили взоры наши и плѣнили воображеніе, что мы хотѣли бы остано­вить плаваніе парохода, слишкомъ для насъ поспѣшное.

На половинѣ пути. Пешербургъ открылся предъ нами. При семъ видѣ, всѣ плава­тели поспѣшили на палубу и съ живѣйшею радостію привѣтствовали близкую цѣль своего путеше­ствія. Но мы могли различить однѣ только вершины зда­ній, и сіи церкви, колокольни и башни казались намъ воздымавшимся изъ глубины водъ и придавали городу видъ нѣко­шораго флота съ золотыми и серебряными мачтами.

На пароходѣ находились путешественники 9-ти разныхъ націй. Французскій языкъ служилъ имъ для общаго разговора. — При семъ случаѣ не могъ я не подивиться благоразумной простотѣ и умѣренности, съ коими путешествуютъ Англичане. Одинъ по­жилой Британецъ, съ двумя дочерьми, ѣхалъ съ нами въ С. Пешербургъ. Ошсуда намѣревались они про­должать свой путь въ Одессу; а потомъ, съѣвъ на корабль, отправиться въ Констанцинополь и на­конецъ въ Египецъ. Кто бы повѣрилъ, что весь багажъ сего семейства заключался въ двухъ маленькихъ че­моданахъ? Я имѣлъ случай замѣтить, что другіе пла­ватели, вѣроятно менѣе привыкшіе къ странствованіямъ, возили съ собою множество ненужныхъ вещей, кои нерѣдко ихъ затрудняли и причиняли имъ из­лишнія издержки. При дальнѣйшемъ размышленіи дол­женъ я былъ сознаться, что принадлежалъ къ числу сихъ послѣднихъ.

Я бы хотѣлъ съ точностію описатьъ всѣ впечат­лѣнія, кои здѣлала на меня обширная столица Россіи,

споль же великолѣпная, какъ и прекрасная. Она не раздѣляется, подобно множеству другихъ, на *старый* и *новый* городъ. Правильность и чистота повсюду равно господствуютъ. Ни чрезвычайная высота домовъ, ни узкія улицы не зашѣиваютъ здѣсь дневнаго свѣта. Всѣ части города одинаково освѣщены; нигдѣ нѣтъ излишней шѣнопы въ строеніяхъ, и свѣжій воздухъ, свободно и безпрепятственно, проникаетъ повсюду. Дома здѣшнихъ Вельможъ нерѣдко уподобляются публичнымъ зданіямъ; а сіи послѣднія изумляютъ путешественника своею обширностію и великолѣпіемъ.

Обильныя воды, заключенныя въ широкихъ граничныхъ каналахъ, составляютъ пріятную противоположность съ величественнымъ единообразіемъ улицъ и зданій.

Я прибылъ въ С. Петербургъ, съ маленькою своею колонією, въ прекрасный лѣпній вечеръ, въ Августѣ 1819-го года. Мы наняли четверо дрожекъ и отправились искать себѣ пристанища. Въ извѣстной гостинницѣ *Демута* не нашли мы свободныхъ комнатъ. „Тѣмъ лучше!“ сказалъ я, „мы будемъ еще имѣть время, посмотрѣть городъ и удивляться красотамъ его.“ Приближаемся къ другой гостинницѣ, называемой *Лондономъ*; но и тамъ всѣ комнаты были заняты. Впрочемъ, сей отказъ приняли мы также съ равнодушіемъ: любопытство наше простиралось до такой степени, что мы забывали о необходимости, отдохнувъ послѣ столь долгаго путешествія. — Но когда, объѣхавъ большую часть С. Петербургскихъ гостинницъ, нашли мы всѣ оныя занятыми; когда

городскіе часы пробили уже 11, а мы все еще не имѣли пристанища; но признаюсь, что затрудненіе наше достигло высочайшей степени. Что надлежало дѣлать? Куда укрыться при наступленіи ночи? Всѣ особы, къ коимъ имѣли мы рекомендабельныя письма, находились на дачахъ. Маленькая наша колонія составила софитъ посреди Дворцовой площади. Ясная ночь и тихая погода подали мнѣ мысль, ожидаешь ухра подъ открытымъ небомъ. Я сдѣлалъ сіе предложеніе моимъ спутникамъ и оно было уже почти принято, какъ одинъ изъ проводниковъ нашихъ вспомнилъ объ Англійской гостиницѣ, находящейся въ Малой Морской. Тамъ нашли мы одну только комнату, которую немедленно заняли. Я однакожь не могъ не пожалѣть, что ночь мой, проведши сію прекрасную ночь подъ открытымъ небомъ, оснудся безъ исполненія.

Когда провель я здѣсь нѣсколько мѣсяцовъ и покороче познакомился съ симъ городомъ и очаровательными его окрестностями; когда, на каждомъ почти шагу, находилъ предметы, достойныя любопытства и вниманія; то неоднократно спрашивалъ себя самого: для чего многіе изъ нашихъ соотечественниковъ, кои имѣютъ свободное время и достаточные доходы, не ходящъ себѣ доставить удовольствія, побыващъ въ С-тъ-Петербургѣ? Неужели Италія и Швейцарія будутъ всегдашею, единственною цѣлю нашихъ странствующихъ Рыцарей? Единоземцы мои, нѣсколько разъ уже объѣхавшіе сіи страны, снова туда возвращаются; но не думаютъ распространить кругъ своихъ наблюденій и воспоминаній — путешесвіями отдаленнѣйшими. Для чего жъ, кои нерѣдко испы-

шывали опасности всякаго рода, спрансвуя по областямъ Испаліи, не хопящъ поспышпъ мирной страны, копорую можно объѣхать во всѣхъ направленіяхъ, лѣпомъ и зимою, днемъ и ночью, не подвергая себя ни малѣйшей опасности, не чувствую даже малѣйшаго безпокойства?

Но можешъ быть продолжительное и шрудное путешествованіе ихъ ушрашаешъ. Но развѣ не лзя сократить онаго, отправаясь моремъ изъ Гавра? Не думаю, чшобы сей переѣздъ, продолжающійся, по болышей мѣрѣ, ошъ 20-ши до 30-ши дней, могъ возбудишь какой-либо страхъ или безпокойство. Мнѣ напрошивъ кажешся, чшо всякой изъ насъ, по крайней мѣрѣ однажды въ жизни, долженъ испышашъ душевныя движенія, кои производящъ путешествованіе сего рода. Когда мы вѣрнемъ себя волнамъ необозримаго моря; шо разумъ нашъ укрѣпляешся высокими мыслями, кои до сихъ поръ никогда еще въ немъ не рождались. Когда мы находимся между небомъ и водами; когда возлагаемъ всю надежду нашу на милосердное покровительствіе Всевышняго; когда находимъ всю опраду въ созерцаніи величешвеннаго Его шворенія: — шо душа наша оживляешся нѣкоторымъ свяшымъ восшоргомъ, заполяешся благоговѣнною любовію къ Творцу своему. Сшрахъ и надежда, между коими мы колеблемся, шакаешъ еще болѣе благочешивыя сіи чувствованія. Воображеніе наше преклоняешся предъ сею каршиною, ешоль для него новою, и сердце, свободное ошъ всѣхъ низкихъ спрасшей, шворишь одни благороднѣйшіе объшы и готовишь въ будущности къ великодушнѣйшимъ подвигамъ.

Для чего человекъ, вообще жадный къ новымъ наслажденіямъ, не изыскиваетъ такихъ, кои могли бы вмѣстѣ содѣйствовать къ развитію нравственныхъ его способностей?

Я съ удовольствіемъ воображаю себѣ общество 5-ти или 6-ти путешественниковъ, сходныхъ по образу мыслей, по склонностямъ и воспитанію. Воображаю, что они отправляются изъ опечесства своего на хорошемъ кораблѣ, съ обильнымъ запасомъ жизненныхъ потребностей, съ музыкальными инструментами, съ новыми книгами и особливо съ сею счастливою веселостію, неразлучною спутницею любезныхъ моихъ единосемцовъ. Какія удовольствія ожидаютъ ихъ на семъ путешествіи, кошорое впрочемъ столь же кратковременно, какъ и не сопряжено съ большими издержками. Предположивъ, что корабль ихъ отправляется изъ опечесственной гавани 15-го Маія, можно смѣло предсказать, что оный прибудетъ въ Кронштадтъ въ первой половинѣ Іюня. Спранствовавши наши, оставившіе весну въ Парижѣ, найдутъ другую въ Россіи. — Предвижу ихъ восхищеніе, когда они, прибывъ въ прекрасную столицу Сѣвера, начнутъ осматривать великолѣпныя ея зданія, обширныя заведенія, прелестныя острова и пышныя дворцы Царскіе, не безъ причины привлекающіе любопытство и удивленіе чужестранцовъ; наконецъ, когда посѣтятъ они проспанную Москву и очаровательныя ея окрестности.

Въ концѣ Октябрия, новыл наслажденія ихъ ожидаютъ. Зима представитъ имъ разнообразныя удовольствія общественной жизни и вмѣстѣ блиста-

пельные успѣхи народной промышленности, относительно къ усовершенствованію своихъ потребностей. — Въ сіе-то время года, посвященное увеселеніямъ и большимъ собраніямъ, путешественники наши увидяшъ Руское гостепріимство во всемъ его блескѣ; они будутъ имѣть случай, наблюдать нравы и обычаи Россіянъ и удивляться роскоши и великолѣпію, кои между ими господствуютъ. Они также съ удовольствіемъ замѣнятъ, съ какою легкостью и правильностію изъясняются здѣсь на языкѣ нашемъ. — На слѣдующую весну, спростравашили наши предпримутъ обратный путь чрезъ Польшу и Германію и тамъ найдутъ себѣ новые источники для удовольствія и наблюденія. Такимъ образомъ, послѣ 15-ти-мѣсячнаго осуществія, возвращаясь они въ Парижъ, посѣдивъ шри страны, различныя климаты, нравами и обычаями.

Примѣчаніе.

Сей отрывокъ, переведенный нами (съ нѣкоторыми сокращеніями) изъ примѣчаній къ *Россійской Автологіи*, помѣщенъ въ одной изъ послѣднихъ книжекъ Французскаго Журнала: *Annales de la Littérature et des Arts*. Издатели онаго объявляютъ при семъ случаѣ объ опечатаніи сего сочиненія, споль же новаго, какъ и любопытнаго для просвѣщенной Французской Публики. — Мы имѣемъ причину думать, что предвѣдущая спашья покажется занимательною и для нашихъ Читателей. Пріятно видѣть благомыслящаго чужестранца, который взираетъ на предметы наблюдательнымъ окомъ и судитъ объ оныхъ безъ всякаго предубѣжденія. К.

Взоръ на Исторію Греческой Словесности. (*)

Приступая къ описанію перемѣнъ въ Словесности, древней и новѣйшей, должно сперва разсмотрѣть оную въ самой ея колыбели. Тѣ, кои смѣшиваютъ Словесность съ Науками, полагающъ начало ея въ Египтѣ, странѣ, кошорая, прежде всѣхъ другихъ въ Древности, имѣла нѣкошорое образованіе, нравы, богатства, Художества и Ученыхъ. Но Науки въ Египтѣ не образовали еще тамъ Словесности; по крайней мѣрѣ тамъ не ошалоось ошъ оной ни одного памятника. И шакъ должно искашь ея въ Греціи: это насшоящее ея ошечество. Ошсшуда-шо получили мы насшавниковъ въ *Искусствѣ писать*. Въ самой даже Греціи надлежишь отлмчиль Ионію, область Малой Азіи, населенную Европейско-Греческими колоніями: область, кошорая имѣла Поэшовъ, Философовъ и Историковъ гораздо прежде, нежели занимались въ Аѣинахъ сими различными родами Словесности.

Ионійцы, рожденные подъ прекраснѣйшимъ небомъ, наслаждаясь дарами Природы, почти расшочительной въ своихъ щедрошахъ, имѣя сшасшливое расшоложеніе

(*) Взято изъ книги: *Tableau des révolutions de la littérature ancienne et moderne; par M. de Courmand, Lecteur du Roi et Professeur de Littérature Française au Collège Royal, напечатанной въ Парижѣ въ 1785-мъ году. Переводчикъ сей сшавный намѣренъ продолжашъ предпринимаемый имъ шрудъ и сверхъ того сообщитъ Публикѣ краткое извѣстіе о жизни и ученыхъ занятіяхъ Авшора.*

къ Наукамъ, одаренные тонкимъ чувствомъ, усиленнымъ еще проснотою ихъ нравовъ, — обращали взоры свои на явленія Природы шокмо для того, чпобы изображать оныя съ живоспію. Они имѣли Поэшовъ уже съ самага образованія языка своего, въ эпоху весьма ошдаленную и кошорой невозможно опредѣлить съ шочноспію. Первый извѣстный Писатель сей страны былъ *Гомеръ*, жившій около тысячи лѣтъ до Рождества Христова. Нѣтъ нужды упоминашь о *Музеѣ*, коего полагають древнѣе самага Гомера, но ошъ кошораго ничего намъ не ошалось. Эпошъ *Музей* совершенно ошличенъ ошъ Александрійскаго Грамматика сего имени, ошавившаго намъ прекрасную Поэму о *Леандрѣ* и *Героѣ*.

Всякой знаетъ, что многіе Греческіе города Европы и Азіи спорили о чести, бытъ мѣстомъ рожденія Гомера. Неизвѣстность сія причиняла великія распри въ Древности. Но общее мнѣніе полагаетъ колыбель его на берегахъ Малой Азіи, гдѣ были Іонія и Эолія, или на какомъ-либо изъ прилежащихъ острововъ. Баснословіе пошщилось украсить колыбель сего црра Поэшовъ, Древность воздвигла ему олшари и многіе города воздавали ему ошличную почесть. Въ шеченіе почти шрехъ тысячъ лѣтъ, всѣ просвѣщенные мужи превозносящъ его похвалами. Въ давнія времена ученѣйшіе Греки и мудрѣйшіе изъ Законодательей спарались собирать и выдавать его произведенія, шоль же изящныя, какъ и насшавишельныя. Онъ-шо воспламенялъ мужество Грековъ повѣсшпованіемъ сраженій и побѣдъ ихъ праошцевъ; онъ-шо представилъ имъ въ Улиссѣ превосходнѣйшій образецъ гражданина, въ

странствованіяхъ, въ опасностяхъ, въ управленіи внутренними дѣлами Государства; онъ-то начерпалъ планъ, усовершенствованный безсмертнымъ *Фенеломъ* въ осмнадцатомъ вѣкѣ и воспользовался вымыслами Грековъ, кои украсилъ онъ нравственностію, болѣе пріятною, болѣе чистою и утонченною.

Красота стиховъ Гомера, богатство его описаній, истина въ изображеніяхъ, изящность мыслей, возвышенность чувствованій и сія живая картина спрассей, которую находили мы въ его швореніяхъ, вскорѣ содѣлали его первымъ изъ Поэтовъ и образцемъ для современниковъ и для потомства. Впечатлѣніе, произведенное имъ въ умахъ, было причиною великой перемѣны въ такой странѣ, гдѣ Словесность не получила еще прочнаго основанія. Оное сдѣлалось ощушительнымъ во всѣхъ городахъ Іонійскихъ, по истинѣ малыхъ, но достопамятныхъ въ Исторіи просвѣщенія, рожденіемъ великихъ мужей. Малѣйшее мѣстечко сей счастливой страны можешь похвалиться нѣсколькими славными именами; разсѣяніе въ Архипелагѣ острововъ раздѣляли сію славу. Ушесь, презираемый нынѣ путешественниками, былъ опечесшвомъ великаго мужа. Важнѣйшіе изъ острововъ, каковы Сціо и Лесбось, имѣли ихъ нѣсколько, особенно же Лесбось, гдѣ Геній Поэзіи, казалось, утвердилъ свое пребываніе.

Но средоточіе просвѣщенія было въ Милешѣ, городѣ, знаменимомъ въ Древности своею славою и бѣдствіями. Подлинно, достойно удивленія сіе множество великихъ мужей, получившихъ жизнь въ сей столицѣ Іоніи. Симъ обязанъ онъ своему народона-

селенію, плодородію своей земли, Генію своихъ жи-
 шелей, шѣснѣ между собою соединенныхъ и болѣе
 образованныхъ въ шорговлѣ и Искусствахъ. Тамъ про-
 цвѣщаль сей *Талесъ*, ошець древней Философіи, мужъ
 ума всеобъемлющаго: онъ былъ вмѣстѣ Астрономъ,
 Физикъ, Машемашикъ, Полишикъ и свѣшскій человекъ,
 сполько же любезный для соощечешвенниковъ по
 своимъ дарованіямъ и добродѣтелямъ, сколько уважа-
 емый Государями за его свѣденія и превосходныя
 качесшва.

Онъ-шо опкрылъ сіе славное училище, въ кошоромъ
 знаменишійше Греки за чеснѣ себѣ поставляли, на-
 зывашься его учениками. Списокъ ихъ былъ бы весьма
 длиненъ; оный можно видѣшъ въ сочиненіяхъ *Диогена-
 Лаэртія*. Между ними наиболее блисшаль *Пифагоръ*,
 рожденный въ Самосѣ. Судьба предназначила его,
 просвѣшшишъ Италію, дашъ ей Философовъ и Законо-
 дашелей. Мы не спанемъ распросшраняшъся о до-
 шоинсшвѣ сихъ двухъ училищъ. Довольно, что мы
 замѣшили сію блестящую зарю Наукъ въ Греціи.

Около того же времени и въ той же странѣ по-
 явились превосходныя Поэшы, кои прославляли за-
 бавы, любовь и народныя происшесшвія, занимавшія
 ихъ ошечесшво. Они смѣшивали кропкую нравсшвен-
 ность съ прелестями Поэзии, воспѣвая все сіи пред-
 мешы, шакъ сказашъ, безъ пригошвленія и по одному
 шокмо вдохновенію. Женщины оспоривали у мужчинъ
 прекрасныя сіи дарованія: замѣчено, что въ числѣ
 Сшихотворцевъ сего времени находшся почти
 сполько жъ женщинъ, какъ и мужчинъ. *Сафо* была
 современницею *Альцея* и плѣняла вмѣстѣ съ нимъ

роскошный Лесбось, гдѣ, какъ кажешся, все соединилось для вдохновенія Поэшовъ.

Другое обсновательство достойно замѣчанія, именно, что Поэшы того времени писали не для того, чтобы составлять книги или дарованіями своими обогащаться. Цѣль ихъ состояла въ одномъ удовольствіи — изображать предметы, кои ихъ поражали, или ощущенія, кои ихъ прогали. *Анакреонъ* никогда не имѣлъ, можешь быть, намѣренія, писать *Оду* или *Пьсю*: всѣ онѣ родился въ минушы веселыхъ пиршествъ, за столомъ Поликрапа, Тирана Самосскаго, образованнѣйшаго и могущественнѣйшаго изъ Царей Греціи. При сихъ-то шрапезахъ съ друзьями, или ликуя съ ними на празднествахъ, Поэшь Θεосскій восхищаль юношество Іонійское. При концѣ своей жизни, старецъ сей являлся еще на оныя, увѣчанный цвѣтами, и никогда не преславаль бышь уважаемъ за оспрошу ума и доброту своего сердца. Оставшіяся его Сшихотворенія суть драгоцѣнный памятникъ, кошорый утѣшаетъ насъ въ ушрашѣ многихъ другихъ и доставляетъ возможность судить о духѣ, живошворявшемъ тогда Поэшовъ Греціи.

(Продолженіе впррь.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Наталія Долгорукова. ()*

Д у м а.



Нашала осени пора;
Въ долинахъ вѣтры бушевали
И волны мушнаго Днѣпра
Песчаный берегъ подрывали.
На брегъ сей дикой и крушой,
Неволью слезы проливая,
Бесѣдовашъ съ своею шоской
Пришла спрадалица младая.

*

„Свершится завпра жребій мой;
Раздастся колоколь церковной —
И я на вѣкъ съ своею шоской
Сокроюсь въ келіи безмолвной!
О, лейшесь, лейшесь же изъ глазъ,
Вы слезы, въ мѣстѣ семъ уныломъ!
Сегодня я въ послѣдній разъ
Могу мечшашъ о другѣ миломъ!“

*

(*) Княгиня Наталія Борисовна, дочь Фельдмаршала *Шереметева*, знаменишаго сподвижника Петра Великаго. Нѣжная ея любовь къ несчастному своему супругу и непоколебимая швердосшь въ спраданіяхъ увѣковѣчили ея имя.

„Въ послѣдній разъ въ нѣмой глуши
Брожу съ воспоминаньемъ смушнымъ
И тяжкую печаль души
Вѣвряю рощамъ безпріюшнымъ.
Была гонима всюду я
Жезломъ судьбины самовластной;
Увы! вся молодость моя
Промчалась осенью ненастной!“

*

„Въ борьбѣ съ враждующей судьбой
Я ошцвѣтала въ започеньѣ;
Мнѣ другъ прекрасный и молодой
Былъ данъ, какъ призракъ, на мгновенье.
Забыла я родной свой градъ,
Богатство, почести и знашность,
Чтобъ съ нимъ дѣлать въ Сибири хладъ
И испышать судьбы преврашность.“

*

„Все съ швердостью перенесла
И бѣдствуя въ спранѣ пустынной,
Для Долгорукаго спасла
Любовь души своей невинной.
Онъ жершвой месши люшой палъ;
Кровь друга плаху оросила;
Но я, бродя межъ снѣжныхъ скаль,
Ему въ душѣ не измѣнила.“

*

„Судьба ошраду мнѣ дала
Въ моемъ изгнаніи уныломъ:
Я ушѣшалась, я жила
Мечшой всегдашнею о миломъ!

Въ странѣ угрюмой и глухой
Она являлась мнѣ, какъ радость
И въ душу, сжасую поскою,
Невольно проливала сладость.“

*

„Но завтра, завтра я должна
На вѣкъ забыть о страсти нѣжной;
Живая въ гробъ заключена,
Ошъ жизни опрелекусь мяшежной.
Забуду все: людей и свѣшь,
И холодна къ любви и злобѣ,
Суровый выполню обѣщъ,
Мечташь до гроба лишь о гробѣ.“

*

„О, лейшесь, лейшесь же изъ глазъ,
Вы слезы, въ мѣспѣ семъ уныломъ :
Сегодня я въ послѣдній разъ
Могу мечташь о другѣ миломъ.
Въ послѣдній разъ въ нѣмой глуши
Брожу съ воспоминашемъ смущнымъ
И шажкую печаль души
Вѣрляю рощамъ безпріюшнымъ.“

*

Тущъ, снявъ кольцо съ своей руки,
Она кольцо поцѣловала
И, бросивъ въ глубину рѣки,
Лицо закрыла и взрыдала :
„Сокройся въ шумной глубинѣ,
Ты першень, першень обручальной,
И въ монастырской жизни мнѣ
Не оживляй любви печальной!“

*

Рѣка клубилась въ берегахъ,
Поблѣкый листь валился съ шумомъ;
Порывный въпрѣ шумѣль въ поляхъ
И бушевалъ въ лѣсу угрюмомъ.
Полна унынья и тоски,
Слезами перси орошая,
Пошла обратно вдоль рѣки
Дочь Шеремешева младая.

*

Обрядъ свершился роковой . . .
Проси послѣднее веселье!
Одна съ угрюмою тоской
Страдалица сокрылась въ кельѣ.
Тамъ дни свои въ поспѣ влача,
Снѣдалась грустью безошрадной
И угасала, какъ свѣча,
Какъ предъ иконою огонь лампадной.

Рылѣевъ.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

№. XXXI.

П Р О З А.

Письмо изъ Рима.

(Изъ Н. Friedländer's Ansichten von Italien.)

Возвращеніе изъ Неаполя: Страстная недѣля въ Римѣ.

Съ какимъ удовольствіемъ, совершивъ путешествіе свое въ Неаполь, возвратился я въ древнюю столицу міра! Съ какою живою радостію увидѣлъ я, съ вышины Альбанскихъ, позлащенные верхи величественнаго Собора Св. Петра! Проѣхавъ городскія ворота, находился я снова посреди драгоценныхъ памятниковъ, коихъ шеперь только узналъ истинное достоинство и съ коими никогда не хотѣлъ бы разлучаться. Возвращеніе на родину, послѣ долгихъ странствованій, не могло возбудить въ душѣ моеи пріятнѣйшихъ, сладостнѣйшихъ чувствованій!

Нельзя не признаться, что путешественникъ, недавно бывшій въ Неаполь, найдетъ въ обширномъ Римѣ нѣкоторую пустынную тишину. Но тишина сія не есть молчаніе мертвое. Нѣтъ! Это тишина торжественная, объемлющая душу и возбуждающая въ ней отрадное предчувствіе вѣчнаго, неопъемлемаго

покоя. Неаполь, со всѣмъ своимъ великолѣпьемъ и со всѣми веселостями, можешь шолько нравиться свѣтскимъ людямъ; но Римъ, тихій и величественный, привлекаетъ души благочестивыя и на каждомъ почши шагу обращаешь мысли къ незримому и духовному.

Я пріѣхалъ въ Римъ въ самое Вербное воскресенье и уже вечеромъ; а пошому и не могъ видѣть торжественныхъ обрядовъ, совершаемыхъ въ сей день въ Папской Придворной церкви. За то былъ я свидѣтелемъ всѣхъ прочихъ церемоній, кои дѣлають Страшную недѣлю достопримѣчательнѣйшею эпохою въ церковномъ году Римлянъ. Сіи-то послѣднія будутъ предметомъ писма моего. (*)

Въ среду, послѣ обѣда, собираются Римскіе жители въ Сикстову часовню, гдѣ слушають Miserere. Это служишь какъ-бы предразднесшвомъ на Великой Четвертокъ. Пѣніе сіе у древнихъ Христіанъ происходило ночью; а отъ сего и сохранилось названіе: Notturmo или Matutino delle Tenebre. Шестъ большихъ свѣчъ изъ блага воска горятъ на олтарѣ, въ богатыхъ серебряныхъ подсвѣчникахъ; другія 6 поставлены у периль, а 16 изъ желшаго воска у боковаго олшара, въ огромномъ подсвѣчникѣ особеннаго рода, называемомъ Saelta. Изъ числа сихъ послѣднихъ, 15 погашаються, одна за другою, во время пѣнія (**). —

(*) Подробнѣйшее описаніе всѣхъ сихъ обрядовъ находится въ книгѣ: Franc. Cancellieri Descrizione delle funzioni della settimana Santa, Roma, 1801.

(**) Сіе погашеніе свѣчъ имѣетъ, какъ должно полагають, свое значеніе; но Писатели, упоминающіе о семъ обрядѣ, несогласны во мнѣніяхъ своихъ на счетъ онаго. (Ирим. Сокр.)

Сперва собираются сюда Кардиналы, въ своихъ фиолетовыхъ маншяхъ; а потомъ являясь и самъ Папа. Громкій Хоръ пѣвчихъ раздается при его входѣ.

Пѣніе начинается антифономъ: *Zelus domus tuae comedit me.* Засимъ слѣдуютъ Псалмы и возгласы (Lamentatione), изъ коихъ нѣкоторыя, сочиненныя Григоріемъ *Аллегро*, пропеваютъ слушателя до глубины сердца. Мало по малу, всѣ свѣчи погасаютъ и мрачная тишина господствуетъ въ часовнѣ. Тогда Папа и всѣ Кардиналы преклоняютъ колѣна и снова начинается пѣніе умилительнаго Псалма: *Помилуй мя Боже!* (Miserege.) Онъ поется двумя Хорами, изъ коихъ каждый составленъ изъ четырехъ голосовъ, и припомъ съ такимъ совершенствомъ, съ такою сладостною гармоніею, что и самые жестокосердые слушатели смягчаются и проливаютъ невольныя слезы восторга и благоговѣнія. Музыка сія имѣетъ въ себѣ что-то неизъяснимо-изящное, соединенное съ нѣкоторою высокою, пропелельною просопою. Чудесная сила ея освобождаетъ насъ отъ узъ всего земнаго и какъ-бы переноситъ въ другой, лучший міръ. Кажется, что хвалебныя Гимны чистѣйшихъ небожителей озвываются въ нашемъ слухѣ; что мы воспаряемъ въ горня и стоимъ уже у отверзшихъ вратъ Неба. Всѣ земныя страсти и желанія угасаютъ въ груди нашей, и одно искреннее раскаяніе, одинъ священный восторгъ исполняетъ душу. — Наконецъ, голоса сіи умолкаютъ; но долго, долго еще благоговѣнное молчаніе царствуетъ между слушателями, проливающими безмолвныя, но шепчущія мольбы свои къ Небесамъ.

Великій Четвершокъ (Giovedì santo), съ утра до вечера, проходишь въ священныхъ обрядахъ. Поутру совершается обѣдня къ шой же *Сикстовой часовни*, о коей упоминали мы выше. У входа оной поставлены Швейцары, принадлежащіе къ Папской Гвардіи, въ блестящихъ шлемахъ и лапахъ. Гвардейцы сіи вообще учтивы, охотно пропускають чужестранцовъ и даже даютъ имъ лучшія мѣста. — Папа является здѣсь въ золотой піарѣ (тройной коронѣ) и въ бѣлой шелковой маншіи, вышитой золотомъ. Она застегнута на груди богатымъ фермуаромъ. (*) По окончаніи обѣдни отправляется процессія въ часовню Св. Павла. Сія послѣдняя великолѣпно освѣщена — 567-ю свѣчами. Пѣвчіе начинаютъ пѣть: *Pange lingua gloriosi*; а Папа самъ переноситъ сосуды съ Св. Тайнами во внутренній припворъ, отъ коего ключи ввѣряются шому изъ Кардиналовъ, который на другой день долженъ служить обѣдню. — Засимъ отправляется Папа въ ложу (галерею) Соборной церкви Св. Петра, откуда и изрекаетъ онъ благословіе *grату и міру* (*Urbi et orbi*). Величественное зрѣлище,

(*) Папы имѣли, прежде сего, еще одинъ драгоценный фермуаръ, хранившійся обыкновенно въ крѣпости С-шь Анджело. *Козьма I* подарилъ оный *Сиксту V*, при возведеніи своемъ въ Великіе Герцоги Тосканскіе. Сей фермуаръ здѣланъ былъ знаменитымъ Художникомъ *Бенвенушо Челлини* и украшенъ изображеніями изъ Священной Исторіи. На верху онаго блисало имя Іисуса, составленное изъ крупныхъ драгоценныхъ камней. Я никакъ не могъ узнать: существуетъ ли нынѣ сей фермуаръ и гдѣ оный находится?

(Прим. Сокрн.)

которое представляешь въ сію минушу Петровская площадь, превосходитъ всякое описаніе. Необозримыя толпы народа падаютъ на колѣна, дабы воспріять сіе благословеніе. Папскія войска разсѣяны по площади, съ разнущенными знаменами и съ Музыкою; со всѣхъ церквей въ городъ производится колокольный звонъ, а изъ крѣпости С-тъ Анджело раздается пушечная пальба. Когда Папа произнесешь благословеніе; то одинъ Кардиналь-Діаконъ провозглашаетъ опущеніе грѣховъ на Лашинскомъ, а другой на Ипаліанскомъ языкѣ. Прежде было обыкновеніе, что при семъ случаѣ читалась извѣстная Булла: *In coena Domini*; а Папа бросалъ между народомъ горящую свѣчу изъ желшаго воску, дабы тѣмъ ознаменовашъ проклятіе ерешиковъ. *Климентъ XIV* уничтожилъ сей обрядъ, споль несомвѣспный съ крошкимъ ученіемъ Христіанства.

Засимъ Папа и его свита переходяшъ въ шакъ называемую *Герцогскую залу* (*Sala Ducale*), гдѣ совершается *Омовеніе ногъ*. Тринашцать спранниковъ, по большой части дряхлые старцы и всѣ вообще духовнаго чина, сидяшъ на нѣкоторомъ возвышеніи, въ единообразной бѣлой одеждѣ. (*) Надъ ними виситъ

(*) Мнѣнія Писателей, касательно шринашцашаго спранника, весьма различны. Нѣкоторые думаютъ, что онъ представляешъ Св. *Марію Магдалину*, которую Церковь называетъ *Равноапостольною*; другіе — Св. Апостола *Павла*, который хотя и не находился при Тайной Вечери, но присоединяется къ оной изъ особеннаго къ нему благоговѣнія Римской Церкви. Еще иные полагаютъ, что шринашцашый спранникъ представляешъ хозяина дома, въ коемъ праздновалась Вечеря. (*Прим. Сог.*)

на стѣнѣ богатый коверъ, на коемъ вышкапа *Тайнал Вегера*, съ известной картины *Леонарда да-Винчи*. Между шѣмъ, какъ Хоръ поеть: *Mandatum novum de vobis*, Папа слагаетъ съ себя митру и маншію, привязываетъ передникъ, моетъ каждому спраннику правую ногу, обтираетъ ее полотенцомъ, потомъ цѣлуетъ каждога и даетъ ему букетъ цѣрповъ. Засимъ слѣдуетъ шрапеза: въ сосѣдней залѣ накрывается длинный столъ, прекрасно убранный. Здѣсь-то шринащатъ спранниковъ ожидающъ Папу. Его Святѣйшество входитъ въ залу, въ простомъ домашнемъ плащѣ и подноситъ каждому воду, для умовенія рукъ. Потомъ садятся они все за столъ, вдоль стѣны, и получаютъ изъ рукъ Папы супъ, два другія блюда и вино. Засимъ благословляетъ онъ шрапезу и уходитъ. Въ продолженіе сего обряда, знатнѣйшіе изъ Прелатовъ читающъ молитвы и благочестивыя наставленія. По окончаніи обѣда, дарятъ каждому шарцу полный столовый приборъ и сверхъ того еще 20 скуди.

Въ четыре часа по полудни начинается *заутреня* (*Matutini*) въ Сикстовой часовнѣ. Первые возгласы сочинены знаменитымъ *Палестрини*; слѣдующіе за оными столь же превосходны. Наконецъ опять поютъ *Miserere* (*Помилуй мя, Боже!*). Вторичное пѣніе сего Псалма производитъ, кажешся, еще сильнѣйшее, шрогательнѣйшее дѣйствіе. Оно потрясаетъ душу, повергаетъ ее въ ничтожество и, вмѣстѣ съ симъ, возбуждаетъ въ ней уюваніе вѣчнаго, незыблемаго блаженства. Умилительное сіе пѣніе умолкаетъ; но долго еще царствуетъ глубокая, священная тишина,

прерываемая одними шолько вздохами и рыданіями народа.

Изъ Сикстовой часовни сходящъ внизъ, въ церковь Св. Петра, гдѣ представляется взору новое, величественное зрѣлице. Это — *освященный Крестъ*. Подъ куполомъ, надъ самою гробницею Св. Апостола, виситъ мѣдный крестъ, длиною въ 33 пальмы; а на ономъ горящъ 628 лампадъ. Все освѣщеніе сего пространнаго храма исходитъ отъ сего святаго знаменія; ибо прочія лампы на сей разъ погашаются. Подъ обширными сводами и между столпами церкви находите вы всѣ возможные степени свѣта и тѣни. Безчисленное множество народа толпится въ галлереяхъ; другіе, цѣлыми группами, стоящъ на колѣняхъ и съ благоговѣніемъ приносящъ свои молишвы. Мысль *освященія Креста* приписывается всеобъемлющему Генію *Мишель-Анжа* и совершенно его достойна. — Когда мы вышли изъ церкви; то полный мѣсяцъ, крошкимъ своимъ сіяніемъ, озарялъ площадь; а галереи и водѣмши оной представили взорамъ новое зрѣлице, столь же восхищительное въ своемъ родѣ.

Въ Спрастную Пятницу, Сикстова часовня принимаетъ совсѣмъ другой видъ: на Папскомъ престолѣ не видно уже ни балдахина, ни прочихъ украшеній. Вмѣстѣ съ симъ снимаются и ковры, покрывающіе обыкновенно мѣста Кардиналовъ. Одинъ изъ сихъ послѣднихъ, называемый *Card. Poenitentarius*, служишь обѣдню въ черныхъ ризахъ. Во время оной, трое пѣвчихъ, въ единообразной бѣлой одеждѣ, становаются предъ олтаремъ и поюшь Спрасти Хрисшovy изъ Евангелія Св. *Іоанна*. Пѣніе сіе столь просто и трогательно,

что едва ли кто изъ слушателей оспашеся безъ сердечнаго умиленія. *Альтъ* поеть тексшъ или повѣствованіе; *Сопрано* — вопросы и другія рѣчи разныхъ лицъ, приводимыя въ Евангеліи; а *Контръ-Альтъ* собственныя слова *Спасителя*. Гласы народа повторяются Хоромъ. Сей особенный родъ пѣнія, со многихъ уже вѣковъ употребляемый въ Римской Церкви, имѣетъ въ себѣ нѣчто торжественное, величественное и трогательное. Особливо, словъ Спасителя нельзя слышать безъ живѣйшаго умиленія. Вся душа потрясается, когда на краткій вопросъ: „*Quem quaeritis?*“, отвѣчаетъ многочисленный и громогласный Хоръ: „*Iesum Nazareum!*“ — Когда начинающъ пѣть о смерти Спасителя; то всѣ слушатели падаютъ на колѣна и торжественная тишина долго царствуетъ въ церкви. Кардиналь, совершающій обѣдню, произноситъ краткую рѣчь на Латинскомъ языкѣ; а потомъ молился за Церковь, за Папу, Христіанскихъ Государей и ихъ подданныхъ, и даже за иновѣрцовъ. Каждая изъ сихъ молитвъ заключается словами: „*Oramus, flectamus genua*“; причемъ всѣ присутствующіе преклоняющъ колѣна. Засимъ слѣдуетъ обрядъ *Крестопоклоненія*. Кардиналь, служившій обѣдню, беретъ съ боковаго олшаря Распятіе, завернутое въ шелковой ткани; потомъ, обратясь къ народу, обнажаетъ главу онаго и поеть Аншифонъ: „*Ecce lignum Crucis!*“ На сіе отвѣчаютъ ему два Тенора: „*In quo salus omnis pendit*“; а весь Хоръ поеть: „*Venite, adoremus!*“ Засимъ подходитъ онъ поспешенно къ олшарю; обнажаетъ правую руку Распятія и повторяетъ: „*Ecce lignum*“ и проч. Наконецъ спавовишся онъ предъ самымъ

олшаремъ, раскрываешь все Распятіе и возлагаешь оное на богашую подушку. — Между шѣмъ, Папа снимаетъ свою маншію и остается въ одной только бѣлой ризѣ и полукафтанѣ. Онъ сходитъ съ своего престола, а у подножія онаго слагаетъ и мисру; попомъ, со сложенными накрестъ руками, приближается къ Распятію, нѣсколько разъ преклоняетъ предъ нимъ колѣна и наконецъ лобызаетъ оное. Въ сіе время одинъ изъ Кавалеровъ его свиты кладетъ 100 золотыхъ скуди въ драгоценный сосудъ, стоящій близъ олшаря. Хоръ поетъ умилишными голосами: „*Popule meus, quid feci tibi?*“ (Музыка знаменишаго *Палестрины*). Другой Хоръ отвѣчаетъ ему каждый разъ, на Греческомъ и Латинскомъ языкахъ, величественнымъ пѣніемъ: *Трисвятъ!* (*Trisagios.*)

За Папою слѣдуютъ, по два въ рядъ, Кардиналы, кои также подходятъ на поклоненіе Распятію. Каждый изъ нихъ кладетъ въ помянушый сосудъ не менѣе одного золотого скуди. (Деньги сіи обращаются въ пользу Соборнаго Ризничаго.) — За Кардиналами шествуютъ знаменишшіе Прелаты, Епископы, Генералы монашескихъ Орденовъ и Сенаторъ города Рима. Во все время Крестопоклоненія, продолжаютъ пѣть: „*Popule meus*“ и проч. — Засимъ идутъ, въ шоржественной процессіи, въ часовню Св. Павла, гдѣ Папа беретъ Плащаницу и самъ приноситъ оную въ церковь, при зажженныхъ факелахъ и при пѣніи Хора: „*Vexilla Regis procedunt.*“

Въ шомъ же день поется послѣдняя заупрениа (*Matutini*); а по окончаніи оной сходитъ Папа, сопровождаемый Кардиналами и всѣмъ Духовенствомъ,

въ нижнюю церковь Св. Петра, для поклоненія мощамъ сего Апостола. Всѣ участвующіе въ сей процессіи несутъ въ рукахъ факелы. Величественный Крестъ, возвышающійся посреди обширной церкви, изливаешь въ кошорый таинственный свѣтъ на благоговѣйный сонмъ молящихся.

По совершеніи сихъ обрядовъ, народъ оставляетъ церковь и разсѣвается по площади. Здѣсь привѣтствуютъ насъ прекрасная лѣтняя ночь, лунное сіяніе и мелодическій плескъ многочисленныхъ фонтановъ. Здѣсь красоты Природы и Искусства совокупно дѣйствуютъ на умиленное наше сердце и питаютъ возбужденныя въ ономъ, благочестивыя чувствованія.

Въ Спирасную Субботу, во время Богослуженія, одинъ изъ Прелатовъ возвѣщаетъ Папѣ воскресніе Спасителя слѣдующими словами: „Pater Sancte, annuncio vobis gaudium magnum, quod est hallelujah!“ Между 11-ми и 12-ми часовъ начинается колокольный звонъ со всѣхъ церквей; всеобщее и искреннее веселіе царствуетъ въ домахъ и на улицахъ. — Въ Соборѣ Св. Іоанна Лапранскаго крестятся въ эшопъ день, съ большою церемоніею, Евреевъ, Магомешанъ и Язычниковъ.

Наступленіе Свѣтлаго Воскресенья возвѣщается пушечною пальбою изъ крѣпости С-тъ Анджело. Волнующіяся толпы народа спекаются въ церковь Св. Петра, гдѣ Папа совершаетъ обѣдню, со всею величественіемъ, приличнымъ столь шоржественному случаю. По окончаніи Богослуженія, выходитъ онъ въ ложу (галлерію), находящуюся при сей церкви, и даетъ

изъ оной свое благословеніе безчисленному народу, шолпящемуся на площади.

Кшо съ усерднымъ вниманіемъ и искреннимъ участіемъ присутствовалъ при описанныхъ мною, священныхъ обрядахъ Спрасшной Недѣли; шопъ чувствуюешь нѣкоторое внушренное истощеніе, опъ сильныхъ пошрясеній души происходящее. Это было и со мною: нѣсколько дней сряду провель я дома, чшобы опдохнуть опъ множества разнообразныхъ впечатлѣній. Но и здѣсь не могъ я ничѣмъ заняшься: воспоминанія всего, мною видѣннаго и слышаннаго на прошедшей недѣлѣ, пошрясали меня до глубины сердца. — Кшо шолько имѣлъ счастье, слышашъ небесное пѣніе *Miserere*; шопъ конечно согласился со мною, чшо это ешь изящнѣйшая Музыка, между всѣми, кои когда-либо проникали въ слухъ смершныхъ; чшо въ сравненіи съ нею, всѣ прочія, для челоѣка испинно-чувствительнаго, кажутся слабыми и ничтожными, суешными и земными. Впечатлѣнія сей Музыки глубоки, безконечны и неизгладимы на всю жизнь. Если всѣ священные обряды Спрасшной Недѣли имѣють цѣлю, живо представить вѣрующимъ воспоминаніе объ опшесшвіи Иисуса Христа и шѣмъ очистишь и подкрѣпишь ихъ въ раскаяніи, покорности, благочестіи и любви; шо одно пѣніе *Miserere* производить уже сіе дѣйствіе. Можешъ сшашься, чшо весь шоржесшвенный блескъ сихъ обрядовъ когда-нибудь изгладится изъ нашей памяти; но пѣніе *Miserere* навсегда ошпанешся въ оной и, при каждомъ воспоминаніи, производить будешъ одинаковое, живѣйшее умиленіе.

М. Мгэръ.

Взоръ на Исторію Греческой Словесности.

(Продолженіе.)

Въ то же время процвѣшали Науки въ Сициліи, подъ покровительствомъ шамошнихъ Государей, кои возвели Сиракузы на степень первыхъ городовъ въ свѣтѣ. Слава Словесности Сицилійской еще древнѣе Аѳинской. *Гелоны*, *Гіероны* любили Искусства и награждали занимавшихся оными. *Эмпедокль*, Философъ и Поэтъ, родился на семь оспровъ. *Эпихармъ*, котораго многіе почипають изобрѣшашелемъ *Комедіи*, былъ Сициліянецъ. — Сей вкусъ къ Словесности долгое время царствовалъ въ Сиракузахъ и во всей Сициліи. Извѣстно, что здѣсь былъ одинъ изъ главнѣйшихъ театровъ Поэмъ *Пиндара*, столь изящно прославлявшаго победы Царей Сицилійскихъ на играхъ Греціи.

Сей вкусъ распространился въ собственно шакъ называемой Греціи, когда народы, ушомленные внутренними раздорами или непрерывною войною съ сосѣдями, ушвердили между собою постоянное Правленіе, законы и нравы. Жили Аѳинскіе всегда упражнялись въ Словесности; но она не пользовалась еще обширною славою. Для сего нужны были постановленія *Солона*, кои придали прочнѣйшій характеръ пылкости Аѳинянь. Тогда явились Поэты и *Тесписъ* положилъ первое основаніе Театру, еще при жизни сего любимаго Законодателя. Прочіе Греческіе города шакже имѣли Сшихшворцевъ, образованныхъ древнѣйшими Писателями, каковы были *Гомеръ*, *Гезюдъ*,

Симонидъ и другіе, коихъ имена не дошли до нашихъ временъ. Самый спрогій Лакедемонъ и грубая *Θивы* имѣли своихъ Поэшовъ; слава ихъ не исчезала въ сихъ городахъ, и донинѣ всякой знаетъ, что *Θивы* даровали жизнь *Пиндару*, знаменишѣйшему изъ всѣхъ Греческихъ *Лприковъ*.

Имена *Симонидовъ*, *Алкменовъ*, *Стезихоровъ*, *Тиртеевъ* и нѣкошорыхъ другихъ Поэшовъ извѣстны намъ цолько по отрывкамъ небольшихъ сочиненій. Казалось, что проспосердечіе, пріятность, сила и иногда Саширической шонъ сосшавляли характеръ ихъ спихошвореній. Они во всемъ послѣдовали Природѣ, а пошому нѣшъ въ нихъ ничего шакого, что бы показывало принужденіе. Греческая Поэзія сохраняла сей характеръ долгое время. Нѣкошорая любезная проспота казалась всегдашнею, ошличительною чершою сего народа.

Миѳологія Грековъ, сосшавлявшая основаніе ихъ Поэзіи, была забавна, ошпроумна и преисполнена истины въ живыхъ своихъ Аллегоріяхъ. Она одушевляла все въ Природѣ: лѣса, цвѣшы, поля, существа не одушевленные; а въ мірѣ вешественномъ созидала другой, несравненно очаровательшій міръ — *воображаемый*. Сіи-шо преданія, посредствомъ частыхъ повшореній, сдѣлались необходимою истиною для Поэшовъ, кои оными руководшвовались и дѣлали въ нихъ перемѣны или прибавленія, по мѣрѣ шого, какъ увлекались собшвеннымъ воображеніемъ. Храмы приняли Гимны ихъ и освяшили шакимъ образомъ ихъ мысли и стихи. Все, что лѣшило самолюбію, соединялось въ ихъ пользу, между народомъ, кошорый спрашно

любилъ Искусства изящныя. Здѣсь Поэзія царствовала безпрекословно и безпрепятственно. Пономъ наступила настоящая эпоха славы Аѳинъ въ Поэзіи: славы, которая содѣлала имя сего города драгоценнымъ для всѣхъ вѣковъ. Я разумѣю основаніе Театра, на коемъ явились съ такимъ блескомъ *Эсхилы*, *Софоклы* и *Эврипиды*. Это было послѣ побѣдъ Мараѳонской и Саламинской, которыя оживошворили сердца Аѳинянь сшоль благородною гордостью и возвели ихъ на столь высокую степень знаменитости. *Гомеръ* какъ бы полагаешь основаніе Драмашической Поэзіи въ своей *Илиадѣ*, гдѣ находишь такое множество прекрасныхъ сценъ. Аѳиняне обратили ее въ Искусство и представили, предъ цѣлымъ собраніемъ народа, самыя разительныя черты изъ Греческой Исторіи, пороки и преступленія древнихъ своихъ владѣльцовъ, пагубную ихъ участь, страши и бѣдствія. Они открыли въ душѣ челоуѣка двѣ пружины, наиболѣе способныя прогашь оную: *ужась* и *соотраданіе*. Отъ сего-то родилась *Трагедія*, которую и поработили они правиламъ *трехъ единствъ*. Они дали ей языкъ благородный и приличный; они даже не хотѣли, чшобъ участіе народа въ театральныхъ Хорахъ искажало достоинство сей Поэмы и — весь народъ заговорилъ языкомъ Трагедій.

(Окончаніе впрѣдъ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Ж и з н ь.

Какъ безпокойный упромъ сонъ,
Весь жизни долгъ и мнѣ явился
И на моемъ былъ сердць онъ;
Но срокъ прошелъ — и онъ сокрылся.

Я дань принесъ поръ мечшы.
Пора обмановъ, сердцу милыхъ!
Какъ обольстила сладко пы
Толпу желаній легкокрылыхъ!

Мечшу смѣнилъ огонь любви,
Младаго сердца уюнья.
Какъ жизнь украсили они
И оживили наслажденья!

Мелькнула слава предо мной
И новый міръ душа узрѣла:
Рвалась удѣлъ возвысить свой
И гордо къ подвигамъ лещла.

И все въ душѣ моей прошло,
Какъ дѣтства первая забавы:
Чредою время унесло
Обманъ мечты, любви и славы.

Мнѣ мудрый опышь указаль
Покой надежный безъ волненья.
Но чшожь? Я счастье шолько зналь,
Пока былъ чуждъ успокоенья.

Плетневъ.

Р о м а н с ы .

Только узналъ я тебя —
И шрепешомъ сладкимъ впервые
Сердце забилось во мнѣ.

Сжала ты руку мою —
И жизнь и всѣ радости жизни
Въ жертву любви я принесъ.

Ты прошептала: люблю! —
И чистая радость слѣшла
Въ мрачную душу мою.

Молча гляжу на тебя:
Нѣшь слова, всѣ муки, все счастье
Выразишь страха моей.

Каждую свѣплую мысль,
Высокое каждое чувство —
Ты зараждаешь во мнѣ.

Баронъ Дельвицъ.

Печаташь позволяешя: Августа 18-го дня, 1823 года.

Цензоръ А. *Гируковъ.*

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

№. XXXII.

П Р О З А.

Взоръ на Исторію Грегеской Словесности.

(Окончаніе.)

Для изображенія нравовъ общественной жизни изобрѣли Греки *Комедію*, кошорой слогу ошарались придать какъ можно болѣе разнообразія. Касашельно содержанія, находили они обильный источникъ въ смѣшныхъ причудахъ и странностяхъ людей. Сначала не щадили они никого. Сіе не возбранялось въ Древности; но сія свобода превратилась въ наглость. Не только ясность изображеній указывала на предметъ Комической Сапиры; но и самыя лица были наименованы и маски Акшѣровъ ихъ представляли. Какъ бы ни судили о сихъ Поэмахъ нынѣ, когда общесшва болѣе усовершенствовались и законы благоприсшойности лучше наблюдаются, но оныя по крайней мѣрѣ ошались образцами въ искусствѣ описывать нравы. Правда, что Древніе нерѣдко представляли ихъ грубыми и жестокими; но тѣмъ не менѣе справедливо, что ничего нѣшъ удивительнѣе ихъ кисти,

когда хотѣли они изображать нѣжныя черты Природы и ея почныя и вѣрныя ощущенія, равно принадлежащія всѣмъ народамъ и вѣкамъ.

Обращаясь отъ Поэтовъ къ *Прозанкамъ* — (порядокъ весьма естественный, потому, что первые всегда предшествовали послѣднимъ), — мы найдемъ у Грековъ пошъ же вкусъ къ Природѣ; шу же прѣшшу и прѣшность, коихъ нельзя замѣнить украшеніями и которыя столь сильно чувствуютъ всѣ любители изящнаго. *Геродотъ*, коего можно почесть первымъ въ семь родѣ Писателемъ, предиринялъ начертаніе всеобщей Исторіи и исполнилъ оное такъ превосходно, что никто не превзошелъ его во времена послѣдующія. Слогъ его чистъ, легокъ и плавенъ; онъ богатъ вымыслами и исполненъ сей Природы, столь драгоценной для сердца его. Онъ не рассказываетъ; онъ созерцаетъ и кажется, что созерцаетъ съ нимъ вмѣстѣ. Какъ Писатель и Философъ, излагаетъ онъ свой образъ мыслей въ самомъ выборѣ подробностей, изъ коихъ составляетъ повѣствованіе; но не прерываетъ онаго своими разсужденіями. Онъ, кажется, съ намѣреніемъ разсѣялъ въ своемъ сочиненіи тысячу различныхъ повѣстей, способныхъ объяснить намъ нравы того времени. Самое содержаніе Исторіи его чрезвычайно любовышно и составляетъ драгоценнѣйшій остатокъ отдаленной Древности; но всего болѣе плѣняетъ въ немъ неизяснимая прѣшность слога, съ которою ни одинъ изъ послѣдующихъ Историиковъ не могъ сравниться.

Овидій болѣе важный, возвышенный и правдолюбивый, (ибо онъ первый изъ Грековъ почиалъ

истину за одно изъ существеннѣйшихъ качествъ Истории), — *Фукидидъ* въ своемъ слогѣ, краткомъ, иногда темномъ, но изобилующемъ описаніями дѣяній и глубокими мыслями, заключилъ, кажется, въ одной Истории начало всѣхъ событій и уроки для всѣхъ временъ. Мнѣніе сіе нимало не увеличено. Поприще, которое представляетъ Исторія *Фукидидова*, такъ пространно, такъ занимательно; соревнованіе власти между Аѳинами и Лакедемономъ такъ сходно съ происшествіями нашихъ дней; сухопутныя и морскія ихъ силы такъ хорошо изображены для нашего наставленія; виды Историка такъ справедливы и разсужденія его изложены съ такою здоровою Поллишкою, что нѣтъ конечно ни одного народа, ни одного человѣка-наблюдателя, который бы не могъ оными воспользоваться. Въ немъ найдемъ правила, какъ вести себя во всякое время и во всѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ только бывають народы. Это есть нѣкоторымъ образомъ всеобщая Исторія, сочиненная для наставленія Государственныхъ мужей и самихъ Государей. О, еслибъ только люди умѣли извлекать пользу изъ сихъ памятниковъ Древности; если бы страсти, корыстолюбіе и самовольное помраченіе смысла не ввергали ихъ въ пѣ заблужденія, коихъ примѣры минувшаго научають избѣгать; если бы, наконецъ, имѣли они способность, не только читать, но и понимать оныя!

Ксенофонтъ также написалъ Историю своего отечества, но не столь любопытную, какъ *Фукидидъ*, его предшественникъ. Простота и пріятность слога преимущественно отличаютъ сего ученика

Сократова. Онъ лучше успѣлъ въ описаніи славнаго ошеспуленія десятии тысячъ Грековъ, въ коемъ онъ имѣлъ важное участіе и гдѣ не знаешь, чему болѣе удивляешься: благоразумію ли его поступковъ, или изящности повѣствованія. Сочиненіе сіе, споль превосходное въ своемъ родѣ, не даешь свободы Читайшелю: онъ увлекается непрерывнымъ сцѣпленіемъ важнаго и любопытнаго его содержанія. Однѣ шолько *Записки Цесаря*, кажется, можно сравнишь съ его слогомъ; но онѣ не дѣлають споль сильнаго впечатлѣнія со стороны добродѣтели и сей высокой Философіи, кои ощущаешь при чшеніи *Ксенофонта*.

Вошь при главные Греческіе Историка, копорымъ послѣдователи ихъ подражали съ бѣльшимъ или мѣньшимъ разсужденіемъ и усовершеншвовали, въ шеченіе многихъ спольшій, искусство писань Исторію. Здѣсь же бесполезно замѣнишь, что Греція имѣла Историковъ въ продолженіе почти двухъ тысячъ лѣшь и что даже послѣдніе изъ нихъ суть и шеперь, въ нѣкопоромъ ошвошеніи, Писатели уважаемые.

Обрашима къ Философіи, коей колыбелью былъ Милешъ, о копоромъ упомянули мы выше. Но въ Аѣинахъ напрягла она всѣ свои усилия, подъ руководствомъ *Сократа*. Счастливыи его Геній былъ споль славно подкрѣпляемъ перомъ *Платона* и нѣкопорыхъ другихъ учениковъ, между коими *Ксенофонтъ* занималъ также ошличное мѣсто.

Нельзя оприцать, чтобы сіе мѣстопребываніе Философіи въ Аѣинахъ не нанесло удара Поэзіи, копорая съ шого времени находилась, шакъ сказашь, снова заключена въ предѣлахъ Драмашической Поэмы.

По крайней мѣрѣ изъ Поэшовъ Аѳинскихъ не видно ни одного, кошорый бы прославился въ какомъ-либо другомъ родѣ, послѣ сей эпохи. Всѣ умы обратились къ знаніямъ шеоретическимъ; воображеніе охладѣло; одна шолько Орашорская каѳедра, на коей Краснорѣчіе продолжало оказывать свою силу, дѣлала исключеніе изъ сего правила. Но и сія Философія, споль превозносимая, не сосшавляла существенной славы Грековъ. Она примѣшпвала бесполезныя понкости къ своимъ умозрѣніямъ; она не довольно очистила сей оспашокъ полубарварскаго суевѣрія и предрасудковъ, кои были плодомъ невѣжества и грубости первыхъ временъ. Она мало сдѣлала для благополучія людей, оспавивъ въ небреженіи значительную часшь человѣческаго рода, порабощенную другими, по необходимости или по праву войны. Она вовсе не спремилась къ сему всеобщему доброжелательству, кошорое сполько восхваляли Мудрецы послѣдующіе.

Другіе Философы, прилепясь къ Наукамъ Естественнымъ, проліяли свѣшь на предметы, о коихъ до нихъ никшо еще не разсуждалъ. Они подробно изслѣдывали дѣйствія Природы; познали качество растѣній; опредѣлили отношенія небесныхъ свѣшилъ къ землѣ, для пользы земледѣлія и мореплаванія; изъяснили шеорію металловъ и распространили Врачебное Искусство. Нѣкошорые углубились въ Машематическія изысканія и преодолѣли всѣ препоны, кои Природа прошивопосшавила нашему безпокойному и ненасышному любопытству. Греція превратилась въ обширную мастерскую всѣхъ Изящныхъ Искусствъ, кои всегда идушь по слѣдамъ Наукъ и Словесности.

Она только одна была просвѣщена; оспашокъ міра коснѣлъ въ хаосѣ невѣжества.

Между тѣмъ, какъ Философія дѣлала столь великія усилія и быстрые успѣхи, Краснорѣчіе, возведенное на кафедру еще прежде *Перикла*, но имъ усовершенствованное, преподавало совѣсы народу и управляло его предпріятіями. Сильное и быстрое дѣйствіе онаго шоржесствовало надъ безпорядочными и колеблющимися мнѣніями; располагало войною и миромъ; назначало жершвы, необходимыя для искушенія общей безопасности; опредѣляло награды для ободренія добродѣтельныхъ гражданъ; словомъ, оно всемъ управляло и надъ всемъ господствовало въ Аѣинахъ. Плъняя въ устахъ *Исократа*, наславляло оно въ добродѣтели самихъ власшителей и пригошовляло юношество къ блестящимъ успѣхамъ при исполненіи должностей Государственныхъ. Поражая страхомъ въ устахъ *Демосѣна*, разрушало оно предпріятія Филиппа Македонскаго, сослало въ заточеніе вшораго Аѣинскаго Вишю и привело въ удивленіе опаснѣйшаго соперника. Драмашическія формы, приданныя симъ Царемъ Вишій своему слогу; искусство, содержащее вниманіе въ неослабномъ напряженіи, побѣждаютъ силою изображеній и уловляютъ сердца пріятносною оборошовъ; наконецъ сія мнимая небрежность, которая есть верхъ искусства, — все опредѣляетъ *Демосѣну* первое мѣсто между Орашорами. Чести сей, и доселѣ, никто оспоришь у него не можешь; ибо въ продолженіи двадцати спольшій еще ни одинъ изъ Орашоровъ не превзошелъ его.

Но по какой странной превращенности, столько изящныхъ умовъ перестали имѣть соперниковъ и даже подражателей? Греція впала въ рабство и слабо защищала остатки умирающей своей свободы. Завоеваніе Персидской Имперіи, умноживъ могущество Царей Македонскихъ, сдѣлало Грецію жалкимъ игролищемъ своенравной Полишики сихъ Государей. Удовольствія роскоши и распутной жизни испребили вкусъ къ похвальному и изящному. Уже не было великихъ мужей ни въ Поэзіи, ни въ Краснорѣчіи; ибо слава Аѳинъ исчезла и главнѣйшіе ихъ граждане предалися самовласію. Любовь къ независимости еще существовала, но порывы оной были обуздываемы. Едва шолько извинялось слабое Краснорѣчіе и Синохворство, кои можно было терпѣть безъ опасности. *Дмитрій Фалерейскій* и Поэтъ *Менандръ* жили въ это время; одинъ ослабилъ языкъ на каедрѣ, другой Комедію на Театрѣ. Оба они были краснорѣчивы, но холодны. И какимъ образомъ слава Греческой Словесности могла поддержать себя? Повелители сей страны были самые грубые тираны. Надобно читать *Юстина*, чтобы видѣть всю жестокость и ужасныя злодѣянія сего семейства преемниковъ Александра Македонскаго. Такіе люди способны вовсе испребишь дарованія. Они имѣли вліяніе на всю дѣла Греціи, копорую опустошали попеременно. Долго не было убѣжища для Генія; но наконецъ онъ нашелъ себѣ защиту.

Пшоломси, Цари Египта, привлекли просвѣщеніе въ Александрію, содѣлавшуюся средопочіемъ вселенной. Науки и Искусства, казалось, снова обрѣли

прежнюю колыбель свою. Щедрость, истинно Царская, сих Государей оправдывала сіе мнѣніе. Они основали огромную библіотеку и поручили ее покровительству Музъ. Они пригласили ко Двору своему ошличѣйшихъ Поэшовъ. Идиллія, рожденная въ Сиракузахъ или на прекрасныхъ поляхъ Энны, показала въ Александріи, гдѣ сдѣлала ее извѣстною *Θεοκριτѣ*. Вскорѣ нѣжныя пастушескія пѣсни коснулись шамъ слуха Царей. *Θεοκριтѣ* имѣлъ соревнователей, болѣе счастливыхъ, нежели обыкновенные подражатели. *Βίωνъ* Смирскій и *Μοσχъ* Сиракузскій, оба превосходившіе своего учителя украшеніями, напоминающъ намъ нѣкоторыя красотоы его пастушеской Музы.

Несомнѣнъ и упоминашь о другихъ Поэсахъ, при семъ Дворѣ находившихся. Одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ между ними, шворецъ Поэмы *Αργοναυτῶν*, есть только слабый переписчикъ *Гомера*. Онъ давно преданъ забвенію. — *Αρατѣ* не оправдываетъ той идеи, которую вообще имѣющъ о прекрасномъ Спихошворствѣ Грековъ. *Λικυφρονѣ* непоняшенъ. Но изъ сего числа должно исключить *Καλλιμαχα* и нѣкоторыхъ другихъ Элегическихъ Поэшовъ, о коихъ Древность говорила съ восторгомъ и кошорымъ лучшіе Латинскіе Спихошворцы не гнушались подражашъ. Ишакъ намъ осшаешся пожалѣшь о послѣднихъ усиліяхъ Греческой Словесности, въ сію эпоху ея существованія. Покажемъ причины паденія оной, при самомъ Дворѣ Пшоломеевъ.

Писатели безъ дарованій и Генія овладѣли помянутою библіотекою, коей присвоены были всѣ ученыя

награды. Тогда читали много, но мало размышляли, какъ-то обыкновенно бываешь, когда пользуясь столь обширнымъ хранилищемъ человѣческихъ познаній, которое какъ бы поглощаетъ всю силу сужденія и памяти. Тогда-то появились безчисленныя примѣчанія о томъ, что Древніе писали или о чемъ они размышляли: Словари и выписки изъ извѣстныхъ книгъ, составленныя по большей части людьми посредственными или безъ всякихъ шансовъ, кои спрашивали счастливейшіе годы своей жизни въ трудъ маловажномъ. Въ слѣдствіе сего Греческіе города, гдѣ еще оставалось просвѣщеніе, наводнены были сочиненіями сего рода. Спросишь къ учености повсюду распространилась безпрепятственно и легкой подвигомъ памяти одержалъ верхъ надъ твореніями ума и вкуса, несравненно многотруднѣйшими.

Съ другой стороны, сухая и строгая Философія Спикоувъ довершила испребленіе всего, что уважила ученость. Секта *Эпикура*, соблазнительнымъ своимъ ученіемъ, нанесла весьма ощутительный ударъ просвѣщенію: она отвратила людей отъ труда мысли, чтобы прильпнись ихъ къ чувственнымъ удовольствіямъ. Правила сихъ Философовъ, внушаемая съ нѣкоторымъ Педантизмомъ, столь же холоднымъ, какъ и мѣлкимъ, немало содѣйствовали къ ускоренію упадка Наукъ.

Между столь многочисленными Философами различныхъ сектъ, одинъ только мужъ, еще за долго предъ симъ, быстро обозрѣлъ связь Наукъ и постигъ истинныя оныхъ начала. Это былъ *Аристотель*, отъ вниманія коего ничто не укрывалось: ни шочныя

Науки, ни правила Логики, ни наблюденія о естествѣ живошныхъ. *Аристотель* образовалъ мысль своей *Питики* и написалъ оную съ удивительнымъ усѣхомъ. Онъ также преподавалъ правила *Орашорамъ* и вообще былъ счастливъ въ своихъ наблюденіяхъ, основанныхъ на началахъ Искусства и знаніи людей. Но все уже было сдѣлано для Наукъ, на кои обращилъ онъ свое вниманіе: его *Питика* и *Риторика* не дали Греціи ни *Орашоровъ*, ни *Поэшовъ*.

Возвратимся въ *Александрію*. Легко можешь спашься, что сіе огромное собраніе книгъ, составленное *Пшоломеями* съ шолікими издержками и стараніемъ, причинило много вреда *Наукамъ*. Я не спрашусь надъ чь на себя имя варвара, ушверждая споль спранные мѣніе. Дѣйствія очевидны; по чему же не изложишь причины? Истина есть существеннѣйшая польза, кошорую приносяшь *Науки*; но сія же истина говоритъ, что великіе мужи Греціи не имѣли нужды въ помянутой громадѣ книгъ, чтобы досшигнушь славы *Геніевъ*. Должно полагашь, что они чинали мало, но наблюдали много. Они безпрешанно упражнялись въ преніяхъ *Краснорѣчія* и искали новой жапвы на полѣ *Поэзіи*. Все было потеряно, когда поприще состязанія наполнилось одними шокмо *Компиляшорами* и *Учеными*.

Здравый вкусъ повреждался ежедневно: во времена *Римлянъ* не узнавали уже сихъ *Грековъ*, кои прославили *Аѣины*. *Ишорикъ Поллбій*, впрочемъ разсудительный и пріятный повѣшвователь собышій не имѣешь никакого сравненія съ *Фукиддомъ* и *Ксенофонтомъ*, сго предшешвенниками. То же должно ска-

зять о *Діодоръ Сицилійскомъ*, о *Страбонъ*, которыхъ драгоценныя произведенія учености написаны съ большими погрѣшностями на счесь слога. *Діонисій Галикарнаскій* судилъ о Древнихъ, какъ холодный Риторъ, озабоченный разборомъ словъ и мѣрою слоговъ. Расположеніе, Философія, глубокій смыслъ сихъ неподражаемыхъ образцовъ, всего менѣе его занимали. Онъ, кажется, на каждой строкѣ забываешь, что слова суть только знаки нашихъ мыслей и что въ сочиненіи болѣе всего должно разматривать сіи послѣднія.

Греческая Словесность, казалось, хотѣла воскреснуть при Траянѣ и Антонинѣ, кои дали на нѣкоторое время отдохнушь вселенной, послѣ долгаго рода ширановъ, бывшихъ не менѣе врагами просвѣщенія, какъ и людей. *Луціанъ Самосатскій* писалъ со вкусомъ и въ видѣ разговоровъ, кои всегда будушь чишаешь съ удовольствіемъ; ибо онъ изощрялъ оныя солью пріянной Саширы. *Лонгинъ* изложилъ правила о *Высокомъ*; но собственныи слогъ его мѣстами только казался таковымъ и по большей части искажень былъ мѣлочами тогдашнихъ Риторовъ. — *Плутархъ* оставилъ *Жизнеописанія* великихъ Полководцевъ, Греческихъ и Римскихъ; также мѣлкія сочиненія, кои замѣняютъ для насъ большую часть пошерянныхъ произведеній Древности. Первое изъ сихъ швореній достойно своей славы, по разнообразію событій, по рѣзкимъ чертамъ въ изображеніи характеровъ, по господствующему въ ономъ духу Древнихъ нравовъ. Твореніе сіе способно къ образованію Полишниковъ и Героевъ. Одного только оставалось желашъ ошъ *Плутарха*: чтобы онъ лучше пи-

салъ и не былъ шолько легковѣренъ. Слогъ его плодовишь; повѣспованія нерѣдко наполнены подробностями ребяческими или бесполезными. Легковѣріе его часпо выходишь изъ предѣловъ здраваго смысла. Разсужденіе его о *Геродотѣ*, въ коемъ излагаешъ онъ одѣвъ шолько слабыя и неосновательныя причины, доказываетъ, что Плушархъ не всегда шакъ справедливъ, какъ самъ онъ ушверждаетъ. Мѣлкія сочиненія его иногда превосходны по изложеннымъ въ нихъ правиламъ, иногда любопытны по своимъ размышленіямъ и сказаніямъ. Эшо ошашки древнихъ нравовъ и языческой Миѳологіи; оныя кажутся посвященными на шо, чшобы испышашъ шершнія всякаго, кшо шолько покусишь сдѣлашь изъ нихъ одно цѣлое и соединишь сіи разсѣянныя часши, изъ коихъ многія совсѣмъ зашерыны. Ошашаешъ по крайней мѣрѣ заключишь, что слогъ Философа Херонейскаго и самый способъ его судишь о вещахъ, весьма удаляюща ошъ свѣтлозарныхъ временъ древней Греціи.

Науки въ Греціи уже погибали, какъ Христіанская Религія поддержала ихъ на краю самой пропасти. Сія Религія, возвѣщающая людямъ *правду и миръ*, была не менѣ полезна для Наукъ, обративъ оныя къ благороднѣйшей цѣли: къ содѣланію людей лучшими и къ наставленію ихъ въ высокихъ добродѣтеляхъ. Краснорѣчіе *Св. Іоанна Златоуста* привело на память краснорѣчіе Платоново; но первое болѣе внушаетъ уваженія по своей изящной цѣли и болѣе возбуждаетъ благочестивыя и правочисельныя мысли. *Василій Великій* и *Григорій Богословъ* процвѣтали въ шо же время и писанія ихъ, по мнѣнію просвѣщен-

ныхъ чашапелей, не говоря о главномъ ихъ достоинствѣ, и по одному слогу несравненно превосходнѣе сочиненій современныхъ имъ Софистовъ, сколько же холодныхъ, сбивчивыхъ и непонятныхъ, сколько другіе были ясны, вразумительны и вдохновенны. — Самъ *Юліанъ*, сначала воспетый въ училищахъ Христіанскихъ, пріобрѣлъ въ оныхъ сей вкусъ, который виденъ въ его *Цесаряхъ* и *Мизопогонь*. — Правда, что съ нашествіемъ варваровъ и бѣдствіями Римской Имперіи, Науки повсемѣстно были истреблены, и Грекамъ великаго стоило труда, возвратиться къ началу полезныхъ знаній, однажды потерявъ оное. Но изрѣдка блискали еще искры Генія, хотя то было въ однихъ Романахъ, пріятныхъ и занимательныхъ. Сюда принадлежатъ повѣсти о *Дифнисъ* и *Хлоъ*, *Теагенъ* и *Хариклеъ*. Первая особенно почитается образцомъ простоты и нѣжнаго вкуса въ изображеніи сельскихъ картинъ. Кажется, что дышешь воздухомъ полей Мишилена, когда читаешь то мѣсто, гдѣ Сафо воспѣваетъ посреди пастуховъ: тамъ находишь чистосердечныя нравы Грековъ и сіи плѣнительныя подробноси, въ коихъ всѣ племена человѣческія единогласно познають Природу.

Причиною сохраненія Наукъ на Востокѣ было непрерывное существованіе Имперіи и изящный вкусъ нѣкопорохъ просвѣщеннѣйшихъ мужей Духовнаго званія, кои умѣли воспользоваться своимъ досугомъ и постоянно занимались чтеніемъ древнихъ Писателей. Сочиненіе Константинопольскаго Патріарха *Фотія*, извѣстное подъ названіемъ *Библиотеки*, доказываетъ, что Науки въ сей странѣ были въ гораздо лучшемъ

состояніи, нежели на Западъ. Между тѣмъ, какъ варварство процвѣтало ужасный мракъ свой на Африку, Испанію, Францію и Италію; между тѣмъ, какъ всѣ сіи страны стонали подъ игомъ жестокихъ власпителей, всегда вооруженныхъ для похищенія или мести, — нѣсколько ученыхъ мужей въ Константинополѣ упражнялись въ Наукахъ, не смотря на безпорядки Правительсва и тогдашнее развращеніе Двора, не смотря на мерзость злодѣяній и жестокости, коихъ они были ежедневно очевидцами. Безъ сомнѣнія, сіи мужи находили величайшее удовольствіе въ своихъ занятіяхъ; ибо продолжали оныя съ такою неутомимостію, хотя труды ихъ ничѣмъ не были награждаемы. Имъ-то обязаны мы за сохраненіе поликаго числа безцѣнныхъ рукописей, кои бы вѣроятно погибли, если бы они не находили удовольствія, перечисывать оныя; если бы не почитали ихъ дѣшпйшимъ предметомъ уваженія и драгоценнѣйшимъ наслѣдіемъ предковъ своихъ. Доказательство того, что они ихъ читали, видѣли мы въ самыхъ Лѣтописяхъ Восточной Имперіи, кои хотя мало равняюща по слогу и содержанію, съ прекрасными ошрывками Древности, однакожь показываютъ, что Сочиненія ихъ были съ ними знакомы. Труды Принцессы *Анны Комнено*, *Кальхондилья*, *Палимера*, *Никиты Хониота* гораздо пріятнѣе читаешь, нежели всѣ Лѣтописи и записки Запада, составленныя около того же времени. Это конечно происходило отъ того, что древніе ученые мужи Греціи и ихъ писанія были вообще извѣстны въ Визанціи, — между тѣмъ какъ на Западѣ забыли даже имена *Тита-Ливія* и

Саллюстія, коихъ начали снова чинить не прежде, какъ въ концѣ пятнадцатаго столѣтія. Се было почти въ самую эпоху испроверженія Греческой Имперіи Турками. Тогда Литтература Греческая исчезла, по причинѣ рабства и новыхъ нравовъ, припесенныхъ завоевателями. Предоставляемъ себѣ изяснить въ послѣдствіи, какую пользу извлекъ Западъ изъ печальныхъ остатковъ, спасенныхъ ошъ разрушенія Восточной Имперіи.

Съ Франц. Иванъ Бутовскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Пьсня бѣдняка.

Куда мнѣ голову склонишь?

И кинуть я и сирь!

Хотѣлъ бы весело хоть разъ

Взглянуть на Божій міръ.

•

И я въ семьѣ моихъ родныхъ

Когда-то счастливъ былъ!

Но горе спутникъ мой съ шѣхъ поръ,

Какъ я ихъ схоронилъ.

•

Сады веселыхъ богачей

И нивы ихъ кругомъ

Моя жь дорога мимо ихъ,

Съ забой и шрудомъ!

•

Но я счастливыхъ не дичусь :
Моя печаль въ шиши.
Я всѣмъ веселымъ радъ скажашь :
Богъ помоги! ошъ души.

О щедрый Богъ! Не вовсе жь я
Тобою позабышъ :
Источникъ милосши Твоей
Для всѣхъ равно открышъ.

Въ селенъи каждомъ ешь Твой храмъ,
Съ сіяющимъ крестомъ,
Съ молишвой сладкой и съ Твоимъ
Доступнымъ олшаремъ.

Мнѣ свѣшишъ солнце и луна ;
Любуюсь на зарю ;
И, слыша благовѣшъ, съ Тобой,
Создашель, говорю.

И знаю : будетъ добрымъ пиръ
Въ небесной споронъ !
Тамъ буду праздновашъ и я !
Тамъ мѣшо ешь и мнѣ !

Жуковскій.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

№. XXXIII.

П Р О З А.

Все не въ попадь.

(Приключеніе одного Парижанина.)

Было воскресенье. Едва ударило 7 часовъ, какъ коляска моя стояла уже у крыльца, въ полной готовности къ преднамѣренной повѣздкѣ за городъ. Я спѣшилъ одѣваться, шумѣлъ съ камердинеромъ и — разбудилъ мою жену. „Куда ты ѣдешь такъ рано, другъ мой?“ спросила она меня. „Къ Г. *Леблому*,“ ошвѣчалъ я, „кошорый уже такъ давно зоветъ меня къ себѣ. Онъ купилъ прекрасную дачу въ Монморансійской долинѣ и непременно хочешь, чтобы я прѣхалъ познакомиться съ его женою и дѣтьми, съ его садами и хозяйшвенными заведеніями.“ — „Эшо очень мило! Слѣдовательно, я одна останусь дома?“ — „Совсѣмъ нѣтъ! Ты можешь провести день у своей маминьки.“ — „У своей маминьки! Ты всегда мнѣ эшо говоришь, когда вздумаешь куда-нибудь ѣхать одинъ. Впрочемъ, желаю тебѣ веселиться.“ — „Но другъ мой, я ѣду совсѣмъ не для веселья. Мнѣ надобно поговорить съ Г-мъ *Лебломомъ* о важномъ дѣлѣ;

а ты знаешь мое правило: всегда предпочитать полезное приятному. Прощай, моя милая. Я надѣюсь, что ты не скучно проведешь время. Часовъ въ 9 приѣду я за побою къ маминькѣ; а если вы будете въ спектакль, то и я приду къ вамъ въ ложу.“

Вотъ уже я на дорогѣ въ Монморанси. Я зналъ, что Г. *Леблонъ* живетъ въ сей прелестной долині; но имя селенія, къ коему принадлежала его дача, было мнѣ неизвѣстно. Надлежало осматривать встрѣчавшихся крестьявъ, которыхъ Топографическія свѣденія не всегда бывають обширны. Наконецъ, послѣ двухъ или трехъ безполезныхъ вопросовъ, указываютъ мнѣ дачу Г. *Леблона*. Подѣзжаю; звоню въ колокольчикъ, и лакей, въ богатой ливреѣ, открываетъ мнѣ двери. Спрашиваю: дома ли Г. *Леблонъ*? Прекрасный ребенокъ, споявщій на лѣсницѣ и въ коемъ непрудно было узнать хозяйскаго сына, отвѣчаетъ мнѣ со всю дѣтскою ласковостію: „Папинька одѣвается; но онъ скоро сойдетъ внизъ. Не угодно ли Вамъ въ садъ? Тамъ найдете вы маминьку и всѣхъ гостей.“ Я охотно послѣдую за маленькимъ моимъ пушеводителемъ; вхожу въ обширный Паркъ, превосходно расположенный; открываю прелестные виды; слышу журчаніе водопадовъ; узнаю мосты и бесѣдки, о которыхъ такъ часто рассказывалъ мнѣ любезный мой пріятель. Въ концѣ одной аллеи встрѣчаю хозяйку. Я еще не имѣлъ чески, быль съ нею знакомымъ; но она шѣмъ не менѣе приняла меня съ пою непринужденною учтивостію, которая естъ безъ сомнѣнія еущественнѣйшій признакъ хорошаго воспитанія.

Общество было многочисленное и избранное. Хозяйка и некоторые изъ гостей вѣзлись бытъ монми проводниками и показали мнѣ Паркъ во всемъ его пространствѣ и во всей красотѣ. Дѣйствительно, я мало видалъ подобныхъ: со всѣхъ сторонъ предсавлялись мнѣ живописнѣйшіе виды. Между тѣмъ былъ уже полдень и я начиналъ думать о завтракѣ. Признаюсь, что не смотря на любовь мою къ изящной Природѣ, охотно бы ошдалъ я всѣ прелестныя мѣстоположенія — за привлекательный видъ накрышаго стола съ сыпными блюдами.

Желаніе мое недолго оставалось безъ исполненія: раздавшійся звонъ колокольчика позвалъ насъ къ завтраку. Всѣ гости вѣснулись въ дверяхъ столовой, и признаюсь, что я былъ не изъ послѣднихъ. Любезная хозяйка посадила меня подлѣ себя и, между тѣмъ, какъ пошли докладывать ея мужу, подчивала насъ водками и ликёрами всякаго рода. Вскорѣ шарелка моя покрылась пріятною смѣью анчоусовъ, шампильоновъ и шрюфелей, посреди коихъ покоилась сочная коплетка. Я уже схватилъ ее за коспючку и гошвился принести первую жершву своему аппетиту, какъ отворилась дверь и мы увидѣли входящаго хозяина. Всѣ гости вспали; я послѣдовалъ общему примѣру и поспѣшилъ къ нему на встрѣчу съ опверзными объятіями. Но увы! Эшо былъ человекъ, совсѣмъ мнѣ незнакомый.

Молодой распочитель, который думаешь встрѣпить пріятеля и вмѣсто шого находишь жестокосердаго зашмодавца; ревностный поспѣшитель маскарадовъ, который думаешь говоришь съ молодой

красавицею и открываешь въ ней пресшарблую свою шешку, неопытный Спиховорецъ, который съ радостнымъ предешомъ развертываетъ Журналь, думая найши себѣ похвалу и — читаешь жестокою Кришкью, — конечно не были въ шабомъ изумленіи и ужасѣ, кон объяли меня при видѣ сего втораго экземпляра Г. *Леблона*. Съ шрудомъ могъ я произнести нѣсколько словъ, дабы извинишься предъ моимъ хозяиномъ и изъяснишь ему свою ошебку. Оправась нѣсколько опъ сего замѣшашельсшва, сказалъ я, что былъ приглашенъ завшракашь къ одному Г. *Лебл ну*, живущему, по словамъ его, въ Монморансійской долинь. „О, я его знаю,“ ошвѣчалъ маъ учшивый хозяинъ. „Эшо одинъ изъ моихъ пріяшелей. Онъ дѣйствительно живешъ по сосѣдству, но дача его находится вправо опъ большой дороги. Впрочемъ (прибавилъ онъ) я очень радъ эшой ошбкѣ, которая доставила мнѣ удовольсшвіе, съ Вами познакомишься. Я надѣюсь, что Вы останешсь у насъ завтракашь; а попомъ можеше продолжашъ маленькое свое пушешествіе.“

Я не оштался бы ни за какое богатсштво въ мірѣ. На лицахъ всѣхъ гостей видны были ясные признаки смѣха, который съ шрудомъ старались они скрывать. Сама хозяйка, при всей своей учшивосши, принуждена была опвернушься и подозвала къ себѣ слугу, какъ будто бы для того, чтобы дать ему нѣкоторыя приказанія. Молодые люди пошупили глаза въ полъ и, казалось, созывали всѣхъ собакъ и кошекъ въ домъ. Какой-шо полсшой господинъ, подлѣ меня сидѣвшій, не нашель другаго сдособа, воздержашсь

ошъ смѣха, какъ принявшись, съ невозможною поспѣшностію, за свою кошелечку и шарфъ ли.

Я удалился, продолжая свои поклоны и извиненія до самой лѣстницы, съ коею бы вѣрно упалъ, если бы Г. *Леблонъ*, кошорый во все сіе время сохранилъ удивительное присутствіе духа, не успѣлъ поддержать меня. Находясь у подъезда, слышала я громкій смѣхъ, кошорый, по выходѣ моемъ, свободно раздавался въ споловой. Не нужно сказывать, что я былъ предметомъ онаго. Я востѣшно сѣлъ въ коляску и вскорѣ поперялъ изъ виду загородный домъ Г. *Леблота*; но мнѣ долго еще казалось, что сей убійственный смѣхъ меня преслѣдовалъ. Встрѣчался даже на дорогѣ съ незнакомыми людьми, на лицахъ коихъ изображалась вселось, я неволью утѣрялъ себя, что имъ извѣстно было мое горестное и вмѣстѣ забавное приключеніе.

Но бѣды мои шѣмъ еще не кончались. Въ печальныхъ размышленіяхъ проѣхала я около часу, прежде нежели вздумала спросить о дачѣ настоящаго Г. *Леблота*. Узнаю, что я здѣлала лишнія двѣ мили и что надобно было возвратиться назадъ, чтобы понаестъ на дорогу. — Наконецъ, послѣ многихъ освѣдомленій, пріѣхала я къ своему пріятелю.

Хозяинъ и все семейство встрѣтили меня на поросѣ, предъ домомъ. Пріемъ ихъ былъ самый ласковый и дружескивенный. „Напрасно не пріѣхали Вы къ завтраку,“ сказала хозяйка. „Я шѣмъ болѣе объ этомъ жалью,“ прибавилъ Г. *Леблонъ*, „что мы приглашены сегодня обѣдать въ городъ. Но что до этого за дѣло? Намъ еще ошастся часа два при свободныхъ и ми

ими воспользуемая, дабы показать Вамъ садъ и всѣ заведенія. Между тѣмъ не угодно ли Вамъ чего-нибудь скушать? — Я было хотѣлъ отвѣчать утвердительно; но мнѣ показалось неучпивымъ, начинать свой завтракъ предъ людьми, которыя давно уже окончили свой. Роковое *нѣтъ* вылетѣло изъ устъ моихъ и признаюсь, что эша была самая безспыдная ложь, какую только позволилъ я себѣ въ жизни.

„Въ такомъ случаѣ,“ возразилъ хозяинъ, „Вы по крайней мѣрѣ не откажешься, выпить чего-нибудь прохладительнаго. Франсуа! Принеси стаканъ смородиной воды. — А ты, любезный другъ (продолжалъ онъ, обращаясь къ моему слугѣ) можешь идти въ кухню. Люди мои садятся теперь за столъ и охотно раздѣляшь съ тобою свой обѣдъ.“ Непрудно отгадываешь, что слуга мой не заспавилъ себя прося: онъ поспѣшно отправился въ кухню, гдѣ нашелъ себѣ сышній обѣдъ, между тѣмъ какъ господинъ его принужденъ былъ довольствоваться смородиной водою!

Хозяинъ и хозяйка показывали мнѣ весь Паркъ, водили въ бельведеръ, заспавляли восхищаться своими прудами и фонтанами. Но эшо еще не все: прекрасныя наши слушницы вздумали прогуливаться въ лодкѣ и мнѣ же поручили должность гребца! Я едва имѣлъ довольно силы, чтобы управляшь весломъ, и сократилъ сію прогулку, сколько шо отъ меня зависѣло. Наконецъ мы вышли на берегъ. Тупъ увидѣлъ я предъ собою вишенное дерево, коего зрѣлыя, пурпуровыя ягоды возбудили бы аппетитъ и въ человѣкѣ, который только что вышелъ изъ за сышнаго

стола. Судите же, какое впечатлѣніе произвели онѣ на меня, который въ продолженіе 20-ти часовъ соблюдалъ невольный постъ! Служницы мои были отъ меня далеко. Я потыпалъ себя совершенно однимъ и въ воспоргѣ обнималъ благошворное дерево, которое представляло мнѣ сладостную опраду послѣ шоль долгаго и щепнаго ожиданія. Но вишни висѣли довольно высоко и мнѣ надлежало употребить послѣднія свои силы, чѣобы взобраться на дерево. Наконецъ я въ шомъ успѣлъ и рука моя была уже просперша къ румянымъ ягодкамъ, какъ раздался позади меня женскій голосъ, который въ эту минушу показался мнѣ несноснѣе, нежели распроенная скрипка полупьянаго музыканша. Это была сама хозяйка; она убѣдительношымъ образомъ просила меня, не шрогашь ея вишень, кои берегла она для варенья. Признаюсь, чѣо я въ душѣ своей проклиналъ и Г-жу *Леблонъ* и ея варенья; но, спрыгнувъ съ дерева, принялъ веселый видъ и увѣрлялъ ее, чѣо хощѣлъ доспашъ пшичье гнѣздо, которое видѣлъ или думалъ видѣшь между вѣшвами.

Скрѣпя сердце, надобно было продолжашъ прогулку. Для опдохновенія, ввели меня въ одну бесѣдку и заспавили съиграшь шри или чешыре паршій въ билліардъ. Наконецъ, въ исходѣ 5-го часу, начали поговаривашъ о возвращеніи въ Парижъ. Я немало шому обрадовался; но обѣдъ мой былъ еще не шакъ близокъ, какъ я думалъ. Мнѣ поручили опшезши въ городъ одну изъ шешокъ Г. *Леблона*, живущую въ опдаленнѣйшемъ краю С-шъ-Жерменскаго предмѣспія. Пушешествіе сіе совершилъ я въ 7 часовъ вшера и

тогда только могъ подумать о подкрѣпленіи истощенныхъ силъ своихъ. Я не въ состояніи былъ обратиться до какой-нибудь извѣстной рестораціи и остановился предъ первымъ, довольно дурнымъ широкимъ. Я послалъ слугу своего дома, дабы узнать, что здѣлалось съ моею женою; а сама взошла въ столовую и съ жадностію пожирала остатки умереннаго обѣда, котораго однакожь, благодаря сильному моему аппетита, показался мнѣ довольно вкуснымъ.

Вѣрный мой служитель вскорѣ возвратился и объявлялъ, что жена моя, вмѣстѣ съ своими родителями, поѣхала въ Театръ *Водвилей*. Окончивъ обѣду свой, отправился я туда же. Усталость и досада изображались на лицѣ моемъ, когда я взошла въ ложу. Надобно было рассказать печальныя мои походы. Я присоединилъ къ онымъ всѣ подробности, кои только могли здѣлать ихъ занимательными. „Я этому очень рада,“ сказала жена моя. „Въ другой разъ ты не оставишь меня одну.“ — „Это Вамъ хорошій урокъ,“ прибавила моя жена: „вокресенье должно всегда проводишь въ своемъ семействѣ.“ — „Это очень хорошій урокъ,“ съ важностію присовокупилъ мой шестъ: „кто ѣдетъ въ гости завтракать, шопъ прежде всего освѣдомляется объ адресѣ своего хозяина.“

Я хотѣлъ-было отвѣчать на сіи утѣшительныя замѣчанія, какъ поднявшійся занавѣсъ избавилъ меня отъ сего шуда. Заглавіе пьесы было — *Все не въ поладь!*

Съ Франц,

Нѣчто о дружбѣ.

Кто изъ насъ, въ лѣта пылкой молодости, не мечталъ о дружбѣ? Кто не простиралъ ласкающую руку къ каждому, чей только образъ мыслей казался сходнымъ съ собственными его чувствованіями? Кто, въ пріятномъ ослѣпленіи, не принималъ за пшину пышныя увѣренія въ дружбѣ, нерѣдко расшочаемыя коварствомъ, а еще болѣе въпреносію? — Я самъ былъ въ эпомъ заблужденіи и дорого заплатилъ за него. Печальные опыты жизни, разрушивъ сіе очарованіе, здѣлали меня благоразумнѣе, но не счастливѣе.

Но должно ли думать, что прекрасный міръ сей наполненъ чудовищами *моральной Натуры*, кои, приманивая неопытнаго юношу своими ласками, повергающъ его на край пропасти? Должно ли думать, что сей шѣсный союзъ, имѣющій столю много прелести для душъ чувствительныхъ, служилъ всегда личиною для злыхъ намѣреній? Должно ли думать, чтобы человекъ, кошорый, при встрѣчѣ со мною, осыпаетъ меня учтивостями, предлагаетъ мнѣ свои услуги, принимаетъ живое участіе въ судьбѣ моеѣ, имѣлъ всегда въ виду обмануть или погубить меня?

Нѣтъ! Чудовища въ нравственной Природѣ столю же рѣдки, какъ и въ Физической. Большая часть людей исполнены слабостей и не имѣютъ въ душѣ своей довольно энергіи, чтобы цѣнишь и сохранять сей союзъ, столю чистый и безкорыстный, столю неразрывный и священный. Крошкѣй пламеникъ дружбы зашмѣвается въ сердца ихъ облаками предразсудковъ, предубѣжденій и свѣтскихъ обязанностей.

Бурные порывы страстей совершенно угашаются.

Кто, встрѣясь съ Вами, называетъ Васъ другомъ; кто увѣряетъ Васъ въ готовности, быть Вамъ полезнымъ: — шептъ не всегда думаетъ обмануть Васъ. Нѣтъ! Онъ по большой части ничего не думаетъ. Человѣкъ, который въ заключеніи писма называетъ себя Вашимъ *покорнѣйшимъ слугою*, также не имѣетъ намѣренія Васъ обманывать. Но горе Вамъ, если Вы будете такъ просты и примете слова его въ буквальный смыслъ!

Многіе прославляютъ дружбу, которая начинается въ нѣжнѣйшей молодости. Люди сего возраста конечно гораздо искреннѣе, нежели люди зрѣлыхъ лѣтъ; чувствуя ихъ живѣе и расчеты корысти или честолюбія никогда почти не входящъ въ ихъ связи. Но и здѣсь, какъ и вездѣ, нельзя положить общаго правила. Нерѣдко дружеская связь молодыхъ людей есть одно только слѣдствіе привычки. Проводя время свое въ шумныхъ забавахъ, были они всегда согласны; ибо не имѣли случая опрѣдѣлить другъ другу опрѣдѣленія въ образѣ мыслей своихъ о важнѣйшихъ предметахъ. Оный не прежде обнаруживается, какъ уже по вступленіи ихъ въ свѣтъ, и нерѣдко бываетъ весьма различнымъ.

Два молодые человѣка, кои получили свое образованіе въ одномъ училищѣ; кои разделяли между собою все удовольствіе счастливой юности; коихъ привычки и склонности казались одинаковыми, — встрѣчаясь послѣ долгой разлуки. Они съ нѣжностію обнимающъ другъ друга и непритворно радующся

сему свиданію. Они воспоминають старыя годы, прежнія свои удовольствія и горести. Но при второй встрѣчѣ разговоры ихъ испощаются, а при третьей и четвертой ограничиваются уже обыкновенными учтивостями. — Опъ чего это? Судьба повела ихъ по различному поприщу; опыты различнымъ образомъ подѣйствовали на ихъ образъ мыслей; привычки и склонности ихъ измѣнились и не было уже предмета, который бы въ одинакой степени привлекалъ ихъ вниманіе.

Между людьми среднихъ лѣтъ дружба не имѣетъ болѣе прочности. Общественныя связи, корыслолюбивыя виды, интриги и исканія бывають обыкновенно основаніемъ оной. Есть примѣры, что человекъ, сблизившійся съ другимъ изъ какихъ-либо видовъ, находилъ въ немъ сходный характеръ, достойныя уваженія качества и дѣлался искреннимъ его другомъ и почишашелемъ. Но примѣры сіи довольно рѣдки, между тѣмъ какъ примѣры противнаго встрѣчаются почти на каждомъ шагу. Малѣйшая неблагопріятная переменна въ судьбѣ одного дѣйствуетъ и на другаго; но дѣйствуетъ совсѣмъ не такимъ образомъ, какъ бы надлежало того ожидать. вмѣсто болѣе сближенія, вмѣсто взаимнаго утѣшенія и дѣлательной помощи, мнимые друзья разсѣваются подъ разными предлогами и домъ несчастливца мало по малу пустышь. Конечно, есть похвальные исключенія изъ сего правила; но оныя столь рѣдки, что въ глазахъ свѣдѣющихъ людей, почишались великою добродѣтелью.

Кажется, ни въ какомъ званіи дружба не можетъ быть столь тѣсна, безкорыстна и искренна, какъ между Учеными. Польза Наукъ, любовь къ человѣчеству, взаимное сообщеніе великихъ истинъ и новыхъ открытій — должныствовали бы содѣйствовать къ укрѣпленію сей связи. Были дѣйствительно Ученые, коихъ можно назвашь *Орестами* и *Пиладами* на поприщѣ Литтературы. Искренняя дружба ихъ не разрушалась даже и смертію: оставшіяся всегда осыпала могилу усопшаго неувядаемыми цвѣтами. — Но шѣмъ ужаснѣе примѣры разрывовъ таковой дружбы между Учеными. Различіе мнѣній, оскорбленное самолюбие и соперничество предъ Публичкою бывають обыкновенно причиною оныхъ. Чѣмъ въ большей дружбѣ находились два Писателя, тѣмъ непримиримѣе спановишся ихъ вражда; Крипики ихъ наполняюшся грубыми личностями и они, въ жару ненависти и мщенія, забываютъ, что унижаютъ талантъ и Литтературныя произведенія тѣхъ людей, копорыхъ, за годъ предъ симъ, сами они возносили до небесъ! — О слабость человѣческая!

Гдѣ жъ найши васъ, счастливыцы, для коихъ дружба, вѣрность и искренная привязанность не суть пушые звуки? Въ сельскихъ ли хижинахъ, гдѣ, какъ вообще думаютъ, сердца неповреждены еще упоиченностию общежитія? Подъ соломеннымъ ли кровомъ, гдѣ не знаютъ краснорѣчивыхъ городскихъ привѣтшій, столь рѣдко согласныхъ съ душою? Ахъ нѣтъ! Въ деревнѣ, какъ и въ городѣ, совершенснво не обитаетъ. Тамъ такіе же люди и такія же снрасни. Все различіе состоить можеть бытъ въ томъ, что

первыя нѣютъ другіе предметы желаній, а послѣднія пріемлютъ другое направленіе. — „И шавъ нѣтъ друзей въ мірѣ?“ со вздохомъ спросишь меня чашель. Событвенныя опыты могли бы убѣдить меня въ сей печальной истинѣ: я не нашель еще друга, въ строгомъ смыслѣ сего слова. Но я не смѣю извлекать изъ нихъ общаго заключенія; я не отвергаю существованія дружбы, ибо открываю въ душѣ моеи способность къ сему чувствуванію. Что рѣдко, то нельзя еще назвашъ невозможнымъ. Добрый другъ есть драгоценнѣйшее сокровище въ мірѣ, непосланное немногимъ только изъ смертныхъ. Кто рожденъ на Судьбу, которая лишила его сего счастья; тошъ долженъ сперва спросишь самого себя: что дѣлалъ онъ, дабы заслужишь оное? Онъ долженъ еще изслѣдовать: чувствуешь ли въ душѣ своей высокое достоинство дружбы и способенъ ли къ тѣмъ великодушнымъ пожертвованіямъ, кои служатъ ея залогомъ? Если сладостное сознаніе совѣсти дастъ ему благоприятный отвѣтъ; то онъ конечно найдетъ друга, хошъ и послѣ многихъ печальныхъ опытовъ и тщетныхъ исканій. Тогда, въ шоржествѣ сердца, воспоешь онъ съ Шиллеромъ:

„Кто пріялъ удѣлъ блаженной,
Другу другому вѣрнымъ бышь
И подругѣ неизмѣнной —
Сладко съ ними скорбь дѣлать;
Счастливы, кто въ сей жизни крапкой
Сердцу сердце обрѣтъшь!
Онъ, шомаясь, одинъ украдкой
Слезъ прискорбныхъ не прольешь!“ (*)

(*) Письмъ радости, переводъ Г. Мансурова.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Пѣснь Регнера.

(Въ Альбомѣ М. Н.)

Мы бились мечами на чуждыхъ поляхъ,
Когда горделивый и смѣлый, какъ дѣды,
Съ дружиной Героевъ искалъ я побѣды
И чести — жишь славою въ грядущихъ вѣкахъ.
Мы бились жестоко: враги передъ нами,
Какъ нива предъ бурей, ложились во прахъ;
Мы грады и села губили огнями
И Скальды насъ пѣли на чуждыхъ поляхъ.

*

Мы бились мечами въ шопъ день роковой,
Когда побѣдивши и хладъ и пучины,
Мы вышли на берегъ Гензинской долины
И вызвали сильныхъ на споръ боевой.
Мы бились жестоко — и жадные мщенья
Враги къ намъ лезали, полна за толпой;
Ихъ кровью намокла равнина сраженья
И мы побѣдили въ шопъ день роковой.

*

Мы бились мечами. На память сынамъ
Оставилъ я броню и щипъ мой широкій,
И бранное знамя и шлемъ мой высокій,
И мечъ мой — ужасный далекимъ спрѣтамъ.
Мы бились жестоко — и гордые нами
Пшомки, геройшвомъ подобныя намъ,
Развѣсятъ кольчуги, съ щипами, съ мечами,
Въ чершюгахъ ошцовскихъ — на память сынамъ!

P. S.

Прошу стихи мои простить!

Я на Парнассѣ школьникъ юный;

Вась не умѣли похвалишь

Мои засѣвичевыя струны:

Но если праведнымъ судьбамъ

Убогій сердца даръ приженъ,

Какъ драгоценный еиміамъ;

То голосъ мой Вамъ будетъ вяженъ. —

И сей листокъ чрезъ много дней

Напомнишь вамъ Пѣвца младаго,

Который не жилъ для связей,

Въ странѣ чужой не пѣлъ чужаго;

Не звалъ и славы въ свой приюсть

И за Фортуней быспроногой,

Мірскою пыльною дорогою,

Не побѣжалъ, хошь всѣ бѣгушь.

За то въ душѣ его смиренной

Огнь чистой славы пламенѣлъ;

Онъ кое-что не худо пѣлъ,

Но Музою не вдохновенной,

Передъ высокимъ онъ нѣмѣлъ.

Н. Языковъ.

Дерптѣ,

18-го Мая, 1823.

Стихи для Альбома К. А. Р. К.

Какъ не завидовашь — (я разсуждалъ съ друзьями), —
Священной Древности Художникамъ, Пѣвцамъ!
Какія женщины владѣли ихъ умами!
Какія красоны передающъ вѣкамъ
Ихъ нѣгой дышущи кумиры!
Какіе образцы въ глазахъ счастливецевъ сихъ
Для кисти, для рѣза и лиры!
Ахъ, можешь бышь въ нашъ вѣкъ мы побѣдилибъ ихъ,
Когдабъ встрѣчались съ такими образцами! —
Но какъ смушился я, (замѣшились по Вы?)
Когда я встрѣшился въ пошъ самый вечеръ съ Вами!
Винюсъ предъ милыми Харисами Москвы!

Норовъ.

Кн. Н. Ю. С — ой,

въ день ея рожденія.

Тебѣ ли въ эпошъ день благъ новыхъ пожелаешь?
Ты всею надѣлена Природой и Судьбою:
Ты *Грацій истинныхъ* счастливейшая мать
И кажешься еще ихъ старшею сестрою!

К.

17-го Августа, 1823.

Печашать позволяется: Сентября 13-го дня, 1823 года.

Цензоръ А. Бируковъ.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

№. XXXIV.

П Р О З А.

О вѣръ въ Бога.

(Изъ Цоллигофера.)

Гдѣ шопъ вѣчный, неисчерпаемый источникъ свѣша, изъ котораго разливаются свѣшъ и жизнь на всѣ міры и всѣ существа безъ изьяшя?

Гдѣ та всеобъемлющая, все блаженствомъ исполняющая и непрерывно дѣйствующая, первоначальная Сила, изъ которой происпекають всѣ силы и кошорю оныя всѣ содеркашся?

Гдѣ основаніе, гдѣ первобытная вина всего сущаго, мною зримаго и чувствуемаго? Повсюду вижу дѣйствія, основанныя на другихъ дѣйствіяхъ. Одно всегда слѣдуетъ изъ другаго; одно всегда существуеть для другаго; все зависить другъ отъ друга. Сіе не пушеводить ли меня къ вѣчной, первоначальной причинѣ, которая сама собою существуеть и будетъ существовать во вѣки вѣковъ? Гдѣ первое звѣно неизмѣримой цѣпи вещей, мною зримыхъ и гдѣ всемогущая десница, кошорю онѣ всѣ содеркашся?

И сія первоначальная причина не должна ли бытъ премудрою, всещедрою и всеблагою? Не вижу ли повсюду ясныя, несомнѣнные слѣды высочайшаго разума,

премудрости и благости? Не вижу ли повсюду красоту, порядок и согласие, намѣренія и средства къ достиженію оныхъ? Кто указаль печеніе солнцу и лунѣ и безчисленнымъ сонмамъ міровъ, меня окружающихъ? Кто ихъ шакъ устроиль, шакъ разставиль другъ ошъ друга, что они, дѣйствуя многообразнѣйшимъ образомъ на другіе міры, спокойно и безпрепятственно совершающъ бѣгъ свой и въ самыхъ прошивуположныхъ направленіяхъ? Кто споль великолѣпно украсиль землю, нашу обитель? Кто разлиль на обитателей ея споль много, споль безконечно много жизни и радости? Не вижу ли на ней міриады живошныхъ, копорыхъ разнообразнѣйшіе роды, ошъ одного тысящелѣнія къ другому, по шѣмъ же неизмѣняемымъ законамъ Всемогущаго, сохраняющъ первобышній видъ свой, размножающа и удерживающъ природу и мѣсто свое; — живошныхъ, копорыхъ образованіе, инстинкты, занятія и связи свидѣтельствуютъ о премудрости высочайшей, непосшимой? Сколь великаго шруда мнѣ споло бы, увѣришь себя, что все сіе ешъ ничто иное, какъ швореніе слѣпаго случая!

И гдѣ сей первоначальный, высочайшій Духъ, Отець всѣхъ духовъ, ошъ копорого произошель и я и все, что мыслишь и чувствуешь бышіе свое? Ибо я не мыслиль всегда: я мыслю сполько малое количество дшй. Я не вѣдаю, какъ я мыслю; но чувствую, что существую не самъ собою, что бышіе и мысли мои вѣ меня имѣющъ начало свое, что обязанъ имѣи не ближайшимъ виновникамъ моего земнаго существованія, копорые споль же мало вѣдающъ о шомъ, какъ и я, и споль же мало могушъ существовать сами собою, какъ и я. Все вѣщаешь мнѣ, что бышіе и мысли мои немогушъ бышъ созданиемъ случая, не могушъ бышъ

дѣйствию видимыхъ вещей, меня окружающихъ, ниже дѣйствию грубаго праха, со мною сопряженнаго; ибо въ бышїи и мысляхъ моихъ господствуютъ порядокъ, намѣренїе и согласїе. Нынь! Я чувствую, что мыслящее во мнѣ существо, душа моя, должна бытъ высшаго происхожденїя и благороднѣйшаго образованїя, нежели шло, ее облакающее; что она должна бытъ шворенїе Опца свѣрхъеспешвеннаго, небеснаго, Духа первоначальнаго, высочайшаго, чрезъ котораго она живеть и мыслишь и съ копорымъ она, во всякое мгновенїе бышїя своего, находится въ шѣснѣйшей связи.

Такъ! Вѣра въ предвѣчную, первоначальную Вину всего сущаго, въ сего высочайшаго, совершеннѣйшаго Духа, есть необходимая пошребность разума и сердца моего! И чѣмъ яснѣе мыслишь разумъ мой; чѣмъ спокойнѣе и шїше чувствую сердце мое; чѣмъ большее вниманїе обращаю на шо, что во мнѣ и внѣ меня вѣщаетъ о Богѣ; шѣмъ внятнѣе слышу гласъ Его, шѣмъ понятнѣе и драгоцѣннѣе спановишся мнѣ сія вѣра.

О Боже предвѣчный, непосшжимый! Земля и небо возвѣщаютъ мнѣ быше Твое! Каждое дерво, каждый червь, каждый звѣрь, каждый человекъ, все, все, что ешь и живеть и мыслишь, меня въ шомъ увѣраешъ! Тебя я вижу въ блескъ солнца и звѣздъ; Тебя чувствую въ свѣшъ и теплошъ, разливающихся на меня и на всѣхъ живущихъ. Тебя слышу, какъ въ сладкошномъ шопошѣ шихаго вѣшперка, шакъ и въ благодѣшельныхъ порывахъ бури; какъ въ пѣнїи шпїцъ, шакъ и въ языкѣ человека и въ громѣ волнъ морскихъ. Тебя ощущаю во всѣхъ прїяшнихъ впечатлѣнїяхъ, внѣшними предметами во мнѣ производимыхъ; во всѣхъ радосшныхъ, восшїшительныхъ чувствованияхъ, происпекающихъ опъ

спремленія къ истинѣ, ошъ пламенной любви ко всему доброму и прекрасному, ошъ любви къ Тебѣ и человѣкамъ и ошъ радостныхъ видовъ въ грядущемъ. Такъ! каждая сила, каждое движеніе, каждый признакъ жизни, каждая мысль въцаетъ мнѣ: *есть Богъ*, причина всѣхъ силъ и движеній, виновникъ жизни всѣхъ шварей! Такъ! О Боже! Ты еси, Ты былъ и будешь во вѣки вѣковъ!

Сколь счастливъ я, чшо духъ мой можетъ возноситься къ Тебѣ и мыслишь о Тебѣ! Чѣмъ была бы безъ Тебя вселенная? Какимъ хаосомъ была бы она, какую бы непоспизижимою загадкою? Сколь мрачно, сколь безрадостно было бы мое бышіе и бышіе всѣхъ мыслящихъ сущесивъ! Сколь ничпожны были бы всѣ наши занятія, знанія и наслажденія! Все было бы игрою случая непостояннаго, неопшврашимаго! Безпрерывный страхъ не зашмѣвалъ ли бы всѣ наши радости? Чего могли бы ожидать съ довѣренностію? Кшо былъ бы нашимъ вѣрнымъ руководителемъ на шрудномъ пути жизненномъ?

Такъ! когда бы я не чувшповалъ, когда бы не былъ швердо увѣренъ въ шомъ, чшо ешь Богъ; шогда бы я завидовалъ звѣрямъ дольнымъ, пресмыкающимся во прахѣ; шогда бы сила мыслишь, способность шпредишься къ совершенству, сдѣлались бы для меня предметомъ мученій и самая жизнь была бы мнѣ въ шягосш.

Нѣшъ! Лишь Ты могъ шакъ образовашъ мой духъ и сердце, лишь Ты могъ внушитъ имъ шоль сильное шпремление къ познанію Тебя и сдѣлашъ мысль о бышіи Твоемъ для меня необходимою пошребностію! Такъ! Ты еси и я шому радуюсь предъ Тобою! И шеперь сильнѣе чувшвую цѣну собшвеннаго бышія моего! Теперь я ликую, чшо мыблю и живу, чшо мыблю и живу Тобою! Теперь уже я не шпроша, не брошенъ среди живущихъ! Теперь уже я не игра случайности.

Нѣтъ: я швореніе высочайшей премудрости и благости, созданіе Творца и Обладателя всѣхъ міровъ и всѣхъ существъ; я чадо Отца, Отца истиннаго земли и неба!

О радость утѣшительная! Какъ бы малъ я ни былъ въ сравненіи со всею неизмѣримою вселенною; однакожъ я швореніе Того же Самаго, кто управляетъ мірами. Я такой же сынъ Ему, какъ и высочайшіе Духи. Предъ Нимъ, Господомъ предвѣчнымъ, всеильнымъ, нѣтъ ничего огромнаго, ничего малаго: все есть созданіе десницы Его, изображеніе Его могущества, печать Его величія и великолѣпія.

Теперь разливаешься лучезарный свѣтъ на все, что вижу и слышу, что есть дѣлаю. Все успросно благо и совершенно, все имѣетъ цѣль и намѣреніе; ибо все есть швореніе Существа всеблагаго, совершеннѣйшаго. Все сославляешь одно цѣлое, котораго части нѣсно между собою сопряжены, котораго намѣренія споль же премудры, какъ и велики и котораго дѣйствія въ шочности сошвѣшпеуютъ симъ намѣреніямъ.

И теперь успокоеніе и опрада воцаряются въ сердцѣ моемъ; ибо знаю, въ Кого вѣрую; знаю, отъ Кого произхожу, Кѣмъ существую, Кто радость, утѣшеніе и надежда моя въ сей временной жизни; знаю, о Боже! что Ты мой Отецъ и Отецъ всѣхъ существъ! Ничто не лишитъ меня сей вѣры. Подъемля взоры и руки горѣ, молю Тебя: Ошче милосердый! ушверди меня еще болѣе въ вѣрѣ истинной! Дай мнѣ еще живѣе чувшвовашь бышіе и высочайшее совершенштво Твое, еще болѣе познавашь Тебя и сильнѣе радовашься Тобою и прекрасною Твоею вселенною!

В. Тило.

Описаніе пути отъ Оренбурга къ Хивѣ и Бухарамъ, съ принадлежащими обстоятельствами, бывшаго при отправленномъ въ 1753-мъ году изъ Оренбурга въ тѣ мѣста купеческомъ караванѣ, Самарскаго купца Данилы Рукавкина. ()*

Государыня Императрица Елисавета Петровна. слѣдуя по стопамъ родителя своего Государя Императора Петра Великаго, къ познанію Азіятскихъ владѣній и областей и къ распространенію Россійской въ Оренбургѣ коммерціи, ошправленіемъ въ тѣ области Россійскихъ купеческихъ каравановъ съ товарами. — повелѣшь соизволила Дѣйствительному Тайному Совѣтнику и бывшему въ Оренбургѣ Губернатору, покойному Ивану Ивановичу Неплюеву, сдѣлашь сему начало.

Въ исполненіе онаго Высочайшаго повелѣнія и по усмотрѣнію его Г. Губернатора тамошнихъ обстоятельствъ, въ опыть къ свободной съ Бухарскими и Хивинскими народами коммерціи, чрезъ дикія и степныя мѣста, Киргизь-Кайсацкою Ордою до Хивы и Бухаріи, ошправленъ былъ купеческій караванъ съ товарами, при которомъ опредѣленъ я былъ главнымъ.

А какъ Россійскихъ каравановъ изъ Оренбурга въ тѣ мѣста еще не ошправлялось; шо и ѣхали мы дикою Киргизь-Кайсацкою степью и мимо Аральскаго и Трухменскаго народовъ, за провожаніемъ ошправленныхъ съ нами Киргизь-Кайсаковъ, во всегдашнемъ ожиданіи разграбленія каравана и побитія насъ; но Божіимъ храненіемъ прибыли въ Хиву благополучно.

(*) Сообщается безъ всякой перемѣны въ слогъ,

Впущены были въ *Хорамъ-Сарай*, то есть въ госпитальной дворъ, гдѣ по приказанію Ханскому, подъ приемо-промомъ были десять мѣсяцевъ и гдѣ, не допуская насъ до свободнаго шоргу, всѣ шоварынаши забраны на Ханскій дворъ безденежно.

Хомя же за оныя напоследокъ плашежь опъ Ханскаго Двора и полученъ, ибо какъ Г. Губернаторъ объ ономъ свѣдалъ, то приказалъ въ *Оренбургъ* Хивинцовъ задержашъ; но не по насшоящій цѣнѣ, а по шакой, какая Хану разсудилась. Пошомъ караванъ нашъ *Хивинскимъ Ханомъ* оппущенъ въ *Оренбургъ*.

Я, по случаю моей шамъ бышности, за долгъ почи-паю описашъ, съ показаніемъ всего шого, чему въ *Хивинскомъ* владѣніи я былъ самовидецъ.

Городъ *Хива*, въ копоромъ *Хивинскіе* Ханы Дворъ свой имѣють, шакже и подвласныя шому Хану крѣпосщцы: 1, *Анбиры*, 2, *Шабать*, 3, *Кентъ*, 4, *Чель*, 5, *Азарысь*, 6, *Урганнень*, всѣ шшояшъ при каналахъ, пропущенныхъ изъ рѣки *Амуръ - Дарыи*; укрѣпленія, кромѣ невысокихъ глиняныхъ стѣнъ и небольшихъ рвовъ, не имѣють; Аршиллеріи никакой нѣшъ, а оружіе ихъ по большой часши, стрѣлы и копья. Имѣють шакже и огнесрѣльное оружіе; но онаго весьма мало.

Опъ *Оренбурга* до *Хивы*, по примѣру хода, не болѣе тысячи версшъ почишашъ должно.

Во всѣхъ объявленныхъ крѣпосщцахъ жишелей весьма мало; а шорги производяшся въ усшановленные дни, шакъ какъ въ Россійскихъ селахъ бываешъ Большой шоргъ бываешъ у нихъ въ *Урганнень*, пошому что оная всѣхъ ближе къ *Киргизъ-Кайсацкой* Ордѣ, шакже и къ

Оренбургу первая. Пріѣзжаютъ въ оную: *Киргизъ-Кайсаки, Бухарцы, Тухменцы и Аральцы.*

Хивинцы живутъ болѣе въ окружности вышеозначенныхъ крѣпостей, каждый при своемъ разведенномъ саду, гдѣ и хлѣбъ для себя сѣютъ; а крѣпостцы имѣютъ только для защищенія, въ случаѣ непріятельскаго нападенія, какъ у нихъ происходятъ частыя ссоры съ *Тухменцами*, которые употребляютъ такое же оружіе, какъ и *Хивинцы*. Междоусобные у *Хивинцовъ* раздоры нерѣдко случаются. Скошководства они не имѣютъ, а довольствуются покупкою скоша у *Киргизъ-Кайсаковъ* и *Аральцовъ*.

Мимо *Хивы* протекаетъ рѣка *Амуръ-Дарья* на нѣсколько сажень и теченіе имѣетъ быстрое; она течетъ съ полуденной стороны и впадаетъ въ *Аральское* море.

Бухарія при оной же рѣкѣ сползетъ. Разстояніемъ отъ *Хивы* почишаютъ конскою ѣзды четыре дни. *Бухарцы*, для шоргу, съ шоварами въ *Хиву* пріѣзжаютъ на маленькихъ судахъ, сдѣланныхъ изъ маленькихъ досокъ; на шакихъ же и перевозъ чрезъ рѣку бываетъ.

Хивинцы, въ случаѣ непріятельскихъ нападеній, вспомошествованіе получаютъ отъ *Тухменцовъ*, за большіе подарки, которые и бываютъ по общему условію, сколько одни дасть, а другіе взять согласятся.

Тухменцы также не сильная и не многолюдная Орда. *Хановъ* надъ собою не имѣютъ, а начальствуютъ надъ ними старшины.

Хивинцы въ *Ханы* избираютъ изъ *Киргизъ-Кайсацкой* Орды и изъ *Бухарскихъ Ханскихъ* поколѣній, а не изъ подданныхъ.

Спроеніе какъ въ *Хивь*, шакъ и въ другихъ крѣпостцахъ, Ханское и обывашельское, сдѣлано изъ глины.

Зима продолжается въ *Хивь* не болѣе двухъ мѣсяцовъ, Декабря и Января; да и шо только, что земля нѣсколько примерзнешь, а снѣгъ не лежишь; когда же нѣсколько и выпадешь, но какъ солнечное сіяніе случишся, шо и распаеть. Также и въ лѣтнее время дождей бываешь мало, а посѣянной хлѣбъ произрасшаешь ошь напускаемой воды изъ каналовъ.

Земля *Хивинскаго* владѣнія песчаная и безъ навозу; а хлѣбъ въ урожай у нихъ бываешь пшеница, Срачинское пшено, просо, чечевица, кунчара (оной въ Россіи нѣшь); дѣлаюшъ изъ сего сѣмени масло. — *Жугара* (родъ, извѣстный здѣсь подъ названіемъ бѣлоярой пшеницы, шолько оная очень крупна и шишки велики): ее употребляюшъ какъ для себя въ пищу, шакъ и лошадямъ въ кормъ. Овощей всякихъ, какъ и въ Россіи, довольно; сады имѣюшъ не малые, въ кошорыхъ родяшся разные фрукшы, виноградъ бѣлой и черной, яблоки, груши, сливы и прочее.

Хлопчатой бумаги сѣюшъ довольно, а шелковые заводы имѣюшъ небольшіе. Деревьевъ шелковичныхъ, (называемыхъ у насъ шуповыми), при садахъ и каналахъ довольно; заводы же всякой, кто пожелаешь, имѣешъ беззапрешно и не пребуя къ шому никакого дозволенія.

Въ *Аральское* море впали двѣ рѣки, первая *Сыръ-Дарья*, вторая *Купанъ-Дарья*. Изъ нихъ *Сыръ-Дарья* граничишъ съ *Киргизъ-Кайсацкою* Ордою, которая по ней и кочуешъ: она ошь Оренбурга первая. Широшою оная пропишь Москвы-рѣки. Изъ нихъ первая глубже, шакъ что мы съ караваномъ переѣзжали оную на сдѣланныхъ изъ куги (шо есть изъ шальника, расшущаго

при берегахъ шой рѣки), и изъ камыша плошахъ, а другую въ бродъ.

При первой изъ предписанныхъ рѣкъ споишь городъ *Туркистанъ*.

Изъ *Аральскаго* въ *Каспійское* море печеніе имѣешь небольшая рѣчка, копорую мы переѣзжали; она прежнимъ печеніемъ, какъ видно по берегамъ, была не менѣе десяти саженъ, но при самомъ исходѣ изъ *Аральскаго* моря завалена *Хивинцами*, по опасности опъ бывшаго на Каспійскомъ морѣ разбойника *Стеньки Разина*, въ 1670 году разбои производившаго, чшобъ по шой рѣчкѣ не могъ пришши и раззоришь ихъ *Хивинцовъ*. Однакожь и нынѣ ша рѣчка немалое печеніе воды имѣешь. При оной лѣсу имѣется довольно, называемаго шамошними *Саксоульникъ*.

При шой рѣчкѣ споишь Хивинскій городъ *Ургань*, пущь, о копоромъ сказывающъ, что раззоренъ Волжскими Калмыками *Аюки-Хача*. Онаго города спѣна, а внутри двѣ мечеши, Ханской домъ, нѣсколько другихъ домовъ, каменные; на нихъ крышки уже обвешшали.

По дорогѣ опъ *Оренбурга*, близъ Аральскаго моря, не доѣзжая *Хивы*, въ прехъ дняхъ ѣзды, есть превеликая гора, о копорой увѣряли меня живущіе при шѣхъ мѣстахъ Россійскіе промышленники, шакже и самыя Хивинцы, что въ ней есть золошая руда; но добывашъ и плавиль опую имъ Хивинцамъ, но прежнимъ ихъ узаконеніямъ, подъ кляшвою запрещено. Она соспоишь во владѣніи Хивинскомъ. Хотя же мы, на возвращномъ изъ *Хивы* съ караваномъ проѣздѣ и предпринимали заѣхашъ къ шой горѣ; но посланные опъ Ханскаго Двора съ нами Послы и проводники дали намъ знашь,

что если мы не желаемъ бытьъ злосчастными и подвергнушь жизнь крайней опасности, то бы оставили оное любопытство; почему и принуждены мы съ крайнимъ сожалѣніемъ оставишь.

Хивинскій народъ *Сарты*, по есть купцы и хлебопашцы, также и нѣкоторые Узбеки, почитающіе себя Дворянами, усердно желаютъ имѣть съ нами коммерцію; но набѣги Киргизъ-Кайсаковъ и пошому страхъ, производить торги съ Россіянами, чибобъ не быть ограбленными ошъ нихъ въ степномъ пущи, въ проѣздъ съ караваномъ до Оренбурга, охоту сію уменьшаютъ. Привсемъ шомъ многіе изъ Хивинцовъ, не только торговашъ, но и бышь во всегдашнемъ подданствѣ Россіи, изъявляютъ искреннее желаніе.

Хивинскіе Ханы съ своихъ подданныхъ не собираютъ извѣстныхъ подапей, а берутъ, когда случится какая надобность, съ двороваго числа; и какъ сказывали, по сходитъ иногда по шри и по пяти рублей въ годъ съ двора.

Въ Хивѣ и другихъ Хивинскаго владѣнія мѣстахъ, плѣнныхъ изъ всякаго народа есть немалое число. Ханы довѣренность въ охраненіи своей особы помагаютъ болѣе на чужезранцовъ. Въ разсужденіи чего и въ опмѣнной милости они при Дворѣ содержатся и довольное получаютъ жалованье, также и ошъ Хивинцовъ пользуются уваженіемъ.

Хивинскіе народы золота и серебра не дѣлаютъ, а получаютъ изъ *Персіи* и *Бухарии*. Въ деньги хопя оное въ Хивѣ и переливается, но на имя Бухарскихъ, а не Хивинскихъ Хановъ, по прежнимъ ихъ узаконеніямъ.

Хивинцы дѣлаютъ парчицы шелковыя и бумажныя, весьма посредственной доброты, и по большой часши

оняя привозя въ Оренбургъ, продающъ, гдѣ накупа Россійскихъ поваровъ, вѣзашъ съ оными въ *Бухарию* и *Персію*, а покупаемые тамъ повары въ Оренбургъ привозашъ.

Хивинцы нравы имѣющъ грубые и вздорные; а какъ увидашъ противъ себя смѣлаго и ошважнаго чловѣка, то очень робѣющъ.

Въ бытность нашу въ *Хивъ* старались мы чрезъ разныя средства развѣдывашъ, какъ ошъ плѣнныхъ, (изъ копорыхъ мы и вывели въ Оренбургъ Россійскихъ чешырехъ чловѣкъ, бывшихъ въ плѣну около 40 лѣтъ), пакъ и ошъ благорасположеныхъ къ намъ *Хивинцовъ*, и вѣрояшно навѣдались, что они состояшъ во всегдашней опасности ошъ Россіи, въ разсужденіи учиненнаго ими незаконнаго поспупка, въ убійствѣ Князя *Александра Бековича-Черкаскаго* съ Командою, что оное имъ безъ досшойнаго ошмщенія не останется.

Городъ *Оренбургъ* хощя для шорговли съ шамошними Азіашскими народами и способенъ, но въ произвожденіи и распрощраненіи шорговли происходишъ ошъ *Киргизъ-Кайсацкой* Орды, какъ ошъ своевольнаго и необузданнаго народа, великое препяшствіе, тѣмъ, что *Хивинцы*, *Бухарцы* и *Ташкенцы*, желающіе шорговашъ въ *Оренбургъ* и *Троицкой* крѣпости, должны вѣхашъ съ шоварами своими неминуемо чрезъ шу *Киргизъ-Кайсацкую* Орду, ошъ которой не только караваны нападенію, а шовары разграбленію подвержены, но и купцовъ не рѣдко побивающъ. Почему немногіе ошваживающся приходишъ на удачу въ *Оренбургъ* и *Троицкую* крѣпость; а если бы не препяшствовали сіи опасности, то съ вѣрояшносноію можно заключишъ, что несравненно болѣе нынѣшняго приходило бы каравановъ,

слѣдовательно и повары ихъ были бы дешевѣ. Россійскихъ же выходило бы болѣе, а чрезъ шо и Казна получала бы приращеніе.

Описаніе разныхъ дорогъ отъ Оренбурга къ городамъ Хивѣ и Бухарин.

1. Отъ Оренбурга подлѣ рѣки *Урала* (Яика) внизъ по крѣпостямъ, чрезъ Козачій городокъ *Уральскъ*, подлѣ той же рѣки, по крѣпостямъ и форпосмамъ до Сарачинскаго форпосша, который спойшъ отъ Гурьева городка версвахъ въ бо-ши; отъ онаго, переѣхавъ рѣку *Ураль*, шли три дни до рѣчки, называемой Киргизцами *Бѣлосоленая*; въ ней вода горькая. Перешли оную близъ колодезей, копанныхъ *Киргизъ-Кайсаками*, въ коихъ прѣсной воды довольно. Отъ сей до рѣки *Энбы* шли два дни, разстояніемъ около бо версшъ; на семь разстояніи колодезей и никакой воды нѣтъ. Рѣка *Энба* невелика и неглубока, шакъ, что мы съ караваномъ переходили ее въ бродъ. Вода въ ней прѣсная и здоровая. Лѣсъ мѣлкой *талынкъ* (называемой по Азіяшки *Тарайгульникъ*), которой употребляется шолько на дрова. Оная впала въ Каспійское море: мы ее переходили и шли тою же дорогою, гдѣ переправлялся и шелъ Князь Александръ *Бековичъ-Черкасскій*, (посланный отъ Петра I., съ Командою), два дни до горы, называемой *Юрнякъ*. По оному пуши естъ довольно озеръ съ прѣсною водою, шакже и шравы для скоша. Гора сія, между морей *Каспійскаго* и *Аральскаго*, прѣспирается сыршомъ, хребшомъ, а склонность имѣетъ отъ *Аральскаго* къ *Каспійскому* морю. При подошвѣ оной горы, со стороны *Энбы*, естъ ключъ прѣсной воды. На вершю той горы, неподалеку отъ ея начала, спойшъ крѣпость пущая, чешвероугольная, сдѣланная изъ кирпича и

небольшой величины, такъ какъ сажень по сшу каждая спѣна. Для входу въ нее одни вороша; спѣны нѣсколько пообвалились, а спроеія въ ней никакого нѣтъ; для чего жь и къмъ оная крѣпосща поспроена, никто не знаетъ. Въ близости оной колодезь, чрезмѣрно глубокъ, выкладенный кирпичемъ, а неподалеку отъ него озеро съ прѣсною водою. Отъ оной крѣпосщцы шли шѣмъ сыртамъ и песками, (кои отъ Киргизцовъ называются *Шамскими*), чепыре дни. Попомъ пушъ нашъ склонился подъ гору, а по всему оному пуши колодези съ прѣсною водою. Идучи же по означенію хребту, увидѣли мы, чрезъ открывшуюся долину, въ правой сторонѣ воду, о кошорой бывшіе съ нами *Киргизь-Кайсаки* и *Хивинцы* объявили, что она окружаетъ одинъ островъ, на кошоромъ, по словамъ ихъ, есть замокъ, называемый *Барса-Кельмесъ*, то есть *входящему невозвратный путь*. Вода около онаго горькая и хоша не весьма глубокая, шолько ни на какихъ судахъ ѣздишь къ освѣдомленію о подлинности того замка не можно; а если бы кто оное предпріяшь ошважился, шотъ непременно долженъ въ оной водѣ погибнуть. И къ подтвержденію сихъ спраховъ баснословяшь, будшо бы сей замокъ сдѣланъ такимъ чрезъ нѣкое волшебство, называемое: *Тосмимъ*. Есть ли же въ немъ жители, того не знаютъ. По сходѣ съ Сырта, шли низкими мѣстами, склоняющимися къ *Аральскому* морю, при дни, гдѣ довольно прѣсной воды въ озерахъ и колодезяхъ, шакже лѣсу *соксоулинику* и *торангульнику* на дрова, и пришли къ вышеупомянушой крѣпосщцѣ, называемой *Ургангъ*, состоящей при рѣчкѣ, чрезъ кошорую переправясь, шли два дни до крѣпосщцы *Хивинскаго* владѣнія, называемой *Абиры*; отъ оной до крѣпосщцы *Шабату* два дни же, отъ *Шабата* до крѣпосщцы *Кентъ* полшора дни, а отъ *Кента* до *Хивы* одинъ день. По всему

оному пуши не видно было безводныхъ мѣстъ, а прѣвы, какъ выше сказано, поднявшись на сыршъ и даже до Хивы, не очень довольноно.

2. Опшъ *Оренбурга*, подлѣ рѣки *Урала*, по крѣпоснямъ до *Орской* крѣпости, и прямо чрезъ рѣку *Орзъ Киргизь-Кайсацкою* степью, чрезъ кочующихъ *Киргизь-Кайсаковъ*, прямо на рѣку *Сырзь-Дарью*; по оному пуши естъ рѣчки и колодези съ прѣсною водою. Лѣсу нѣшъ, кромѣ мѣлкаго *тальника* и шо шолько при рѣчкахъ и долинахъ; прѣвы для корму скоша до *Сырзь-Дарьи* изрядныя. Опшъ оной на рѣку *Амурь-Дарью*; разстояние между оными рѣками около 300 вершъ. На ономъ разстоянii шолько при колодезя съ прѣсною водою. Перешедъ *Амурь-Дарью* до крѣпости *Урганига* 25 вершъ, а опшъ *Урганига* до *Хивы* шолько же; опшъ показанной же *Сырзь-Дарьи* до *Хивы* мѣста песчанья и прѣвы особаго рода, не скошопиташельныя.

3. Опшъ города *Оренбурга* на *Илецкую Защиту* и при оной чрезъ *Илекъ-рѣку*, *Киргизь-Кайсацкою* степью, на вершины рѣки *Энбы*, а съ оныхъ на рѣку *Сырзь-Дарью*. Оная дорога, какъ водами, шакъ и прѣвами, изобильнѣе и изъ всѣхъ почитается прѣмѣе и способнѣе.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Доридь.

Я вѣрю, я любимъ; для сердца нужно вѣришь.
Нѣшь, милая моя не можешь лицемѣришь!
Все непришворно въ ней: желаній помный жаръ;
Спыдливость робкая, Харишь бездѣнный даръ;
Нарядовъ и рѣчей бездѣнная небрежность
И ласковыхъ именъ младенческая нѣжность.

А. П.

Къ двушкѣ,

которая на вопросъ: какъ ее зовутъ? отвѣтала: не знаю!

Не знаю! милое не знаю!

О, съ кѣмъ могу сравнишь себя?

Не знаю я предпочитаю

Всѣмъ шѣмъ, кошорыхъ знаю я.

Баратынскій.

Н О В О С Т И
Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. ХХХV.

П Р О З А.

Конгезерскій водопадъ.

Алмазна сыплешся гора
Съ высотъ чешырема скалами;
Жемчугу бездна и сребра
Кипишь внизу, бьешъ вверхъ буграми;
Опъ брызговъ синій холмъ споишь;
Далече ревъ въ лѣсу гремишь.

*

Шумишь — и средь густаго бора
Теряешся въ глуши попомъ;
Лучъ чрезъ пошокъ сверкаешъ скоро;
Подъ зыбкимъ сводомъ древъ, какъ сномъ,
Покрышы волны шихо лющся,
Рькою млечною влекушся.

*

Съдая пѣна по брегамъ
Лежишь клубами въ дебряхъ темныхъ;
Спукъ слышенъ машовъ по вѣпрамъ,
Визгъ пиль и спонъ мѣховъ подъемныхъ.
О водопадъ! Въ швоемъ жерлѣ
Все ушопашъ въ безднѣ, въ мглѣ!

Въспрами ль есны поражены?

Ломаюшся въ шебъ въ куски.

Громами ль камни ошпоржены?

Спираюшся шобой пески.

Сковашь ли льды шебя дерзають?

Какъ пыль спеклянна ниспадають.

Державинъ.

Кончезерскій водопадъ, подавшій *Державину* первую мысль къ сочиненію сихъ стиховъ, достоинъ бытъ описанъ. Пѣвецъ Фелицы, въ *Клягъ* къ своимъ сочиненіямъ, копорый оставилъ онъ знаменишму *Евгенію*, бывшему тогда Новгородскимъ Викаріемъ, чшо нынѣ Минпрополишъ Кіевскій, говоритъ о немъ: „Мой *Водспадъ* написанъ въ Санктпетербургѣ, въ концѣ 1791-го года, по случаю кончины Князя Григорья Александровича *Потемкина-Тавригескиго*, послѣдовавшей шого же года Октября въ 5-й день. Здѣсь предспавляется точное изображеніе водопада въ Олонецкой Губерніи, лежащаго неподалеку ошъ Пешровскаго желѣзо-плавильнаго завода, съ вершины котораго по въпру, при ужасномъ спремленіи воды, слышно бываетъ дѣйствіе машинъ заводскихъ. Авшоръ, бывши Олонецкимъ Губернашоромъ въ 1785-мъ году, осматривалъ оный и зашвердилъ въ умѣ сіе чудное явленіе Природы.“

Слабный въ Россіи водопадъ *Кончезерскій*, просто называемый *Кивагъ*, находится въ семидесяти верспахъ ошъ Пешрозаводска. Онъ имѣетъ видъ величественный, и каршины, разбросанныя вокругъ его рукою Природы, поражають умъ и восхищають взоры. Здѣсь высокій ушесъ, обросшій сѣрымъ мхомъ, угрожаетъ дерзновенному пушнику; шамъ, въ опдаленіи бурныя воды, возмущаемыя порывистыми въспрами, пѣняшся и предають шоны свои ущеліямъ горъ. Здѣсь шебозрпмая бездна готова поглошнть опважнаго; шамъ не-

пропицаемый лѣсъ, современный міру, оспанавливаешъ печеніе солнечныхъ лучей. Дикое величіе и мрачная урюмость повсюду поражающъ зришеля.

Недоѣзжая сего водопада (въ 45-ми верспахъ ошь Пешпрозаводска), находилса Кончезерскій чугуноплавильный заводъ. Оный успроенъ Петромъ Великимъ въ 1707-мъ году, при рѣчкѣ, прошекающей изъ Першиноволоцкаго озера въ Кончезерское. На пѣкошорое время работа въ ономъ была прекращена, по недоспашку руды; нынѣ же оная ошья возобновлена. Здѣсь выплавливаетса чугуны для издѣлій Александровскаго завода.

Разспояніемъ въ 9-ми верспахъ ошь завода, въ спорону ошь большой дороги, находясся Марціальный воды, извѣспный подѣ именемъ *Дворцоваго рудника*. Сими водами пользовалса безсмершный преобразисель Росіи. Рудникъ сей названъ *Дворцовымъ* пошому, что при ономъ построены были шри деревянные дворца, изъ кошорыхъ оспалса полько одинъ, да и пошь близокъ къ разрушенію. Дворецъ сей соспоишь изъ 4-хъ комнашь. Великій Монархъ не вмѣнялъ себѣ въ шягоспѣ, помѣщатса въ споль шѣсномъ жилищѣ; не спыдился принимашъ здѣсь Миниспровъ своихъ и даже Пословъ Державъ чуждыхъ. Здѣсь онъ, по словамъ спарожилловъ, и при самой немощи не оспавалса въ бездѣисшвіи.

Вблизи дворца находилса деревянная церковь, во имя *Св. Апостоловъ Петра и Павла*. Священническія ризы сего храма, проспошою своею, плѣняющъ сердца Рускихъ, кои изъ любви и преданности къ Царямъ своимъ визируютъ на нихъ, какъ на пѣкую драгоценоспѣ. Между оными находилса одна, кипайчашая, сшишая собсшвенными руками *Екатерины*, достшойной супруги Петра

Великаго. Образа Спасителя, Богоматери, Св. Петра и Павла, Николая, Иоанна Златоуста и Александра Невского, писанные также въ царствованіе сего Императора, еще и понынѣ, мастерствомъ кисти, могутъ поспорить съ лучшими произведеніями сего рода. — Не подалеку отъ церкви, показали мнѣ двѣ березы, достопримѣчательныя по своей древности и названію. Ихъ посадилъ самъ Петръ: одну назвалъ онъ своимъ именемъ, а другую именемъ своей супруги. Отъ прочихъ деревъ отличающіяся онѣ величиною и свѣжестію листьевъ; въши одного сплелись съ въшвами другаго; я замѣтилъ, что листья дерева *Екатерины* были мѣльче и зеленѣе дерева, украшеннаго именемъ Петра. Ошедъ нѣсколько шаговъ отъ сихъ деревъ, приблизился я къ Марціальному источнику, надъ коимъ возобновлена прежняя бесѣдка, съ лѣстницею для схода внизъ. На стѣнѣ виситъ чугунная доска съ слѣдующею надписью: „Сей источникъ исцѣлительной Марціальной воды сысканъ для пользы Его Царскаго Величества, Петра Великаго, Императора Всероссийскаго и для прочей всенародной пользы, шщаніемъ и искусствомъ Его Величества всенижайшаго раба, Аршиллеріи Полковника и Коменданша, Георгія Вильгельма *Генинга*, рожденіе коего въ Нассау-Узингенѣ. Помянутый источникъ объявленъ (*) въ прошломъ 1716 году.“ — Вода его мушна, на вкусъ земляниста; скопляясь въ углубленіяхъ, повыше самаго колодезя, она наспавивается купоросными, квасцовыми, сѣрыми и желѣзными частностями, отъ коихъ и получаетъ особенную оспрошу. Воды сіи въ спарину весьма славились; многія особы съѣзжались къ нимъ изъ разныхъ Губерній для пользанія. Для сего учреждена была отъ Москвы большая

(*) Должно значить: *открытъ* для всеобщаго употребленія.

дорога и до сихъ еще поръ споишь нѣсколько сполбовъ съ надписью: „Отъ Москвы до Марціальныхъ водъ...“

Рудникъ сей опкрытъ молоповымъ рабочникомъ Иваномъ *Ребовымъ*, за что ему дана *объльная Грамота*, написанная собственною рукою Петра Великаго на челобитной *Ребова*:

„За изъявленіе сего, что первый знакъ лѣченія на немъ означился, освобождается онъ Иванъ *Ребовъ* и домъ его съ семьею, чѣмъ владѣешь, отъ всѣхъ работъ и подашей на мѣдныхъ заводахъ. Въ 22-е Марта 1720.“

П Е Т Р Ъ . “

Объльныя Грамоты давались шѣмъ, кои освобождались отъ всѣхъ повинностей. Въ сей Губерніи находящся цѣлыя селенія объльныхъ крещьянъ.

Неподалеку отъ сихъ мѣстъ лежишь деревня Вороновская, отъ коей надлежишь ѣхать къ водопаду 15 верстъ водою, или верхомъ по самой узенькой пропинкѣ; ибо къ оному дороги другой нѣтъ.

Отъѣхавъ не болѣе шрехъ верстъ отъ деревни, слышешь глухой шумъ, кошорый болѣе и болѣе увеличивается по мѣрѣ приближенія къ водопаду. Вскорѣ засимъ видишь облако, разспилающесе на подобіе шумана; наконецъ, величественное, очаровашельное зрѣлище представляешся вашимъ взорамъ и плѣнительнымъ образомъ дѣйствуешъ на воображеніе.

Шуми, шуми, о водопадъ!
Касаяся спранамъ воздушнымъ,
Увеселяй и слухъ и взглядъ
Твоимъ спремленьемъ свѣплымъ, звучнымъ
И въ поздней памяти людей
Живи лишь красотою швоей!

*

А ты, о водопадовъ машъ,
Рѣка на Сѣверѣ гремяща,
О Суя! . . .

Рѣка Суна, заключенная между двумя горами, падаетъ съ высотъ и дробится о чешыре обнаженныя скалы. Вода, ударяя и спремясь посшепенно по ушесамъ, низвергается съ сильнымъ порывомъ въ бездну; кипишь въ жерлъ и бьешъ опять вверхъ, образуя безчисленное множешво фоншановъ. Блешящїе брызги, разсыпаясь непримъшно, превращающся въ паръ, кошорый, мало по малу сгущаясь, плаваешъ въ ашмосферѣ въ видѣ облаковъ. Клубящаяся пѣна уношишь печенїемъ воды; возвращаетъ назадъ, ударяетъ о скалы и снова увлекаетъ въ бездну.

Шумъ водопада столь силенъ, что двое разговаривающихъ не могутъ слышатъ другъ друга. Крушная каменная гора, разсѣченная на двѣ части рукою Природы, служишь исходомъ рѣкъ, кошорой берега покрыты непроицаемымъ лѣсомъ. На одной сторонѣ нѣсколько разсѣвшихся скалъ пропускаютъ сквозь себя влажную спихїю, непрешанно ударяющуюся объ оныя и отражающуюся шѣмъ съ большешю силою. На одномъ изъ сихъ прошекъ устроена мѣльница. Высота паденїя воды составляетъ чешыре сажени и сверху рѣка печешъ довольно шихо; но за 20 сажень опъ паденїя, спремленїе ея увеличиваетъ, и здѣсь-то она, подобно вихрю, все низвергаетъ и дробишь съ неопианною скоросшїю.

Разсказываютъ объ одномъ произшешвїи, сохранишемся въ преданїяхъ. Въ древнїя времена, когда Лива ходила на Русь, опдѣленная къ сей сторонѣ шайка грабила окрешнннн селенїя. Однажды бродяги сїи захватили крешьянина; принудили его угрозами, показавъ дорогу къ прочимъ селенїямъ и, взявъ его съ собою, поплыли съ нимъ на плосу внизъ по рѣкѣ Сунѣ. Крешьянинъ, желая опмешннн имъ за причиненннн обиды, не предупредилъ ихъ объ угрожавшей опасносши, кошорой и самъ подвергался; но недоплывъ нѣсколько сажень до

паденія рѣки, кинулся въ воду и благополучно достигъ берега. Разбойники, не подозрѣвая сокрышой въ семь хитрости, продолжали свое плаваніе; но они вскорѣ увидѣли обманъ и неизбѣжную гибель. Спрямленіе водопада мгновенно увлекло ихъ въ бездну и они исчезли.

Удовлетворивъ своему любопытству, я возвратился назадъ; но часто обращалъ взоры свои, какъ бы еще несытые, на изумляющія картины окрестностей Кивача. Я склонялъ слухъ въ ту сторону, откуда происходилъ шумъ, чшобы еще внимашъ его опзывамъ. Съ прискорбіемъ вспоминалъ я дорогою, что у насъ множество подобныхъ рѣдкостей и красотъ Природы опспающа въ забвеніи. Какъ пріятно было бы для Рускаго, чашашъ описанія достопримѣчательныхъ мѣстъ его опечесства! Съ какимъ воспоргомъ похвалялся бы онъ предъ иностранцами, кон, подробнымъ и краснорѣчивымъ описаніемъ, умѣющъ придашъ нѣкоторую прелесть и самымъ обыкновеннымъ предметамъ!

(Приславо.)

Городецъ на Паршѣ. (*)

(См. картинку.)

Его нѣтъ ни на одной Карщѣ: это одно только мѣсто, сохранившее имя древняго *Городца*, можешъ бышь еще и при самомъ началѣ своемъ едва извѣстнаго. Въ прежнія времена лѣса, дикость и совершенное уединеніе сославляли его окрестности; признаки сего почши не измѣнились и понынѣ.

Сюда и въ подобныя пущыни Славяне, нераздѣльные съ именемъ *Городищъ*, *Городковъ* и *Городецъ* (**), вѣроятно не заходили по волѣ сердечной, по желанію доброду: ихъ шѣснила рука сильныхъ, и гонимые, *забывая* мѣста родныя, искали для себя, въ послѣдній разъ и подлѣ шѣхъ же родныхъ мѣстъ (***) , пущыни дикой, неизвѣстной, единственна близкой къ надеждамъ ихъ, опяшь возвращишься на прежнія пещища. Подобнымъ же образомъ, кажешся, сокрыли себя и *Мещеряки* въ лѣсахъ Рязанскихъ. (****)

(*) *Владимирской Губерніи, Переславль-Зальскаго уѣзда*, на пограничной межѣ дачь села *Вертыгина* и деревень *Данилкова* и *Михалева*. — Въ *Юрьевопольскомъ* уѣздѣ есть другая Парша, (селеніе). — Точно такимъ же образомъ, но съ мѣншею или большею подробностію, описаны мною и другія извѣстныя мѣста *Городища*. При благопріятномъ времени, я соберу ихъ въ особенной книжкѣ. *М.*

(**) По предположенію *Г. Дол. Ходаковскаго*. *М.*

(***) Я такъ думаю о попомкахъ Славянъ Сѣверныхъ; ибо Южные, первые пришлецы Славянскіе ни въ какомъ отношеніи не могли называшъ Сѣверъ *сторской родною*. *М.*

(****) Смолр. мое *Писмо изъ Мещоры*, чпшанное въ Московскомъ Обществѣ любителей Словесности.

М.

Не взирая на то, что почти все Историки наши без всякаго замѣчанія оспавляютъ подобныя перво-бышныя жилища младенческивовавшихъ предковъ Славянскихъ, — (не находя, можетъ быть, ихъ ни въ одной изъ извѣстныхъ для нихъ Лѣтописей?) — я осмѣливаюсь полагать, что древнія *Городища*, размещенныя кое-гдѣ по лѣсамъ и дѣбрямъ, въ мѣстахъ скрытыхъ, должны быть уже гораздо новѣе *Городищъ*, извѣстныхъ или явныхъ опъ самаго ихъ начала. Появленіе сихъ *удивительныхъ Городищъ* естъ самая *рѣзкая* черта упадка Славянъ, уже слабыхъ. Надъ ними Историкъ нужно только сообразить время происшествій и — все другіе признаки видны!... Но —

Обращаюсь къ моему *Городцу* на *Паршѣ*. Я помню еще, какъ небольшая дубрава существовала на мѣстѣ, мною упоминаемомъ; при моихъ глазахъ ее сожгли земледѣльцы и *Паршенской* Городецъ съ оспашками признакомъ обращенъ былъ въ пашню! (*)

Какъ теперь гляжу на положеніе *Городца*: оно было на полугорѣ; внизу его протекаетъ крушоберегая рѣчка *Парша*; въ сію мѣнѣ, нежели въ полуверстѣ опъ *Городца*, подъ лѣсомъ *Сорокино*, падаетъ другая рѣчка (**). Сама *Парша* течетъ въ *Кубрь*, очерчивающую, по преданію, владѣнія *Кубрскихъ*. Надъ *Городцемъ*, то естъ на самой вершинѣ горы, расположено Село *Вертягино*. (***) Въ окрестностяхъ *Городца* вы услышите назва-

(*) Это было въ 1793-мъ году. М.

(**) *Вздериножка* или *Вздеринца*. М.

(***) Это имя, по замѣчанію *Ходаковского*, и въ другихъ Славянскихъ мѣстахъ, для Славянъ уже давно знакомое, съ тою только разницею, что то же *Вертягино* индѣ измѣняется въ *Вертяжино*. Опъ же *Ходаковский* (въ своихъ запискахъ) упоминаетъ о какомъ-то *Вертяжинѣ Городцѣ*, важномъ мѣстѣ въ Истории переселеній Славянскихъ. М.

нія: *Михалево, Романка, Платихино, Сальково, Гольцево, Морозовъ Вразъ*; далѣ вамъ скажутъ о *Заболоть, о Байневъ, Хребтовъ* и проч. Эшо всё мѣста Славянскія и кажутся доказательствомъ, что въ лѣсахъ Славяне не были гонимыми; ибо враги ихъ Азіяшцы не оставили по себѣ никакихъ признаковъ (*).

Но что же здѣсь осталось для Историка; для Географа, наблюдашеля раздѣленій земель древнихъ?— Имя, пущое мѣсто *Городца Паршенскаго*, забвеннаго не только вдали, но даже и въ самыхъ его окрестностяхъ!

Слѣдую мнѣнію *Байера* (**) и заключаю съ нимъ вмѣстѣ: что и самыя названія древнихъ мѣстъ легко могутъ подать мысль новую, полезную для всей Исторіи какого-либо народа: онѣ остановятъ насъ на вѣрной чертѣ воспоминаній о жизни и переселеніяхъ нашихъ предковъ, разбросанныхъ Судьбою отъ Юга и до Сѣвера, перемѣшанныхъ съ пришлецами или совершенно вышесненыхъ сими послѣдними!

Вѣки сохраняютъ память о Славянахъ во тьмѣ; но придетъ время, когда шрудъ и разумъ озарятъ свѣтомъ и самыя ихъ дѣянія. Такъ почто: древность Славянъ темна; но въ ней еще гораздо болѣе свѣта, нежели въ древности всѣхъ другихъ народовъ, покрышой грубою корою Баснословія!

М. Макаровъ.

Гавриловъ Посадъ,

Апрѣля 26-го дня, 1823.

(*) Т. е. названій мѣстъ и проч., какъ наприм. въ безлѣсныхъ нашихъ Губерніяхъ, ближайшихъ къ Югу. *М.*

(**) Стараго Нѣмецкаго Профессора и Историка. *М.*

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Лужокъ и Лужа.

Б а с н я.

„Дивлюсь я,“ Лужа говорила,
„Дивлюсь, Лужокъ, шерпѣнью швсему!

Мнѣ кажешся, всему

Тебя Природа подчинила;

Все переносишь, шы!

Видала я, какъ рвушь съ себя цвѣшы,

Какъ дѣвушки небережно играюшь

И какъ, бѣдняжка, вечеркомъ

Пасшущка съ пасшущкомъ,

Гоня спада, швою муравку обминаюшь!

Я изчужа съ досадою смошрю;

Жалью о шебѣ; но, впрочемъ говорю,

Чшо самъ причиной шы несноснаго мученья:

Какъ не умѣшь снискашь почшенья?

Вошь, напримѣръ, меня ни человекъ, ни звѣрь

Изъ вѣжливости не обидишь:

Обходишь, лишь увидишь., —

„Ну, кончила ль?“ — спросилъ Лужокъ — „шеперь

И я свое не скрою мнѣне.

Да! мнушь меня, но я нимало не шужу,

Когда забавою и пользою служу;

Тебя жь щадитъ — одно къ шебѣ презрѣнье!“

*

Чшо въ Баснѣ кроешся? — А право ничего!

Хошѣлъ бы шолько я, чшобъ *Бавій* догадался,

Зачѣмъ никшо не принимался

Критиковашь стиховъ его.

Ночное размышленіе.

Подражаніе Ламартину.

Свершивъ свой славный путь, усмалый Царь денницы,
Нисходишь меденно съ блестящей колесницы,
Слѣды его еще въ прозрачныхъ облакахъ
Пылаюшь яркою, горящею браздою;
Сливаясь съ пурпуромъ, льюшь золото рѣкою
Въ попухшихъ небесахъ.

Луна стыдливая плывешь небесъ въ равнинахъ,
Дрожащій лучъ скользишь на холмахъ и долинахъ;
Природа, кажешся, въ шоржественный сей часъ,
Между бѣгущимъ днемъ и падающей тѣнью,
Склоняясь къ глубокому, святому размышленью,
Небеснымъ облеклась.

— Се жертвы общія Незримому возженны;
Ему вселенна — храмъ; земля — олшарь священный;
Сводъ храма — небеса; а сонмы звѣздъ ночныхъ,
Полусокрышыхъ намъ и чуюшь для взора зримыхъ,
Тьмы шемъ свѣшильниковъ, предъ Нимъ неугасимыхъ,
Во мрачныхъ сводахъ сихъ!

Сіе возшедшее таинственно свѣшило,
Какъ бы возженное на небесахъ кадило,
Ему приносишь въ даръ вечерній ѳиміамъ;
Эфирны облака, ошъ въпра дуновенья
Колеблясь въ воздухъ, какъ легкой дымъ куренья,
Плывушь по небесамъ.

Но храмъ безмолвель сей! Гдѣ вдохновенны лики,
Гремящіе хвалы, достойныя Владыки?
Все тихо. — Сердца лишь я внемлю сильный гласъ
И умиленный духъ, съ Природою слиянный,
Горитъ, какъ жершвенникъ предъ Нимъ благоуханный,
Въ вечерній, тихій часъ.

Всесильнаго воззвать я съ прешпомъ дерзаю:
Пустыни именовъ безсмертнымъ оглашаю,
И Тощь, Кто съ вѣчнаго престола Своего
Внимаешь всѣхъ міровъ гармоніи сліянье,
И сердца слабое услышишь лепешанье,
Хвалаще Его.

О Ты, нѣсть Коему начала и кончины,
Извлекшій спройный міръ изъ хаоса пучины,
Душа вселенная, Создатель, Богъ, Отець!
Во всѣхъ сихъ именахъ Тебя я обожаю;
Безъ гласа Твоего Тебя я почишаю
Властнишелемъ сердець.

Чипаю въ небесахъ свой жребій знаменитой;
Въ пространствѣ семъ Твое величіе открыто,
Щедроты — на земль, а слава — въ шверди сей!
Творенье рукъ Твоихъ исполнено Тобою;
Ты въ міръ всюду зримъ, — а міръ своєю чредою
Весь зримъ въ душѣ моей.

Ко благоспи ль Твоей всещедрой возвышаюсь
Иль въ глубину души своей я обращаюсь,
Во всемъ я зрю Твои божественны черты,
Душа моя — любви и свѣта лучь небесный,
Повсюду безъ Тебя встрѣчаешь мракъ безвѣстный
Ничтожной пустоши.

Сей лучь, источника на время оплученный,
Горишь желаніемъ возврата, заключенный.
Я мыслю, чувствую, люблю Тебя, Тобой;
Мнѣ опверзаешся Тобою міръ прозрачный
И озаряюся пустыней дебри мрачны;
Повсюду Ты со мной.

Проглянешь ли молодой денницы лучь румяный,
Росою окропишь блестяція поляны, —
Мнѣ мнишся, обращенъ Божественный Твой взоръ

На мѣрь, проснувшійся опъ сладкаго забвенья,
И въ солнцѣ пламенномъ къ намъ льешь благошворенья,
Возшедшемъ изъ за горъ.

Слѣшишь ли темна ночь, разкинувъ грозны пѣни, —
Въ мерцающихъ огняхъ горяшь небесны сѣни;
Безмолвьемъ, мрачношью и страхомъ окружешь
Тебя, Присущспвенный, я ближе ощущаю
И свѣтомъ внушреннымъ духъ мрачный озаряю,
Надеждой окрѣпешь.

Источникъ благоспи, щедроты неизчепной!
Уже ли жизнью, едва для насъ примѣшной,
Дней нашихъ бышю Ты положилъ предѣль?
Нышь! всѣхъ сущесствъ Творецъ не будешь разруши-
тель!

Здѣсь, смершный, на земль минушный посѣпшитель:
Безмершье нашъ удѣль.

Я вижу свѣшлый брегъ спраны обшпованной, —
По шяжкомъ спранствіи пріюшь для насъ желанной.
Се къ трону Твоему послѣдняя спупень,
Когда душа моя опъ узъ земныхъ воспряпешъ
И въ возвъщенномъ ей опечесствѣ наспанешъ
Незаходимый день!

Мадригаль А. И. Е.,

по прочтении Французскихъ стиховъ ея сочиненія.

Когда бы Сафо вдругъ пришла
Изъ Царства мрачнаго Плутона,
Она бы теперь здѣсь не нашла
Ни прежней славы, ни Фаона.
Измѣнникъ сей, Милешу полюбивъ,
Красавицу послалъ въ Левкаду;
А ты послѣднюю взяла у ней опраду,
Ея и славу помрачивъ.

Г — я.

К. Б. фонъ деръ Боргу. ()*

Поэты Рускіе изъ лавровыхъ вѣтвей
Свои любимые листочки выбираютъ,
Изъ нихъ тебѣ вѣнокъ сплетаютъ
И въ храмъ безсмертія ведутъ спезей своей.

Языковъ

(*) Г. Боргу, Лифляндецъ, извѣстенъ превосходнымъ переводомъ на Нѣмецкій языкъ собранія Рускихъ Стихотвореній, изданнаго имъ подъ названіемъ: Poëtische Erzeugnisse der Russen. Первая часть напечатана въ Дерпшѣ и уже вышла въ свѣтъ; вторая печатается въ Лейпцигѣ. *Соз.*

Прощаніе.

Я слезы зрѣлъ швои — и знаю ихъ причину!...
Ты въ жершву ихъ несла Киприды хитрой сыну.
Я видѣлъ, чувствовалъ — счастливый въ жизни часъ! —
Какъ перлы чистыя капилися изъ глазъ
И на уша мои горящія спадали,
И прохлаждали ихъ, и вдругъ воспламеняли!
Пишая вмѣстѣ грусть и сладостный восторгъ,
Волненья чувствъ моихъ я различить не могъ:
Не зналъ, мнѣ должно ли прощаньемъ веселиться,
Или въ разлукъ злой печалію помиться?

2 — 6 — 8.

2-го Августа, 1823.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. XXXVI.

П Р О З А.

О Россійской Антологіи Кавалера Дюпре-де-С-нь-Мсра.

Въ Липшерашурѣ, какъ и въ общественной жизни, всякое предпріятіе можешь и должно бышь разсмотрѣно изъ двухъ почекъ зрѣнія: вопервыхъ, ошносительно къ его цѣли и пользѣ, а вовторыхъ — къ исполненію и успѣху. Въ одномъ заключается собственная и неопъемлемая заслуга предпріемлющаго; другое зависишь нерѣдко опъ постороннихъ обстоятельствъ. Судьи безпристрастные, произнося приговоръ свой о какомъ-либо подвигѣ, на полѣ Словесности или гражданской жизни, прежде всего опдаюшь справедливосшь благому намѣренію; говоря же объ успѣхѣ, не забываютъ ни способовъ, кои къ оному содѣйствовали, ни препятствій и трудностей, кои надлежало преодолѣшь.

Честь и хвала тому, кто предпріяшый имъ подвигъ совершилъ съ успѣхомъ желаннымъ и блистательнымъ! Счастливъ гражданинъ и Патриотъ, коего усердіе къ общей пользѣ наградилось обильными плодами! Счастливъ Писатель, коего изящныя про-

изведенія оправдали благопріятныя надежды просвѣщенныхъ соотечественниковъ и оцѣнены по достоинству благонамѣренною Критикою!

Но самая Критика, въ истинномъ, благородномъ значеніи сего слова; Критика, чуждая всякаго предубѣжденія и пристрастія, не забываетъ, что никакое произведеніе человѣческое совершенно бытъ не можетъ. Произнося судъ свой о какомъ-либо подвигѣ Писателя или Переводчика, вникаетъ она сперва въ причины, побудившія его предпринять сей трудъ; опредѣляетъ цѣль онаго, изящную и полезную; взвѣшиваетъ наконецъ какъ пособія, ему предспавляшіяся, такъ и препятствія, съ коими надлежало ему сражаться и копорыя побѣдилъ онъ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ.

И если не корыстоплюбивые и пристрастные виды, но честь цѣлой націи и желаніе, познакомить другую націю съ Липшерашурными ея сокровищами, — побудили его къ сему подвигу; если цѣль его столь же благородна, какъ и полезна; если онъ проложилъ себѣ новый путь и встрѣшилъ на ономъ гораздо болѣе затрудненій, нежели самъ онъ могъ предвидѣть: — то трудъ его, не входя даже въ разборъ Эстетическаго его достоинства, заслуживаетъ уже въ полной мѣрѣ похвалу нашу, ободреніе и признательность. Частыя недоспашки его исчезаютъ предъ важностію цѣлаго.

Таково сочиненіе *Г. де-С-нъ-Мора!* Чужестранецъ, полюбившій Россію и ея обитателей, познакомившійся съ нашими Липшерашорами и ихъ произведеніями, со вниманіемъ разсматривавшій наши памяш-

ники, нравы и обычаи, — хотѣлъ передать соотечественникамъ своимъ нѣкоторыя изъ пріяшнѣйшихъ своихъ воспоминаній. Онъ обратилъ особенное вниманіе на изящную Словесность нашу, на ея богатство и разнообразіе и — въ немъ родилась счастливая мысль, подарить Европу цвѣтами Руской Поэзіи.

Самое названіе *Антологіи* опредѣляетъ характеръ сего собранія и вмѣстѣ съ симъ оправдываетъ оное въ глазахъ тѣхъ, кои хотѣли бы видѣть въ немъ болѣе полноты и извѣстный методическій порядокъ. Это букетъ цвѣтовъ, прелестныхъ, свѣжихъ и благоухающихъ, но не систематически собранныхъ. Кпо изъ насъ, входя въ прекрасный садъ, вмѣсто того, чшобы любоваться разнообразіемъ и богатствомъ растѣній, будешь искать въ немъ *Турнефоровой* или *Линнеевой* классификаціи?

Г. *С-нъ-Моръ* предпочтительно избиралъ произведенія Стихотворцевъ новѣйшихъ: симъ хотѣлъ онъ дать нѣкоторое обзоріе нынѣшняго состоянія нашей Словесности. Къ нимъ присоединилъ онъ остроумнаго *Кантемира* и знаменитѣйшихъ Поэтовъ достославнаго вѣка *Екатерины*; о прочихъ упомянулъ въ своемъ *введеніи*, которое Руской и чужестранецъ прочтуть съ одинакимъ удовольствіемъ. Первый найдешь въ ономъ безпристрастныя и основательныя сужденія о нашихъ Писателяхъ; а послѣдній — любопытное обзоріе Лишшерашуры, богатой, разнообразной и процвѣтающей, но не довольно еще извѣстной въ другихъ странахъ Европы.

Вошъ имена Рускихъ Писателей и заглавія Стихотвореній, помещенныхъ въ *Антологіи*: И. И.

Дмитріевъ — *Ермакъ*. — *Батюшковъ* — *Умиращій Тассъ*, Элегія; Эпиграмма. — *В. Л. Пушкинъ* — *Стансы*. — *Озеровъ* — опривокъ изъ *Дмитрія Дюсскаго*. — *Жуковский* — *Свѣтлана*; (въ ношахъ опривки изъ *Отгета о лунь*, переведенные въ прозѣ). — *Гильдигъ* — опривокъ изъ Поэмы: *Рожденіе Гомера*, и сокращенный прозаическій переводъ Идилліи: *Два рыбака*. — *Гр. Хвостовъ*, — *Посланіе* къ *И. И. Дмитріеву* и *Басня Хлоя*. — *А. С. Пушкинъ* — опривокъ изъ Поэмы: *Русланъ и Людмила*. — *Хемницеръ* — *Метафизикъ*, *Басня*. — *Воейковъ* — *Посланіе* къ *А. Н. В—ой*. — *Кн. Кантемиръ* — опривки изъ *Сапиръ* 5-й и 6-й. — *Державинъ* — *Ода на смерть Кн. Мещерскаго*. — *Давыдовъ* — *Пѣсня стараго гусара*. — *Бобровъ* — опривокъ изъ *Тавриды* (въ прозѣ). — *Херасковъ* — *Прощаніе Царицы Казанской съ ея столицею*, изъ 10-й пѣсни *Россіады*. (Анализъ сей Поэмы, съ прозаическимъ переводомъ нѣкоторыхъ опривковъ, *Е. П—ва*, *Г. Генераль-Маіора Базена*.) — *Крыловъ* — *Басни*: *Крестьянинъ и Лисица*, *Орикулъ*, *Лисица и Кроликъ*, *Слонъ и Моська*, *Орелъ и Паукъ*, *Голубь и Кукушка*. Къ симъ *Баснямъ Г. С—нъ Моръ* присоединилъ еще три, переведенныя другими особами: *Разбойникъ и Сознатель*, и *Дружба собакъ*, переводъ *Гр. Кс. Кс. М . . .* и *Любопытный*, *Г. Генерала С. . .* — Сверхъ того помѣщено въ семъ собраніи нѣсколько *народныхъ Пѣсень*, переложенныхъ довольно близко къ подлиннику (*).

(*) Читайтели *Антологіи*, къ величайшему своему изумленію, найдуть Пѣсни сіи между *Баснями Крылова*. Сіе произошло отъ ошибки пѣхъ, коимъ поручена была въ Парижѣ *Типографическая часть* сего изданія. — *К.*

Изъ сего обозрѣнія увидяшь наши Чипашели, что Антологія Г. *С-нъ-Моръ* кромѣ прочихъ достоинствъ, отличаетея и разнообразіемъ. Нѣтъ почти ни одного главнаго рода Поэзіи, коего не представилъ бы онъ нѣкоторыхъ примѣровъ. — Мы не почишаемъ за нужное распространяться о хорошемъ выборѣ: за оный ручаются имена Авторовъ и вышеприведенное оглавленіе пьесъ, кои всѣ, болѣе или менѣе, извѣстны любителямъ отечественной Литтературы.

Намъ оспаривается сказать наше мнѣніе о переводѣ. Прислушая къ сему, просимъ Чипашелей, вспомнить общія замѣчанія, коими начали мы сію сшашью. Г. *С-нъ-Моръ* излагаетъ, на 2-й страницѣ своего предисловія, методу, которую употребилъ онъ при переводѣ сихъ пьесъ. Безпристрастные Чипашели сознаются, что она сопряжена была съ великими трудностями. Для насъ тѣмъ пріятнѣе замѣшить, что Г. *де-С-нъ Моръ*, по большой части, умѣлъ побѣдить оныя.

Нельзя было требовать, чтобы при столь значительномъ числѣ и разнообразіи пьесъ, достоинство перевода было всегда одинаковое. Не во всѣхъ родахъ можно упражняться съ равнымъ успѣхомъ; не всякой день, не всякая минута равно благопріятствуетъ Поэзіи. Далѣе, счастливый переводъ предполагаетъ нѣкоторое *средство духа* съ сочинителемъ переводимой пьесы; но надлежало бы имѣть талантъ всеобъемлющій, дабы съ равнымъ успѣхомъ подражать Лирику и Баснописцу, шворцу Эпопеи и сочинителю Мадригала. Переводъ въ стихахъ не то, что переводъ въ прозѣ: это не рабское послѣ-

дованіе своему подлиннику, но нѣкопорый родъ соперничества и состязанія, тогда только успѣшнаго, когда переводчикъ одаренъ истиннымъ Пѣшическимъ талантомъ.

Къ числу Г. *С-нъ-Моръ* должны мы сказать, что онъ, и въ семъ отношеніи, удовлетворилъ требованіямъ просвѣщеннаго Чашапеля и даже строгаго Кришика. *Ермакъ*, Лирическое Спихошвореніе *Дмитріева* и Басни *Хемницера* и *Крылова*; *Умирающій Тассъ* — прогашельная Элегія *Батюшкова* и прекрасный опривокъ изъ *Дмитрія Донскаго* — переведены съ одинаковымъ успѣхомъ. Въ доказательство сего мнѣнія прилагаемъ къ сему разбору двѣ пьесы, въ родахъ, совершенно различныхъ. — Переводъ нѣкопорыхъ Спихошвореній, коихъ мѣстныхъ красота изчезающъ въ глазахъ чужестранца, сопряженъ былъ съ большею трудностію; но Г. *С-нъ-Моръ* сдѣлалъ и въ семъ отношеніи все, что только могъ. Мы еще должны быть признательными за выборъ сихъ Спихошвореній; ибо оныя подали ему поводъ къ множеству любопытныхъ примѣчаній о нашихъ нравахъ и обычаяхъ.

Въ числѣ нашихъ Чашапелей безъ сомнѣнія находящяся шакіе, кои знакомы будучи съ красотою подлинниковъ, не обращаютъ вниманія на переводы, сколь бы ни велико было Эстетическое ихъ достоинство. Сіи послѣдніе найдутъ, въ концѣ *Антологіи*, нѣсколько оригинальныхъ Спихошвореній, изобильныхъ Пѣшическими красотою болѣе, нежели одного рода. Здѣсь откроемъ имъ картины, исполненныя жизни и истины; описанія С. Пешбургскихъ окрестностей, столь же разнообразныя по содержанію, какъ и пре-

лесныя по своимъ подробностямъ; путешественныя воспоминанія, кои по большой части касаются предметовъ, близкихъ къ сердцу нашихъ согражданъ. Читатель, въ пріятномъ очарованіи, слѣдуетъ за Спихотворцемъ въ живописно-Питишическихъ его спранствованияхъ: то участвуешь въ народныхъ забавахъ *Крестовскаго* острова; то гуляешь по веселымъ аллеямъ Магическаго *Елагина*; то переносишься въ обширные сады и цвѣтуція долины Павловскаго, достойныя Августѣйшей своей Обладательницы.

Какъ переводъ, такъ и оригинальныя сочиненія Г. *С-нъ-Мора*, отличаются пріятностію стихосложенія, чистотою и легкостію слога. Въ каждой пьесѣ виденъ чловѣкъ просвѣщеннаго вкуса и опытный и образованный Липшераторъ.

Типографическая часть и Художественныя украшенія сего изданія соотвѣтствуютъ въ полной мѣрѣ, достоинству книги.

Теперь надлежало бы сказать нѣсколько словъ на долю Критики; но кажется, что какъ самая цѣль, такъ и изложенное нами содержаніе сего сочиненія, избавляютъ насъ отъ сего труда. Нѣкоторыя ошибки въ именахъ, нѣкоторыя частныя неисправности въ Біографіяхъ и примѣчаніяхъ, служатъ только новымъ доказательствомъ сказанной нами выше, спорой истины, что никакое чловѣческое произведеніе не можешь похвалиться совершенствомъ. Всѣ сіи недоспакки исчезаютъ предъ достоинствомъ цѣлаго, которое пріобрѣтаетъ Г. *С-нъ-Мору* живѣйшее право на признательность нашихъ соотечественниковъ.

Нѣкоторые любители ошечественной Литшерашуры сожалѣють, что Г. С-нъ-Моръ ничего не перевелъ изъ сочиненій Кн. *Вяземскаго*, *Баратынскаго*, *И. И. Козлова* и другихъ новѣйшихъ Поэтовъ. Мы сами раздѣляемъ сіе сожалѣніе; но повтораемъ приведенное выше замѣчаніе, что *Антологія*, по самому заглавію своему, исключаетъ уже идею *полнаго* собранія.

Словесность наша весьма еще богата изящными произведеніями. Кавалеръ де-С-нъ-Моръ, по примѣру предшественниковъ своихъ, Гг. *Боуринга* и *Борга*, конечно могъ бы соотавить изъ оныхъ *вторую* часть *Россійской Антологіи*. Многіе изъ просвѣщенныхъ ошечественниковъ нашихъ изъявляютъ сіе желаніе; но достаточна ли *одного* желанія, дабы, при всей готовности Г-на С-нъ-Мора, побудить его къ сему новому подвигу? Надобно, чтобы *первая* часть его *Антологіи*, сего сочиненія, посвященнаго единственно славі Россіи и ея Литшерашуры, — принята была нашею Публикою съ живымъ, *длительнымъ* одобреніемъ; чтобы мы доказали, до какой степени умѣемъ уважать заслуги чужестранца, полюбившаго наше ошечество и посвятившаго ему три года своей жизни и постоянныхъ занятій! Намъ пріятно думать, что Рускій Патриотизмъ и благородная любовь къ изящному не откажутъ ему въ должной наградѣ и признательности. (*)

К.

(*) *Россійская Антологія* продается въ книжныхъ лавкахъ Гг. С-нъ-Флорана и Комп., *Плюшара*, *Греффа* и *Слѣнина*. Цѣна экземпляру 25 рубл.

Образцы перевода.

Y E R M A K,

conquérant de la Sibérie.

L'obscur antiquité se découvre à mes yeux.
Muse, prête à mes chants des sons harmonieux !
Aux rayons incertains de la lune voilée,
J'aperçois de l'Irtisch la rive désolée ;
L'Irtisch est frémissant ; sur les rocs sourcilleux ,
Qu'il baigne avec fracas de ses flots écumeux ,
Deux hommes sont assis ; à leurs traits durs et sombres
Je les ai crus sortis du royaume des ombres ;
De l'un de ces guerriers, sillonné par le temps,
La barbe blanchissante atteste les vieux ans ;
L'autre est plein de vigueur et dans la fleur de l'âge.
Je vois avec effroi leur armure sauvage ;
Les ailes des hibous, la peau des noirs serpens
S'entrelacent autour de leurs casques brillans ;
Couverts du poil des ours et des rennes timides ,
Que leurs traits ont percés sur ces roches arides ,
Ils cuirassent leur sein créé pour les combats
De cailloux et de fer rougi par les frimats.
De larges coutelas et la pique guerrière
Arment ces deux Chamans bannis de leur chaumière ;
Deux magiques tambours à leurs pieds sont placés
Et ces âpres accens sont par eux prononcés.

Le Vieillard.

Mugis, Irtisch, mugis, partage nos alarmes ;
Dans tes antres profonds répète nos adieux.
Nos foyers envahis pour nous n'ont plus de charmes ;
Nous sommes à jamais rejetés par les dieux.

Le Jeune Homme.

O douleur inconnue, ô mortelles alarmes!
Sommes-nous à jamais rejetés par les dieux ?

Le Vieillard.

O terre qu'aujourd'hui la fortune abandonne,
Trois grands peuples jadis soutenoient ta couronne ;
Riche par tes forêts, ton fer et tes coursiers,
A la voix du danger, terre illustre et féconde,
De ton sein jaillissoient des torrens de guerriers ;
Ton nom, de bouche en bouche, aux limites du monde
Avec honneur étoit porté.

Tes beaux jours ne sont plus, puissante Sibérie !

Ta gloire s'est évanouie

Et tes fils vont languir dans la captivité! . . .

Le Jeune Homme.

Tel un noir ouragan chasse au loin la poussière,
Tel, par un bras vainqueur, ton peuple est dispersé ;
L'amour de ses sujets, et l'effroi de la terre,
De son trône éclatant Koutchoum est renversé.
Que dis-je ? il a péri sur la plage étrangère.

Le Vieillard.

Dans l'épaisseur des bois, tes prêtres sont errans.
Chaitanes, déités de ma triste patrie !
Je vous sers dès l'enfance, et j'ai plus de cent ans.
Dieux impuissans ! pourquoi prolongiez-vous ma vie,
Si j'ai dû voir mes cheveux blancs
Dévoués à l'ignominie,
Et la mort moissonner nos malheureux enfans ?

Le Jeune Homme.

Hélas ! par quels revers la fière Sibérie,
Mon père, a-t-elle succombé ?

Le Vieillard.

Tu causas ses malheurs, belliqueuse Russie;
Sous ton sceptre d'airain, mon pays s'est courbé.
Plût au Ciel que le feu, la peste et la famine,
Les vents, les fleuves déchainés,
D'un peuple généreux conspirant la ruine,
Nous eussent tous exterminés;
Ou que ces dieux vengeurs qui lancent le tonnerre,
Sous nos toits chancelans, nous eussent foudroyés,
Plutôt que de voir notre terre
Esclave d'Yermak et foulée à ses pieds!

Le Jeune Homme.

Yermak! le fléau, l'horreur de la nature!
Montagnes, sombres bois, jour brillant, nuit obscure!
Maudissez ce mortel;
Dévouez aux enfers cet objet d'épouvante!
C'est lui qui nous plonge, de sa main dévorante,
Dans un deuil éternel . . .

Le Vieillard.

Tels nous voyons, dans notre Sibérie,
Les aquilons et les frimats
S'entrechoquer avec furie
Et porter au loin le trépas;
Tel marchoit Yermak: de sa flèche homicide
La mort suivoit le vol rapide;
La mort avoit guidé son bras.

Le Jeune Homme.

Te souvient-il du jour à jamais horrible,
Où le frère de notre Roi
Succomba sous les coups de ce guerrier terrible?

Le Vicillard.

Ce souvenir encor excite mon effroi ;
Pour la première fois, trahi par la victoire ,
Le grand Méhémetkoul vit ternir ses hauts faits ;
Je l'ai vu ce combat de funeste mémoire :

Dès que de son carquois s'épuisèrent les traits,
Tout à coup enflammé d'une ardeur téméraire,
Méhémetkoul s'élance, armé d'un cimenterre ;
Il s'écrie : „Yermak, je ne crains point la mort ;

„Donne-la-moi, je la préfère

„Au deshonneur de terminer mon sort

„Dans l'esclavage et la misère.“

Notre chef, à ces mots, foud sur son ennemi ;

Déjà des fers croisés l'étincelle a jailli ;

Moins brillant est l'éclair, messager de l'orage :

L'adresse, la valeur favorisent leur rage.

Mais l'acier se pliant sous l'effort de leur bras ,

Les glaives sont brisés et volent en éclats.

Soudain les deux guerriers corps à corps se saisissent ;

De leurs cris menaçans les forêts retentissent ;

Le sol est ébranlé ; de leurs bras musculeux

Ces robustes lutteurs s'entrelacent tous deux ,

Se heurtent tour à tour, se courbent, se redressent ;

Leurs nerfs sont frémissans, leurs poitrines se pressent ;

Couverts de sang, meurtris, inondés de sueur,

La longueur du combat redouble leur fureur ;

Cependant Yermak saisit son adversaire,

Et l'étend à ses pieds, dans des flots de poussière.

„Prince,“ s'écria-t-il, „la victoire est à moi ;

Tout ici, désormais, doit fléchir sous ma loi.“

Le Jeune Homme.

O malheureuse Sibérie!

Il fut trop tôt exécuté,

Cet arrêt destructeur de ma chère patrie,

Qu'au sein de la victoire Yermak a dicté.

O malheureuse Sibérie!

Sont-ils donc à jamais éclipés tes beaux jours?

Mon père, dans les fers gemirons-nous toujours?

Le Vieillard.

Toujours.... Écoute-moi : tu vois ces forêts sombres.

Hier, quand l'astre d'or pâlit devant les ombres,

Je m'étois enfoncé dans leurs vastes détours ;

Là, penché sur le sein des victimes sanglantes,

J'adressois à nos dieux des prières ferventes.

Mais l'ouragan trouble les airs ;

La terre tremble, et la tempête

Avec fracas courbe la tête

Des chênes, rois de nos déserts.

Aux coups redoublés du tonnerre,

Leur feuillage jonche la terre.

Des daims les membres palpitans

Sont dispersés par les autans.

Je tombe sur l'humide pierre,

La terreur glace tous mes sens ;

Du Ciel alors semble descendre

Une voix qui me fait entendre

Ces épouvantables accens :

„Cesse de m'implorer : le sang et la prière

Ne peuvent de Ratcha désarmer la colère,

Quand son bras étendu sur ce vaste univers

Punit l'orgueil des rois et les peuples pervers.

Ingrats Sibériens, qui me fîtes l'outrage
De renier mon nom, de rejeter ma loi ;
Desherités du Ciel, abandonnés par moi ,
Du roi blanc à jamais subissez l'esclavage !
Que de l'astre du jour la féconde clarté,
Les voiles de la nuit, et la riante aurore,
Dans un long avenir, vous y trouvent encore !
D'Yermak j'ai béni le courage indompté ;
Tous les siècles futurs célébreront sa gloire,
Et le temps tombera sur sa tranchante faux,
Avant d'effacer la mémoire
De ses héroïques travaux."

A ces mots foudroyans succède le silence ;
Et l'éclair aussitôt, dans l'horison immense,
Trois fois a sillonné le nuage orageux.
Malheur à nous !

Le Jeune Homme.

Malheur ! ô destins rigoureux !
Des deux Chamans alors je vois couler les larmes ;
Mais bientôt se levant et reprenant leurs armes ,
Ils suivent de ces bords les sentiers tortueux
Et dans l'épais brouillard disparaissent tous deux.

Répose en paix sur le lointain rivage,
Yermak ! que cet or conquis par ton courage,
Cet or, que de l'Oural ta lance a fait jaillir,
Grace à la main des arts, nous offre ton image :
De lauriers et de fleurs nous irons la couvrir.
Mais que dis-je ? Sur toi lorsque ma Muse appelle
Les honneurs, qu'on decerne aux mânes des héros,
Dans quel champ jouis-tu de l'éternel repos ?
Quelle terre a reçu ta dépouille mortelle ?

En ce moment peut-être un sanglier
Disperse-t-il les cendres du guerrier ;
Peut-être, hélas ! sont-elles profanées
Par les Ostiaks vagabonds,
Quand de leurs flèches empennées
Ils atteignent le cerf sur la cime des monts.
Dors en paix, ombre vénérée,
Dans le désert silencieux !
Quand l'aurore sortant de la voûte azurée
Détache de la nuit les grêpes ténébreux,
Par la reconnoissance une Muse inspirée
T'adresse en soupirant des chants harmonieux.
Ta gloire d'un grand peuple a conquis les hommages.
Yermak ! Que ton nom, par le temps respecté,
Retentisse sur nos rivages,
Jusqu'au jour solennel où le torrent des âges,
Muet, s'arrêtera devant l'éternité !

LE RENARD ET LA FOUINE.

F a b l e.

„Eh ! pourquoi tant de hâte ? Où vas-tu donc, cousine,
Sans regarder derrière toi ?
Ne peux-tu t'arrêter un instant avec moi ? “
C'est ainsi qu'un Renard, d'une voix pateline,
Interrogeoit sa parente la Fouine.
— „Mon ami, c'en est fait ; ie quitte le pays,“
Dit la cousine, „ici, l'on me tourmente,
Et j'ignore pour quels deuits.
Tu sais qu'habile gouvernante,
Un poulailler à mes soins fut commis.
Hélas ! malheur aux gens qui sont dans les affaires !
J'y perdois l'appétit, la santé, le repos ;
J'y consacrais des nuits entières,

Et le jour suffisoit à peine à mes travaux.
Le croïrois-tu? Souvent à table,
Je ne pouvois achever le morceau.
Dans mon service enfin, j'étois infatigable.
Pour prix d'un devoûment si beau,
Tout à coup je tombe en disgrâce:
Loin de m'avancer, on me chasse.
Je m'en rapporte à toi, prononce franchement:
D'un mefait me crois-tu capable?
Et ne sais-tu pas, cher parent,
Qu'en fait d'honneur, je suis irréprochable? "
Notre Renard reprit d'un ton dolent:
„Je déplore tes amertumes;
J'aurois grand tort d'accuser ta vertu;
Mais quelquefois, n'ai-je point vu
Ton museau tout couvert de plumes? "

Souvent dans le monde je vois
Tel tartuffe d'honneur, qui, pêchant en eau trouble,
Veut me persuader, qu'en son modique emploi
Il met du sien, mange son dernier rouble.
Toute la ville sait fort bien
Que son épouse et lui n'ont rien...
Pourtant on s'arrondit; on achète une terre;
Une maison s'élève; et si quelque taquin
Veut éplucher notre compère,
Il y perd son savoir; car le bonhomme est fin.
Les chiffres, avec art, se rangeant sous sa main,
Prouvent la probité du sire:
On ne peut l'entamer; mais son palais nouveau
A tous les passans prête à rire
Et chacun est tenté de dire,
Qu'il a des plumes au museau.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. XXXVII.

П Р О З А.

Торъ невѣстой.

Отрывокъ изъ Скандинавскаго Баснословія (*).

Торъ, Богъ грома, заснулъ однажды и лишился молошка своего. Онъ былъ кругомъ виновашъ: кшо гремишь, пошь не спи неоспоржно. Пришомъ же молошокъ былъ украденъ исполиномъ, — а исполины ходяшь не шихо и дыханье ихъ подобно ревущей бурѣ. Но *Торъ* заснулъ — и молошка не спало!

Поднялся ропощъ между *Асами* (Богами): Чѣмъ шеперь гремишь съ *Асгарда*? А гремишь — въ шомъ были всѣ согласны — необходимо нужно, дабы правишь человекѣми.

(*) Баснословныя преданія Древности достопримѣчательны въ двухъ отношеніяхъ: какъ Историческія пособія и какъ памяшники заблужденій, въ кои впадали народы, не озаренные свѣтомъ испишной Религій. — Баснословіе Скандинавовъ, не смотря на сосѣдство ихъ съ нашими предками, вообще не споль извѣстно, какъ Миѣологическія преданія Грековъ и Римлянъ. Тѣмъ пріятнѣе будешъ для Читапелей слѣдующій отрывокъ, коего переводомъ обязаны мы одному изъ первоклассныхъ нашихъ
Липшеращоровъ.

Изд.

И *Торъ* не иначе думалъ. „Сыщите молошокъ мой“ говорилъ онъ, „крикомъ и ропотомъ не поможемъ. Избирайте вѣрное средство; а я на выдумки не осперъ и попому меня отъ совѣта увольте. Если же дѣло дойдетъ до боя, *Торъ* и безъ молошка гошова на оный.„

Вдругъ послышался въ углу чудный, пронзительный пискъ. „О перунъ мой!“ проворчалъ ограбленный Богъ: „развѣ и мыши дають здѣсь голосъ наравнѣ съ нами? Вотъ новый обычай!..“

„Что время, шо обычай!..“ отвѣчалъ со смѣхомъ веселый Аса *Локи*, чародѣй искусный, сбрасывая съ себя съдую мышиную кожу, въ коей скрывался. И по всей храминѣ раздался громкій хохотъ; всѣ въ одинъ голосъ кричали: „*Торъ*, Богъ перуна, не различилъ *Локи* съ мышью! Загни же молнію вмѣсто свѣшоча, шы, сердитый громодержецъ!“

Торъ, иногда называемый *Грэмскъ*, ворчалъ съ досадою: „О еслибъ кшо изъ васъ лишился оружія, по коему знаютъ его челоуѣки и Асы — какъ я своего молошка; — шопъ бы пересталъ умничать и насмѣхаться, и первый бы шы, *Локи*!“ Онъ на него замахнулся; но *Локи* не любилъ шакихъ шушокъ и другіе Асы не захотѣли поперяять своего забавника отъ руки сильнаго *Тора*. Дѣло кончили мировою. *Локи* поклялся не спать и не опдыхать, пока молошка не опъищеть; а Богъ грома обѣщалъ за шо простишь ему всѣ прежнія проказы и впередъ не бишь его молотомъ. Богиня *Фрея* дала чародѣю прекрасное перьяное платье, чшобъ ему скорѣе лешать по свѣшу.

Онъ полетѣлъ и скоро возвратился съ вѣстію, что исполинъ *Тримъ* укралъ перунъ и не хочетъ отдавать добычи, развѣ красавица *Фрея* согласишся бышь его женою.

„Видь за него. *Фрея*.“ говорилъ *Торъ*; „исполины вообще добрые люди: гнусны собою, но глупы и дѣлающъ все, что имъ велятъ жены. У тебя будешь мужъ, а у меня молошокъ. Если же прѣмъ тебѣ исполнишь не понравится; но я вобью его громомъ сажень на двѣши въ землю, и повѣрь, что его уже не увидишь..“

„Спыдно тебѣ,“ отвѣчала *Фрея*, „принуждашь меня вышши замужъ за глупаго исполина, съ шѣмъ, чтобы послѣ его убишь. Нѣтъ, я не хочу эшаго!“,

„И такъ придется мнѣ ипши самому и задавить исполина,“ сказала *Торъ*. Но *Локи* остановилъ его: „Берегись! тебѣ еще зовущъ Громомъ; но громовый молошокъ въ рукахъ у *Триля* и онъ тебѣ убьетъ имъ. Не ворчи: пожалуй и выслушай меня: я сдержу съ ю кляшву. Я увѣрилъ исполина, что *Фрея* къ нему придетъ и будешь его женою. Переодѣнься же ты Богинею и пошарайся за свадебнымъ пиромъ схватить молошокъ; тогда грань въ повобрачнаго — и все въ порядкѣ!“,

„Но развѣ онъ не примѣшитъ, что я не *Фрея*?“, говорилъ *Торъ*. „Кажешся, что должень примѣшитъ“ говорила *Фрея*, улыбаясь прѣшно. И хотя *Торъ* увѣрялъ, что такъ улыбаясь онъ не умѣешь; но *Локи* обѣщала непременно обмануть исполина и выдать ему громодержца за прекрасную *Фрею*. Всѣ Асы на шо согласились и самъ *Торъ* не могъ прошиворѣчь, желая достать обратно молошокъ свой. Тогда принялъ наряжать его. Всѣ забавлялись, а онъ ворчалъ сердито подъ подрывалами; сколько ни завѣшивали блистающихъ глазъ его, они сверкали спрашно. „Управляйшесь, какъ можно лучше“ сказалъ *Локи*: „я же умѣю обходиться съ исполинами и буду предшавлять няньку Богини“,

Торъ заложилъ двухъ козловъ своихъ въ колесницу и повхалъ съ чародѣемъ въ *Готунсейль*, гдѣ жилъ *Триль*.

Исполинъ принялъ ихъ съ дикою, спрашною пышностію. Мать его съла подлѣ *Локи*, мнимой няньки; а онъ самъ подлѣ Грома, мнимой невѣспы.

За споломъ *Торъ* сожралъ цѣлаго быка. Мать исполина ужаснулась: „Слушай, нянька! неужели это нѣжная невѣсша, *Фрея*? Чшо у ней за спрашный голодъ?“ *Локи* ошвѣчалъ, подражая шонкому спарушьему голосу: „Девяшь дней и девяшь ночей она ничего не ѣла, шоскуя по миломъ женихъ своемъ., — „Добро! Подложишежъ невѣсшѣ еще бычка; пусшь покушаешъ!,,

Подали медъ, и *Торъ* выпилъ разомъ цѣлый бычій рогъ, изъ коего семь сильныхъ исполиновъ пивали обыкновенно семь часовъ. „Нянька“, вскричала испуганная щеща: „смопри, какъ много пьешъ невѣсша. Я бы опъ *Фрей* шого не ожидала!,, Но припворная нянька повипорила: „Девяшь дней и девяшь ночей нѣжная невѣсша непила меду, шоскуя по миломъ женихъ!,, И спаруха всплеснула руками опъ радости, говоря: „Чъмъ же намъ благословишь брачное ложе?,, — „Громовымъ молошкомъ,“ ошвѣчалъ *Локи*: „дайше его въ руки невѣсшѣ — и все будетъ ладно!,,

Вдругъ прибѣжалъ исполинъ *Тримъ*, едва держась на ногахъ опъ ужаса и опъ меда: „Я хошѣлъ обняшь невѣсшу, (вопилъ онъ), но глаза ея сверкнули сквозь покрывала, какъ молнія сквозь шемное небо въ жаркія лѣшнія ночи. Она спала извиняшьяся, но слова ея раздались, какъ дальній громъ.“ — „Нянька!“ закричала мать. Мнѣ чшо-то очень сомнишельна моя невѣспка!“ — *Локи* опяшь ошвѣчалъ припворнымъ голосомъ: „Девяшь дней и девяшь ночей она не смыкала глазъ, шоскуя по миломъ женихъ; опъ шого они шакъ пріятно свѣшяшся; опъ шого шакъ пріятно-громокъ ея голосъ!“ — „Если шакъ, мы благословимъ молошкомъ жениха и невѣсшу, и все пойдешъ ладно!,,

Но едва, сказавъ сіе, спаруха принесла перунъ и спала имъ писанъ по воздуху волшебные знаки, какъ *Торъ* у нее вырвалъ оный и началъ писанъ такіе знаки на лбахъ *Трима*, его машери и всѣхъ исполиновъ, что они съ тѣхъ поръ не вставали. Пошомъ, весело гремя, отправился Богъ обратно въ Асгардъ и пускаешъ опшуда перунъ, какъ и прежде. Вошъ повѣсь о Громъ, бывшемъ подъ покрывалами невѣстой исполина.

(Изъ *Ламоттъ-Фукс*.)

В о л ь д е м а р ь .

Истинное происшествіе, случившееся во время Италіанской войны 1805-го года.

(Изъ соч. Кернера.)

Вольдемаръ къ Густаву.

М а , 17 го Іюля , 1805.

Мы все еще, любезный Густавъ, въ совершенномъ бездѣйствіи. Не понимаю причины сей безконечной медленности. Все войско жаждетъ битвы и каждый, вмѣстѣ со мною, проклинаетъ сіе спокойствіе, шлюго-спіе и ушомысленное. По всему видно, что долго еще останемся въ семъ положеніи и что желаніе наше, сраженія съ Французами, не скоро исполнится. Завираюшьяся я со спирѣжками въ Вилларозу, находящуюся въ двухъ миляхъ отъ Арміи. Товарищи наши завидуютъ моему участи. Говорятъ, что это прекрасное мѣстечко. Оно принадлежитъ Графу П , владѣющему и въ Тиролѣ обширными помѣстьями. Ты вѣрно знаешь его по наслышкѣ. Онъ живетъ здѣсь, дабы наслаждаться Природою и семейнымъ счастьемъ. Кто не согласится, что въ одно шлюго суровое военное время чувствуемъ мы въ полной мѣрѣ всю цѣну знакомства съ людьми образованными? Но въ походахъ такія явленія край о-временны; минуша ра луки бываетъ шлюго шлюго. Все заставляешь желать, чтобы военныя дѣйствія начались какъ можно скорѣе. Душа моя спраждаетъ отъ мысли, что съ мечемъ въ рукахъ всшугилъ я на землю, которая была цѣлю моихъ юношескихъ мечтаній. Въ другихъ обстоятельстввахъ надѣялся я увидѣть сію

предестинную страну! Но теперь я воинъ — и воинъ изъ непродолимаго желанія боя, изъ чистой любви ко славѣ. Такія чувствованія не соотвѣщаютъ сему небу; не соотвѣщаютъ сей Природѣ, въ которой все, вопреки ужаснымъ бурямъ войны, изобилуетъ роскошью и нѣгою. Ахъ! Еслибъ ты видѣлъ сію предестинную Испалію! Сколь пышно цвѣтеть она красками Эдемскими!

Виллароза, 21-го Юля.

Я пишу къ тебѣ изъ Вилларозы, которую можно назвать земнымъ раемъ. Другъ мой! Завидуй мнѣ завидуй моему счастью! Какой кругъ благородныхъ людей! Еслибъ ты видѣлъ Магдалину, сіе предестинное существо, съ большими черными глазами и роскошными златыми локонами, еслибъ внималъ гармоніи ея голоса, сямъ опываю небесной жизни! Ахъ! И ты бы вѣрно забылъ, подобно мнѣ, и войну и призывъ къ клику боя! Тихая задумчивость, нѣжные слѣды глубокой горести, придають прекрасному лицу ея неописанную предестинность. Почто не могу выразить тебѣ моего блаженства; почто не могу излить предъ тобою всѣхъ чувствованій, обуравляющихъ сердце мое, упоенное воспоргомъ? Но я теперь лишь замѣчаю, что ты ничего не поймешь изъ всего, мною сказаннаго. И такъ слушай: Магдалина — дочь Графа // . . . , которому принадлежитъ Виллароза. Здѣсь приняли меня, какъ стараго друга, съ такою ласковостію, съ такою искренностію, что я самъ не постигаю моего счастья. Другъ мой! Теперь я съ нею подъ одною кровлею и почти непрерывно нахожусь въ ея обществѣ. Я аккомпанирую ей на лирарѣ, когда она поетъ свои опечесшвенныя пѣсни, сіи сладостныя отголоски любви и умиленія. Она сопровождаетъ меня въ прогулкахъ по живописнымъ окрестностямъ Виллы и принимаетъ искреннѣйшее участіе въ томъ воспоргѣ,

который возбуждаетъ во мнѣ прелестная Природа. Магдалина есть существо, исполненное неизреченной нѣжности. Я чувствую, что душа моя очарована ею; чувствую себя лучшимъ, ибо близость ея меня облагородствовала; чувствую себя блаженнымъ, ибо могу видѣть ее и наслаждаться ея бесѣдою! — Другъ мой! Я счастливъ!

Виллароза, 23-го Июля.

Слава Богу! Ничего не слыхалъ еще о походѣ. Надеюсь, что войска останутся нѣсколько недѣль въ бездѣйствіи и что я, слѣдственно, могу еще наслаждаться моимъ счастьемъ. Никогда бы я не повѣрилъ, чтобы любовь столь совершенно могла перемѣнить меня! Бывало, нѣкоторое пламенное влеченіе спремилло меня въ шайншвенную даль; всѣ надежды и мечпанія мои скрывались подъ завѣсою будущности, а жизнь прошекала мимо меня въ уныломъ и мрачномъ единообразіи. Но теперь все вокругъ меня озарилось волшебнымъ блескомъ. Въ обществѣ Магдалины мятежная буря души утихаетъ и переходитъ въ нѣкоторое сладостное умиленіе. Настоящее обнимаетъ меня со всѣми своими восторгами и, пронувъ дыханіемъ любви, струны небесной жизни звучатъ изъ глубины моего сердца.

Какъ ласково они со мною обходятся! Никто не даетъ мнѣ замѣнить, сколь непріятно, сколь тягостно должно для нихъ быть мое пребываніе, а особливо въ шеперешнихъ обспояпельсвахъ. Какіе благородные люди! Съ какимъ спокойствіемъ, внушающимъ довѣренность и почтеніе,зираетъ отецъ на приближающую бурю войны! Графиня живетъ единственно для семейшвеннаго круга и одушевляетъ оный своею крошккою, искреннею любовію. А Магдалина! Магдалина!

Тому невѣдомы чувствва высокія и священныя, кно въ небесномъ взорѣ ея не видаль пѣкошораго высшаго совершенства; кшо въ упоеніи восторга не преклоняль колына предъ чистою, невинною ея душею!

Виллароза, 25-го Іюля.

Она имѣеть брата, нѣжно ею любимаго. Несчастнѣйшій поединокъ принудилъ его выпити въ опештавку и щеперь неизвѣстно его мѣстопробываніе. Вошъ причина ея задумчивости: она любитъ брата съ нѣжностію, кошорая совершенно соощвѣществуеть прекрасному ея сердцу. Съ какимъ выраженіемъ глубокой горести рассказывала она мнѣ о семъ несчастномъ происшествіи! Чистыя слезы невольно кашились изъ глазъ ея..... Ахъ! не могу изъяснить шебѣ, сколь сильно слова ея прогали мое сердце! Можно утвердительно сказать, что во всей жизни человѣческой нѣтъ положенія, въ коемъ бы нѣжность и величіе души выражались шакъ ясно, какъ въ горести; нѣтъ конечно ничего шрогашельнѣе и обворожительнѣе, какъ слезы въ прелестныхъ глазахъ красавицы. Я сообщилъ ей сіе замѣчаніе, и она, кажется, почувшвовала, что это не былъ языкъ лести; съ нѣжностію пожала она мнѣ руку и, поспѣшно удаляясь, примолвила: „Вольдемаръ! Я увѣрена, что Вы имѣете добрую душу!“ Ахъ! шы не поспигаешь небснаго звука сихъ словъ. Долго споялъ я, смотря ей въ слѣдъ неподвижными глазами. Помомъ нѣкошорая непреодолимая сила повергла меня на землю, ушомленнаго восторгомъ; въ упоеніи блаженства цѣловаль я шраву, примашую ея легкими шпопами. Ты назовешъ меня ребенкомъ, Гуславъ? Такъ! я ребенокъ, но ребенокъ счастливый! Вечеромъ сижу подъ окномъ до шѣхъ поръ, пока у ней горитъ свѣча. Такъ какъ

она живешъ въ правомъ, а я въ лѣвомъ флигель замка, шо комнаша ея находится противъ моеи. Часто сию понѣсколку часовъ, смошря на слабое мерцаніе сего огня, пока онъ пошухнешъ. Потомъ беру гитару и звуки пѣней моихъ, исполненныхъ живѣйшей спрасши, умирающъ въ безмолвіи лунной ночи, которая, подъ небомъ счастливой Италіи, въ нѣкоторой торж ственной шишинѣ нисходитъ на землю. Постигаешъ ли ты блаженство, оборожающее душу мою въ сіи минушы безмолвія? Чувствуешъ ли въ груди своей сіе чистое пламя восторговъ? Гусшавъ! Гусшавъ! Я и самъ никогда ихъ не предчувшвовалъ.

Виллароза, 29-го Іюля.

Почшо не могу лептѣть въ твои объяшя? Почшо не могу у брашскаго сердца твоего, со сладкими слезами излишь неизреченное свое блаженство, раздѣлишь съ тобою избытки моихъ радостей? Ахъ! Сердце мое изнемогаешъ подъ силою неожиданнаго счастья! Гусшавъ! Она моя! Изъ шревещущихъ устъ ея вырвалось признаніе любви; она склонилась на грудь мою и я осмѣлился нанечашлѣть пламенный поцѣлуй на устахъ ея. Безмолвешвуя сидѣли мы оба на террасѣ, погруженные въ сладосшныя мечшанія. Солнце скрывалось за горы. Вдали ѣхалъ опрядъ нашихъ воиновъ и багряные лучи заходящаго свѣшила позлащали сверкающее оружіе всадниковъ. Тупъ, какъ будто нѣкоторый шаинственнй голосъ шепнулъ мнѣ: „Ты сюда не воз-, врашишь!“ — и глубокая задумчивость овладѣла мною. Магдалина скоро замѣшила мое волненіе и спросила съ учашиемъ: что со мною сдѣалось? Я ошкрылъ ей мои предчувшвованія. „Посвятише ли Вы памяти моеи хотя одну слезу?“ примолвилъ я, схвативъ ея руку. Она запрешшала, взглянула на меня и на прекрасныхъ

глазахъ ея навернулись слезы. И я не могъ ужъ долѣе удержаться себя, бросился къ ногамъ ея и воскликнулъ: „Магдалина! я не могу болѣе молчать; я люблю Васъ“ — Тронушая до глубины сердца, она упала въ мои объятія, и уша наши запечатали союзъ священной любви. И когда пробудились мы изъ пламеннаго упоенія душъ нашихъ, то я чувствовалъ себя обновленнымъ! Вечерній сумракъ навѣсь надъ землею и погружалъ ее въ глубокой снѣ; но въ груди моей воспламенился вѣчный день, наступило утро моего блаженства. Сама Магдалина явилась мнѣ въ новомъ видѣ; ибо выраженіе счастливой любви придаетъ лицу ея какую-то неизъяснимую, священную прелесть. Прежде сего казалась она мнѣ идеаломъ совершенства земнаго; шеперь она является вѣспиницею изъ лучшаго міра.

Я не говорилъ еще съ ея родителями; но надѣюсь, что они не захотятъ разрушить нашего счастья. Они съ такою нѣжностію любятъ Магдалину, что вѣрно не воспрепятствуютъ союзу, заключенному ея сердцемъ. Гусавъ, если ты не испыталъ еще тѣхъ сладостныхъ минутъ, въ которыхъ взаимная любовь улаживаетъ два сердца одинаковымъ упоеніемъ; если ты никогда не внималъ еще изъ любезныхъ устъ небеснаго слова: *люблю тебя!*; — то конечно не можешь постигнуть неизреченнаго моего блаженства.

Виллароза, 1 го Августа.

Раздѣли со мною мое счастье любезный Гусавъ! Она моя; моя и по голосу собственнаго ея сердца, и по словамъ родителей! Сія благородные люди принимаютъ меня, пришельца, въ прекрасный семейный кругъ свой! Не все ли благопріятствуютъ мнѣ же-

ланиямъ, объ исполненіи коихъ прежде не дерзаль я и помыслишь? Въ сію грозную бурю войны не соединяется ли все, чшобы ушвердиль вѣчный миръ въ душѣ моей?

Сегодня я опкрыль имъ, чшо изъ одного шолько чешполубія, изъ одной шолько жажды къ славъ, предприняль я сей походъ; чшо по окончаніи войны пойду въ ошешавку, продамъ помѣшья мои въ Богеміи, и возвращусь попомъ въ счасшливую Ишалію, чшобы жить единшвенно для Магдалины и пріятныхъ обязанностей дѣшской любви. Родители ея конечно увѣрены, чшо я по крайней мѣрѣ не сдѣлаю Магдалину несчасшною. Но я принужденъ былъ просить ихъ о скоромъ рѣшеніи; ибо ежечасно ожидаю приказанія высшупить въ походъ. Наконецъ они насъ благословили и высочайшая степенъ земнаго блаженшва осѣнила двухъ счасшливцевъ. Гусшавъ! когда ошець подвель ко мнѣ Магдалину и сказалъ: „Ввѣряю тебѣ радостъ дней моихъ. Пекись объ ея счасши!“; — когда она упала въ мои объятія и пламенный поцѣлуй любви запечашлѣлъ уста наши; тогда я не чувшвоваль болѣе себя. Въ неизреченномъ упоеніи казалось мнѣ, чшо всѣ лики небесные слешли ко мнѣ въ душу и низвели съ собою всѣ очарованія Эдема. Восхищенное сердце мое упопало въ морѣ блаженшва. Гусшавъ! Я не вѣрю моему счасшию: оно все еще кажешся мнѣ льспивымъ призракомъ сновидѣнія.

Виллароза,

Другъ мой! Какіе райскіе дни провожу шеперь въ кругу моихъ любезныхъ! Ошець и машь всячески стараются доказывать сердечную любовь свою новому сыну; а Магдалина мною шолько живешъ и дышешъ. Мы шеперь неразлучны; каждый день ошкрываешъ въ

невѣстѣ моей новыя душевныя прелести. Я уже разсказывала тебѣ о прекрасномъ шаланшѣ ея для пѣнія. Она заранѣе веселилась тѣмъ, что мы будемъ безпрепятственно продолжать музыкальныя свои упражненія, когда братъ ея *Камилло* возвратится. Онъ, какъ сказывають, поетъ прекраснаго, сильнаго Тенора — и такъ мы будемъ давать Тріо.

Я съ нетерпѣніемъ желаю познакомиться съ моимъ будущимъ родственникомъ. Они все любятъ его съ такою нежностію, что всегда бывають пронужены до слезъ, когда что-нибудь напомнитъ объ его отсутствіи. Воспоминанія сіи бывають весьма нерѣдко; ибо къ довершенію благополучія, всѣхъ насъ оживляющаго, онъ лишь одинъ недоспаетъ. Я представляю себѣ *Камилла* благовоспитаннымъ, но пылкимъ юношею; исполненнымъ ума, твердаго характера и благородной гордости. Сверхъ изящнаго шаланша къ Музыкѣ, *Магдалина* рисуешь споль же прекрасно. Она съ особеннымъ удовольствіемъ пишетъ эскизы Историческихъ событій и въ Механической опдѣлкѣ оныхъ достигла уже известной степени совершенства. Недавно изобразила она ту сцену, когда *Горація* увидѣла брата своего побѣдителей и убійцею ея любовника. Выраженіе дѣвственнаго лица, на кошоромъ споль живо начертывалась сильная борьба глубокихъ чувствованій, написала она въ совершенствѣ. Сія картина, просто, но съ великимъ искусствомъ нарисованная, сдѣлала на меня сильное впечатлѣніе. Еслибъ ты былъ свидѣтелемъ, съ какимъ чувствомъ говорила она о семъ происшествіи; какъ живо могла представить себѣ положеніе *Гораціи*! Она не обвиняетъ убійцу ея друга; ибо онъ, какъ Римлянинъ, долженъ былъ воспоржесвовать надъ врагомъ отечества. Не *Горацій*, а Римъ вонзилъ смерто-

носное оружіе въ грудь любезнаго. Теперь Магдалина прудилась надъ порипрешомъ брата, который назначень мнѣ въ подарокъ. Она пишешъ его изъ памяти. Родители сказывали мнѣ, что оный будетъ очень сходенъ; споль живо впечатлѣла она въ душѣ своей образъ любимаго брата! Но она не прежде хочешъ показашъ мнѣ сей порипрешъ, какъ по совершеньномъ окончаніи. — Гусавъ! Какую цѣль чиспѣйшихъ, небесныхъ радостей соспавишъ моя будущность! Какими изящными шанланшами нѣжная подруга моя будетъ очаровывашъ веселый нашъ кругъ! Такъ! Я проведу дни, которыхъ не промѣняю ни на какія сокровища вселенной! — Какое сладостное чувство, когда корабль, послѣ бурь Океана, благополучно приплывашъ въ безмятежную пристань; когда съ предчувствіемъ высочайшаго земнаго блаженства лепимъ на встрѣчу упренней зарѣ любви! Гусавъ! И мой день восходишъ.

Виллароза, 4-го Августа.

Сбылось, чего я дагно опасался. Я долженъ разлучиться, долженъ оставишъ мою несравненную Магдалину. Сегодня по ушру получилъ я приказаніе, запра же съ наснуплениемъ дня ошступишъ ошсюда на двѣ мпи. Непрiашель приближася; втрояшно, хопяшъ дашъ сраженіе въ выгоднѣйшемъ мѣстоположеніи, на высопахъ К ихъ. Ахъ! Война, которая прежде наполняла сердце мое шайнымъ восшоргомъ, шеперь сдѣлалась для меня несосною. Одна мысль, что могу лишиться Магдалины, заспавляешъ содрогашъся; горешное предчувствіе тревожитъ мою душу. Еслибъ мы по крайней мѣрѣ шли впередъ . . . Но мы ошступаемъ и одно предположеніе, что Виллароза и все, что имью драгоцѣннѣйшаго на землѣ, дсшавенся, можешъ бышъ, въ руки непрiашеля, приводишъ меня въ изшуп-

деніе Я не столь твердо душою, чтобы могъ перенести все. Я на все осмѣлюсь; но чтобы пережить достигнуть своей цѣли, на то недостаешь мнѣ силы. Каждая минута, отдающая меня опъ несравненной Магдалины, покажется мнѣ ненавистною. Увы! любезный другъ! Твой Вольдемаръ совсѣмъ перемѣнился. Едва чувствуешь онъ въ себѣ столько бодрости, чтобы перенести мучительную минушу прощанія.

Риккордино, 7-го Августа.

Позволь мнѣ умолчать, любезный Гусавъ, о минутахъ разлуки; позволь умолчать о слезахъ Магдалины, о послѣднихъ ея ласкахъ, о собственномъ моемъ перязаніи. Я исполнилъ предписаніе моего Начальника и уже при дни спую въ Риккордино. Какое сладостное для меня ушѣшеніе, что изъ одного окна моей новой кварширы могу я видѣть безцѣнную Вилларозу, гдѣ живутъ любезные моему сердцу! Безпрерывно сижу подъ окномъ, смотрю туда и неизъяснимая тоска волнуешь грудь мою! — Все вокругъ меня такъ пусто, такъ безрадостно! Самое приближеніе военной грозы — ибо вокругъ насъ шумъ увеличивается и непрерывно приходящъ новые отряды — не имѣешь уже для меня ни малѣйшей прелести. Теперь владеешь мною одно только чувство; но чувство пламенное, сильное, которое дерзаетъ на все и нигдѣ не находитъ преграды. — Магдалина! Сколь безконечна любовь моя! Какъ могу еще жить безъ тебя?

Два часа спустя.

Гусавъ! Ужасная буря во мнѣ свирѣпствуетъ; мрачное предчувствіе мое сбывается! Генераль, собравъ насъ всѣхъ, вызывалъ охотниковъ на приступъ

къ Вилларозъ. Непрiятель занялъ ее и хочешь укрѣ-
питься на возвышенiяхъ. Ты вѣрно опгадаешь, что
я былъ первый, который вызвался на приступъ.
Освободишь Магдалину изъ рукъ непрiятеля: какое
новое счастье! Но моя рука обagriшь кровiю тѣ
безмяшежныя долины, гдѣ въ первый разъ увидѣлъ я
прелестную; мною разрушился та прекрасная оби-
тель невинныхъ радостей, къ коей она привязана съ
пакою нѣжною любовiю. Могу ли на то рѣшиться?
Сердце мое сильно бьется. О борьба любви и обя-
занности!

Но честь и любовь зовутъ меня на сіе опасное
предпріятіе. Дѣло будешь жаркое. Непрiятель, го-
воряшь, силенъ, а мой отрядъ малочисленъ. Генера-
ль не можешь мнѣ дать много людей: онъ еже-
часно ожидаетъ приближенiя главной непрiятельской
Арміи. Надѣюсь на Бога! Должность и любовь зо-
вуть меня. Цѣною крови долженъ я выкупить свое
счастье.

(Окантіе въ слѣд. Но.).

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

№. XXXVIII.

П Р О З А.

В о л ь д е м а р ь.

Истинное происшествіе, случившееся во время Испаніиской войны 1805-го года.

(Окончаніе.)

До сихъ поръ продолжають письма Вольдемара. Въ ужасномъ состояніи души отправился онъ въ Вилларозу, съ своими храбрыми стрѣлками. Уже изъдали увидѣли они непріятельскіе посшы. Прежде нежели Вольдемаръ, по знакомой ему пропинкѣ, ведущей чрезъ кипарисную рощу, могъ достигнуть зámка, встрѣшилъ его Французскій опрядъ и напалъ на него съ ожесточеніемъ. Началось жаркое сраженіе. Стрѣлки Вольдемара, какъ будто зная, что они должны выручить невѣсту своего Капшана, мужескивенно вшоргнулись въ ряды непріятельскіе. Отчаяниѣ всѣхъ дрался одинъ Французскій Офицеръ, юноша благородной наружности. Нѣсколько разъ встрѣчался онъ съ Вольдемаромъ, но ихъ всегда разлучали. Наконецъ непріятли не могли ужъ болѣе прошиво-

не соглашалась на свиданіе съ убійцею своего брата; но прекрасная душа ея, готовая воспрянуть къ Небу, превозмогла *безконечную* горестъ — и *безконечная* любовь восторжествовала. О семъ послѣднемъ свиданіи нашелся еще, между бумагами Вольмедара, отрывокъ писма его къ Густаву. Вотъ онъ:

Густавъ! все свершилось! — Я погибъ! — Я уничтожилъ счастье трехъ превосходныхъ людей. Безвинное пресупленіе стягнешь на душѣ моей и опчаяніе свирѣпствуетъ въ моихъ жилахъ. Спрашно обуреваютъ меня воспоминанія минувшаго. — Въ послѣдній разъ видѣлъ я Магдалину, мною убишную; въ послѣдній разъ она взглянула на меня со всѣмъ выраженіемъ прежней любви и сказала слабымъ голосомъ: „Вольдемаръ! я тебя прощаю!“ — Сердце мое облилось кровію. Я упалъ предъ нею на колѣна. Тутъ она приподнялась, собравъ послѣднія свои силы; прижала меня къ невинной груди своей и въ объятіяхъ моихъ испустила духъ. — Густавъ! Густавъ! Неисповодное опчаяніе влечешь меня за нею, влечешь непреодолимою силою. Она простила меня — сіе существо небесное, Ангельское! Но я — я не прощу себя. Я долженъ принести себя въ жертву, и только кровію, собственною кровію могу омыть сіе пресупленіе съ души моей. Прощай! Не смѣю винить Судьбу: я самъ умершилъ мои радости. Прости, любезный братъ! Богъ милосердъ: Онъ пошлетъ мнѣ силу, умереть съ честью!

Желаніе его скоро исполнилось. Маленькая сшибка, о кошорой мы упоминали, предшествовала рѣшишель-

ной битвѣ. Прекрасное осеннее утро озарило оба войска посреди боеваго смятенія. Вольдемаръ сражался какъ опчаянный: впоргаясь въ средину рядовъ непріятельскихъ, искалъ онъ повсюду смерти и — нашель ее. Получивъ безчисленныя раны, палъ онъ въ самомъ пылу сраженія, и послѣднее слово его было — *Магдалина*.

Всѣ, кто только зналъ Вольдемара, оплакивали въ немъ вѣрнаго друга, храбраго воина и благороднаго человека. Тѣло его погребено въ Вилларозѣ, въ семейномъ склепѣ и подѣ бранныхъ оспашковъ Магдалины. — Миръ его праху!

Съ Нѣмец. В. Тило.

Древніе дворцы Князей Суздальскихъ.

(Отрывокъ изъ пугачевыхъ записокъ.)

Суздаль, 14-го Августа, 1823.

„Только вчера оставилъ насъ почтеннѣйшій Павелъ Петровичъ Свининъ, Издапель *Отечественныхъ Записокъ*!“ Такъ говорилъ мнѣ умный и почтенный Прошюіерей Суздальскаго Собора Д. А. Смирновъ. „Съ нимъ былъ Инженеръ; они были вездѣ, снимали виды со многого, многое записали! . . .“ Я жалѣлъ, что не видался съ любезнѣйшимъ моимъ Сочленомъ-знакомцемъ и жалѣлъ болѣе о томъ, что я, какъ старшій наблюдапель *достопамятностей отечественныхъ*, могъ бы здѣсь бытъ для него полезнымъ во многомъ. Но — что уже случилось, того нельзя перемѣнить!

Съ крапкими выписками изъ *Суздальскаго Лѣтописца* (*) пошелъ я осматривать мѣста дворцевъ бывшихъ Князей Суздальскихъ. — Первый изъ нихъ находился, какъ означается *Ананій* подъ 1452-мъ годомъ, въ Кремлѣ, близъ церкви Св. *Аванасія* и *Кирилла*, Папріарховъ *Александрійскихъ*, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ послѣ былъ домъ Воеводскій. Дворецъ сей самый древнѣйшій: здѣсь нѣкогда живали (по словамъ преданій)

(*) О кошоромъ я извѣщаль нѣкогда чрезъ *Вѣстникъ Европы* и приписываль его Богомольцу *Воронову*. Но въ послѣдствіи оказалось, по свидѣтельству *К. О. Калайдовика*, что *Вороновъ* былъ только продолжатель и копистъ *Лѣтописца*; древнѣйшія же описанія Суздаля принадлежать Соборному Ключарю Суздальскому, нѣкому старцу *Анашою*. М.

Св. Благověрная Княгиня *Ольга*, Св. Князь *Владиміръ!* Тушь свершились многія достопамятныя происше- ствія глубокой Древности! Нынѣ уже нѣшь призна- ковъ не шолько дворца, но даже и самаго Воеводскаго дома. Намъ ошались: одно невѣрное преданіе и — благодарнось шрудолюбивому шарцу *Ананію*, за со- храненіе въ памяти достопримѣчательныхъ мѣсьш жилища людей великихъ!

Вшорой дворець, продолжаешъ Лѣшописецъ, сшояль на большой площади, близъ церкви Чудошворца *Ни- колая*, чшо у *Креста*, и гдѣ былъ послѣ шарый го- родовый Магистрашъ. Тушь живаль, если вѣришь преданію духовныхъ, Князь *Георгій Суздальскій* (*), Государь Хриштолубивый! Въ 6638-мъ году, рассказы- ваетъ *Ананій*, Князь *Юрій*, во знаменіе великой своей любви къ Преподобному *Ѳеодосію Пегерскому* и для украшенія гестныя его раки, посла отъ града *Суздаля ко граду Кіеву*, въ *Пегерскій Святый монастырь*, съ еди- нымъ отъ Боляръ своихъ *Василіемъ* (по преданію *Манькою-Гонгаромъ*)—на окованіе оныя 500 гривенъ сребра и злата 50 гривенъ.“ Георгій былъ богашъ и госше- приимень. — Ташары разрушили дворець его до осно- ванія!

Трешій дворець внушри города Кремля, близъ Со- борной церкви, — думашъ надобно, или шощъ самый, въ кошоромъ послѣ было мѣшопребываніе Суздаль- скихъ Архіереевъ, (**) или не шарое ли неболь-

(*) ш. е. Князь Юрій Владимировичъ *Долгорукій. М.*

(**) Гдѣ нынѣ Духовное училище и Уѣздный съ Зем- скимъ Суды. Тушь же Казначейство и проч. *М.*

шее каменное зданіе, еще и по нынѣ существующее близъ ограды Соборной? (*) — Онъ принадлежалъ Князьямъ *Шуйскимъ*! . . . Здѣсь живаль Московскій Царь Василій Іоановичъ (*Шуйскій*); съ нимъ же вмѣстѣ бывала тамъ и прекрасная, но несчастная дочь его, Княжна *Ксенія*, жертва неистовствъ *Отрепьева*! . . . Мечшательное воображеніе носило меня по слѣдамъ ея; я даже угадываль по окошко, въ которое она смотрѣла; видѣль по мѣсто, гдѣ она молилась съ благоговѣніемъ! Несчастливая тогда еще была счастлива. Она не ждала участи печальной и цвѣла во всей красотѣ — для варвара! Царь Михаилъ Феодоровичъ *Романовъ* пожаловаль сей дворець Соборному Протопопу съ брашнію. — Въ 1812-мъ году жилъ въ немъ извѣстный Операшоръ-Философъ Д. П. *Моренко*.

По берегу рѣчки *Каменки*, (говорить *Лыпописецъ*), гдѣ нынѣ *Красная гора* и урочище, такъ называемое *Теремки* (**), были изрядные, т. е. красивые дома Княжескіе, а на *Теремкахъ* — *Теремки высокіе*! — Память о нихъ одно только названіе урочища: *Теремки*! Здѣсь жили Князья древніе; здѣсь же можеть бышь — (по преданію) Святая *Евфросинія*, благочестивая дочь Свяшаго Князя *Михаила Черниговскаго*, прибывъ обручишь себя съ Княземъ *Суздальскимъ Миною Іоанновичемъ*, (за одинъ только день свадьбы своей внезапно скончавшимся,) произнесла объшь Богу и — спаслась въ дѣвичьемъ монашырѣ *Ризъ Положенія Пресвятыя Богородицы*. Свяшая жена, лишенная предназначаема-

(*) Но виѣ оной. М.

(**) На большемъ старомъ валу. М.

го ей Судьбою друга, хошѣла уже шолько жишь для Бога и въ Богъ!

Ошсюда же и прекрасная *Соломонія* (*), дочь Болярина *Сабурова* (**) и супруга Великаго Князя Василья Иоанновича (***) , вѣчанная Митрополишомъ *Симономъ* въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ, Государыня добродѣтельная, но не имѣвшая дѣшей, — по сейшо одной причинѣ, какъ говоришь *Лѣтописецъ*, удалена супругомъ и посстрижена въ обители *Покрова Пресвятыя Богородицы, што въ Суздаль*. Тамъ спасалась она, молясь за православныхъ! Въ Инокиняхъ назвали ее *Софією*. Молва повѣшвуешь, что даже сама вторая супруга Василіева, Княжна *Глинская* (****), уважала святость жизни премудрой *Софин* и имѣла съ нею свиданіе еще въ *Теремахъ Суздальскихъ*!

Наконецъ, по большей Владимирской дорогѣ, ошъ Суздаля верстахъ въ шрехъ, есть мѣшо, называемое *Минино Селище*. Тушъ былъ загородный домъ и сады обширные *Мины Иоанновича, Князя Суздальскаго, обручника Св. Евфросиніи*. — (Я упоминаль о немъ выше). Тушъ онъ совершалъ свои надежды великія, ожидалъ дней счастья и — наканунѣ дня брака своего (какъ уже мы слышали) положилъ всѣ ожиданія во гробъ,

(*) Я видѣль портретъ ея. М.

(**) *Георгія (Юрія) Константиновича*. М.

(***) Сына Великаго Князя *Иоанна Васильевича*. М.

(****) Объ ней свидѣшельшвуешь *Суздальскій Лѣтописецъ*. Замѣшишь шакже надобно, что жишели Суздальскіе обязаны вишневыми своими садами *Миинъ же Иоанновичу*. Но ошкуда онъ перевезъ вишни? о шомъ молчишь предаіе. М.

а свяшую невѣсту свою предославиль Господу-Богу, жениху вѣчному! — На мѣстѣ увеселишельнаго дворца Князя *Мины*, нынче распашная земля, и поселянинѣ, раздирающей пучную пажить, едва ли знасть, что шущь предназначалась участь благовѣрной Угодницы, имъ сполько уважаемой? . . .

Было уже девять часовъ вечера, когда я оставиль мѣсто *Минна Селнца* и — возвратился въ Суздаль, съ тѣмъ, чтобы, сообразясь съ повѣстію *Ананія*, положить мои догадки и мечшы на бумагу и — сообщиль ихъ любезнымъ друзьямъ моимъ!

М. Макаровъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Языкъ и зубы.

(Воспочный Апологъ.)

Одинъ Сулшанъ пенялъ сѣдому Визирю,
Что швердой стойкости онъ не имѣлъ во нравѣ. —
„За недоспашокъ сей Судьбу благодарю!
Имъ удержался я и въ почести и въ славѣ,“
Сказаль Визирь ему, „и при Дворѣ швоёмъ
Средь частыхъ перемѣнъ онъ былъ моимъ щипомъ.
Миѣ шешъдесять пять лѣтъ, (прибавиль онъ съ улы-
кой).
Изъ швердыхъ шѣхъ зубовъ, кошорые имѣлъ,
Ты видишь, рѣдкій уцѣлѣлъ;
Но всѣ ихъ пережилъ одинъ языкъ мой гибкой.“

К. Вяземскій.

Младая узница.

(Переводъ изъ Стихотвореній *Андрея Шенсе.*)

„Серпы не прогаюшъ младыхъ колосевъ въ полѣ;
Прозрачный виноградъ до осени, по волѣ
Привыкъ роспи и шихо зрѣть.
Ахъ! споль же молода и, можешъ бышь, прекрасна —
Я не хочу еще, хошя я и несчастна,
Такъ рано умерешъ!“

„Пусть Споикъ видишь смерть безслезными очами!
Въ слезахъ надѣюсь я! . . . Предъ бурными вѣтрами
Склонивъ главу, подѣмлю вновь. —
Коль много горькихъ дней, то сколькожь и пре-
красныхъ ?

Всегдажь лазурь небесъ безъ облаковъ ненастныхъ
Иль море безъ валовъ ? “

*

„Мечта прелестная душой моею владѣешь.
Вошце темницы сводъ надъ мною шагнешь:
Надежды крылья у меня!
Такъ Прогна, свободаясь отъ сѣти пшцелова,
Вспорхнула — и лепишь въ поля небесны снова,
Съ хвалою свѣшину дня! “

*

„Ахъ! мнѣ ли умирать? я тихо засыпаю
И тихо пробудясь, въ душѣ не открываю
Ни угрызенія, ни мукъ;
Меня привѣстствуетъ румяный лучъ денницы;
При взглядѣ на меня свирѣпой спражи лица
Теряюшь спросошь вдругъ! . . . “

*

„Мой свѣшлый пушь еще далекъ назначенья:
Едва младенческа невинны вдохновенья
Увы! оставишь я могла —
И жизни на пиру, къ устамъ моимъ цвѣшущимъ
Я чашу съ нектаромъ, блаженство подающимъ,
Едва лишь поднесла! “

*

„Доживь весны моей, ахъ! доживуль и лѣша?
Какъ Фебъ, по временамъ, печешь въ долинахъ свѣша,
Такъ жизнь пройши желаю я;
Какъ роза, разцвѣсти едва лишь я гошова
И полько видѣла лучь упра золошова. —
Увижуль вечерь дня? . . .“

„О смерть! повремени, не приходи за мною!
Бѣги ушѣшишь шѣхъ, кошорые шобою
Хошашь сокрышь порочный спыдъ;
Но я люблю еще древесны шѣни мирны,
И поцѣлуй любви, и нѣжны звуки лирны —
И смерть меня спрашишь! . . .“

Самъ грушный и въ шюрмъ, такъ пробуждалъ я
Геній;

Я слышалъ жалобы; я слышалъ сердца пени
И вздохи плѣнницы молодой —
И презря на меня наложенныя узы,
Слова, летѣвшія изъ устъ сей скорбной Музы,
Слагалъ на лирный спрой.

Бышь можешь, пѣснь сія, поски моей свидѣшель,
Засшавишь нѣкогда любовь и добродѣшель,
Искашь безвѣстной дѣвы слѣдъ:
Харишы и умошь, и красошой своею. —
Кшобъ могъ найши ее, кшобъ могъ любимъ бышь ею,
Тошь полюбилъ бы свѣшь!

Норовъ.

Размолека.

Прости сказать ты посѣщаешь мнѣ —
И пылок любви швоей начало
Преданельски безумца обласкало.
Все видѣль я — и видѣль все во снѣ!
Ты наконецъ мнѣ взоры прояснила;
Въ душѣ швоей чишаю я шеперь;
Проснулся я — и мнѣ легко, повѣрь,
Тебя забышь, какъ ты меня забыла.
Кого жалѣшь? Печальнѣй доля чья?
Кшо опягченъ ушрашою прямою? —
Легко рѣшишь: любимымъ не былъ я;
Ты, можешь бышь, была любима мною.

Баратынскій.

Безнадежность.

Желанье счастья въ меня вдохнули боги.
Я шребоваль его опъ неба и земли
И въ слѣдъ за призракомъ, манящимъ издали,
Не вѣдая куда, прошель я полдороги.
Довольно! Я усшаль и пушь окончень мой;
Счастливыи опдыхомъ, на счастье похожимъ,
Сшою, задумчивый, надъ жизненной спезей —
И скромно кланяюсь прохожимъ.

Баратынскій.

Къ Лилъ.

О чародѣйство красоты!
Къ любви по опыту холодный,
Я забывалъ, душой свободный,
Безумной юности мечшы
И пѣль, шоварящамъ угодный,
Вино и дружество; но ты
Явилась, сердце мнѣ для муки пробудила —
И лира про любовь опять заговорила!

Б. Дельвингъ.

Воспоминаніе.

За рубежемъ владычества мечшы,
Я не скажу: исчезло сновидѣнье!
Еще горить въ уныломъ сердцѣ ты,
Прошедшаго прекрасное явленье!
Пора любви, любви призывный гласъ,
Младой груди живое шрепетанье,
Бывалыхъ дней волшебное сіянье!
Я помню васъ!

*

Я хладенъ спалъ, я радость разлюбилъ,
И жизнь моя похожа на искусство;
Упрашилъ я душевныхъ признакъ силъ —
Любови всеобъемлющее чувство.
Огонь въ очахъ, огонь въ груди погасъ;
Но ты со мной, воспоминанья сладость!
Моя любовь, моя злая младость!
Я помню васъ!

*

Люблю себя! — еще мнѣ говоряшь,
Еще и я швержу любви признанье;
Но сердцу нѣтъ знакомыхъ въ ней опрадь:
То не любовь, любви воспоминанье! —
Прошедшаго невозвратимый часъ,
Волшебный взоръ любви самовластной,
Сопушники весны моей прекрасной!
Я помню васъ!

Коншинъ.

Печашашъ позволяешся: Октября 9-го дня, 1823 года.
Цензоръ А. Бируковъ.

Н О В О С Т И
Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. XXXIX.

П Р О З А.

*Семейный праздникъ или гардеробъ
Графа Д...*

(ИЗЪ ЖУИ.)

Sua cuique quum sit animi cogitatio, colorque privus.
Phaedr.

Въ прошедшій понедѣльникъ получилъ я отъ Графини Б.... письмо слѣдующаго содержанія:

„Мы празднуемъ завтра день рожденія моего мужа и хотимъ съиграть Комедію. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ полагаю и Васъ. Въ сей надеждѣ оставила я Вамъ и роль *благороднаго отца семейства*, копорая хотя сама по себѣ ничего не значить, но тѣмъ затруднительна, что для каждаго явленія должно переодѣваться. Къ намъ обѣщаль пріѣхать Кавалеръ *Серанъ*, копорый играетъ глупцовъ съ удивительнымъ успѣхомъ; также полстой Маркизь *Леонъ*, шоль искусный въ роль пешимешра!“

„Я на эшопъ праздникъ взяла дѣшей моихъ изъ Пансіона. Онъ пріѣхали вчера вечеромъ. Не думаю, чтобы Графъ могъ ихъ узнать. Вы не можете себѣ

представитъ, какъ онъ выросли! Старшій очень похожъ на моего мужа; другіе два лучше собою. Содержатель Пансіона заспавиль ихъ вышвердиль маленькую сцену, которую они рассказали мнѣ предельно Если они при Графѣ ее также съиграють, то онъ будетъ въ восхищеніи! — Обѣдать будемъ въ саду. Я приготовила нѣсколько пѣсенъ для десерта; Секретарь Графскій сочинилъ куплеты, которые хошя и не очень подходятъ къ Арин, выбранной мною, однакожъ не менѣе шого чудесны.“

„Кстати вспомнила я, что молодой Живописецъ Р. . . . , который завпра не можеть бытъ на нашемъ праздникѣ, прислалъ мнѣ поздравленіе и подарокъ драгоценной: картинку премилую! Я ничего не видала изящнѣе, предельнѣе! Содержаніе оной такъ прилично, такъ сообразно съ его чувствительностію, съ его нѣжною разборчивостію! Она изображаетъ вдали весьма веселый ландшафтъ; вблизи могилу, въ коей онъ предполагаетъ прахъ моего мужа. Плачевная ява осѣняетъ надгробный его камень; скромная надпись содержитъ краткую похвалу Графа: *добродѣтельныйшій мужъ, счастливѣйшій супругъ, преставился дня; мѣсто для означенія числа и года оставлено пустое, какъ само собою разумѣется. Я сижу возлѣ памятника: печальный, опчаяиный видъ мой показываетъ, что я неустѣнна. Въ рукѣ держу я шитый платокъ, орошенный слезами и посыпаю цвѣтши на гробъ возлюбленнаго, оплакиваемого мною супруга. Мысль сія, какъ видите, самая пресная, но счастливая; работа совершенная, чудесная! Р. . . . упиребилъ на шо все свое искусство и я ему весьма*

благодарна; ибо сей подарокъ служилъ неоспоримымъ доказательствомъ искренной его ко мнѣ дружбы. Я показывала рисунокъ молодой Дюшессѣ *Рейракъ*, которая въ шось же часъ заказала для себя подобный. Я велѣла вдѣлать его въ золотую шабакерку, украшенную эмалью, которую *Женни* поднесетъ завтра своему отцу. Заранѣе воображаю его удивленіе, его удовольствіе, его восторгъ...; это первой ему отъ меня подарокъ со дня свадьбы нашей! — Пуще всего, пріѣзжайте поранѣе, чтобы можно было сдѣлать репетицію.“

Пріятность сего приглашенія, любезный слогъ письма, благодарность, которою я одолженъ Графскому семейству, — не позволяли мнѣ отказать. Я на все согласился; но роля отца семейства не очень мнѣ нравилась. Чловѣкъ моихъ лѣтъ мало къ одной способенъ. Къ тому же я не имѣлъ приличнаго платья; всегда одѣвался по модѣ, и кромѣ одного стариннаго Англійскаго кафтана, не имѣлъ ничего шакого, въ чемъ бы могъ казаться старообразымъ. Сіе пре-
пятствіе меня крайне затрудняло, какъ вдругъ до-
жили мнѣ, что Г-нъ *Жолливе* пріѣхалъ. — Г-нъ *Жолливе*, добрый повѣса, изъ той же провинціи, въ кото-
рой я родился, весьма счастливъ: онъ служилъ подъ
начальствомъ одного Сенатора, у котораго управ-
ляетъ какою-то частію. Мои родные нѣкогда одо-
жали его предковъ: онъ это помнитъ и часто у меня
завтракаетъ. Онъ не великій Геній; даже съ шу-
домъ прочесть можешь собственную свою руку; но
не менѣе другаго *входитъ* въ разныя интриги и не-
рѣдко съ великимъ успѣхомъ *выходитъ* изъ оныхъ.

Впрочемъ, изъ гордости, любивъ одолжать, обещаю и всѣмъ предлагаю свои услуги.

Я ему открылъ свое зашрудненіе. Онъ на меня взглянулъ и улыбнулся. „Васъ занимаетъ такая бездѣлица?“ сказалъ онъ; „успокойтесь: Сенаторъ Д... ухаль въ помѣщеніе, кошорое вскорѣ получитъ шишуль Графства; я остался одинъ въ его домѣ и имѣю ключъ опъ гардероба, въ кошоромъ найши можемъ все нужное; ибо Его Превосходительство весьма богашъ плашьемъ всякаго рода.“ Я съ радостію согласился на его предложеніе; съѣлъ съ нимъ въ карету и поѣхалъ въ домъ Д... Пройдя нѣсколько комнатъ, блестящихъ красотою и богашствомъ, мы остановились у маленькой желшой двери, кошорой наружность подавала небольшую надежду. „Здѣсь Вы все найдете,“ сказалъ мой душеводитель, пощрецавъ меня по плечу. Двери отперли; мы очутились въ небольшомъ кабинетѣ, въ кошоромъ по стѣнѣ висѣло около дюжины плашьевъ разнаго цвѣша; оныя сосшавляли, по словамъ служительей Сенатора, Графа Д..., *Историческій его гардеробъ*.

Сии плашья расположены были по порядку чиселъ и годовъ: надъ каждымъ прибины были номеръ и ерлычокъ, показывающій, когда оное было сшишо, также званіе и образъ мыслей того, кшо оное носилъ. Читатель легко догадаться можетъ, что на всѣхъ ерлычкахъ имя особы было одно и то же.

Первое плашье было *сомнительнаго цвѣша* и шакъ изношено, шакъ старо, что кажешся, сшидилось висѣть въ этомъ прекрасномъ гардеробѣ. Надпись означала 1787-й годъ: „Г-нъ Д..., — Прокуроръ.“

Ближайшее къ нему плашье было черное, съ слѣдующею надписью: „1789-й годъ, Г-нь *Д...*, Депушашъ въ Народномъ собраніи, швердѣйшая подпора престола и Религіи, одинъ изъ храбрѣйшихъ защитниковъ Французской Монархіи. (Сіе могутъ засвидѣтельствовать тогдашніе Журналы).“ Сіи послѣднія слова были приписаны, какъ кажешся, недавно.

Плашье, подъ No. 3-мъ, сшпное въ 93-мъ году, походило на мапрозскій камзолъ. Длинная надпись показывала, что оное служило украшеніемъ „народнаго Представителя *Д...*, друга свободы, проповѣдника равенства, одного изъ усердѣйшихъ приверженцовъ Республики; человека, который...“ (Остальное было сшршно; на самомъ плашьѣ видны были маленькія пшашна, кшорыхъ ни время, ни сшаранія камердинеровъ не могли изгладить.)

Слѣдующее плашье — голубое, покрытое красною епанчою и здѣланное въ 1795-мъ году, принадлежало „гражданину *Д...*, Члену Совѣща пяши сошъ, удостоенному сего званія за то, что онъ всѣми силами способствовалъ къ учрежденію Директоріи.“ Кажешся, въ сіе время гражданинъ *Д...* былъ въ своихъ правахъ и мнѣніяхъ не весьма постопаенъ; ибо онъ приписалъ на ерлычкѣ собшвенною рукою: „Во время моего присутствія въ семь Совѣтъ я нитого не говориль, но много думалъ.“

За бнымъ слѣдовало плашье голубое же, вышпное серебромъ, принадлежавшее „Трибуну *Д...*, искреннему другу перваго Консула, подавшему поводъ какъ совѣшами, такъ и вліаніемъ на общее мнѣніе Публики, къ уничтоженію Директоріи.“ *Трибунъ Д...*, ошакъ

вилъ, конечно по разсѣянности, въ карманъ сего плашья нѣсколько печатныхъ экземпляровъ своей рѣчи, кошорая въ шогдашнее время имѣла величайшій успѣхъ. Онъ предлагалъ въ ней Республиканское правленіе перемѣнить на Монархическое и перваго Консула провозгласить Императоромъ. Я въ нѣсколько минушь пробѣжалъ сіе сочиненіе и долженъ ошдать справедливосшь *Трибуну Д...* въ томъ, что слогъ его невѣрояшнымъ образомъ усовершенствовался съ 93-го года; выраженія его стали разнообразнѣе и приличнѣе; фразы учтивѣе; каршины живѣе и пріятнѣе; однимъ словомъ, между симъ сочиненіемъ и его прежними рѣчами о пользѣ Республиканскаго правленія и проч. и проч., была ужасная разница.

Подъ сего плашья висѣли богашые мундиры Кавалера *Д. Аудитора*; — Барона *Д...*, Государственнаго Совѣтника, — и Графа *Д...*, Сенатора, Кавалера Орденовъ *Погетнаго Легиона* первой степени и *Жельзной Короны*, Командора Ордена *Соединенія*.... и проч.

Пустое мѣсто было оставлено для послѣдняго плашья, которое еще не было сшито. На ерылкѣ, заранѣе на стѣнѣ пригошвленномъ, видны были слова: „Графъ *Д...*, Кавалеръ Ордена *Лилій*, одинъ изъ Спасшоровъ, наиболѣе способствовавшихъ къ низложенію Буонапарте.“ — „Правда“, сказала *Жолливе*, „что на эшошь разъ Графъ мой удивительнo перемѣнился.“ Пошомъ, обращаясь ко мнѣ, предложилъ мнѣ vybrать любое изъ сихъ плашьевь. „Вы видите,“ прибавилъ онъ, „что большая часть оныхъ ненадѣваны.

Его Превосходительство такъ часто изволилъ себя дѣлать обновки.“ — „А если Графъ,“ сказалъ я „по возвращеніи своемъ въ Парижъ, вздумаетъ осмотрѣть гардеробъ и примѣритъ одно изъ старыхъ своихъ плашьевъ?“ — „Не бойтесь эшаго, отвѣчалъ *Жолливе*; „ни одно изъ нихъ ему не годится; ему надобно шеперь новое плашье.“ — Я поблагодарилъ Г-на *Жолливе* и соображаясь съ важностію своей роли, взялъ для себя послѣдній шитый мундиръ.

Съ Франц. К. Д. Ц.

Отрывки изъ моихъ записокъ (*).

„Дѣйствіе *мнѣнія*! Сила *мнѣнія*!“ Вотъ что слышимъ мы почти на каждомъ шагу! Но что называють *мнѣніемъ*? Определено ли въ точности значеніе сего слова? Нѣтъ, сколько мнѣ извѣстно. Спрашивается: не есть ли это призракъ, ужасный для однихъ только слабыхъ умовъ, кои приписываютъ ему силу сверхъестественную? Въ самомъ дѣлѣ, называють ли *мнѣніемъ* плодъ наблюденій и опытовъ, здѣланныхъ цѣлыми обществами или Членами оныхъ въ частности; плодъ, соотвѣтствующій неизмѣннымъ правиламъ Нравственности и необходимымъ условіямъ челоувѣческаго благосостоянія? Совсѣмъ нѣтъ! Заключается ли въ ономъ образъ мыслей цѣлой нации, цѣлаго общества, цѣлаго Сословія? Еще менѣе! Ишакъ это голосъ нѣкоторыхъ только Декламаторовъ, по

(*) Переводъ съ Французской рукописи.

большой части руководимых личными выгодами; нѣкопрыхъ Софисцовъ, ослѣпленныхъ самолюбіемъ или господствующею ихъ спрасшію; голось, копорый оглушаетъ и увлекаетъ шолпу и копорый сія повпоряетъ безъ всякаго размышленія и изслѣдованія. На кого же простираешя сіе могущество мнѣнія? Единственно на умы слабые! Сильный надъ нимъ смѣетя; мудрый его презираетъ; а человекъ благочеспивый и добродѣшельный не имѣетъ въ немъ нужды, ибо руководешвуешя другими и лучшими правилами, основанными на незыблемыхъ опорахъ Религіи и Правешвенности.

Какъ бы мы спали смѣяшся надъ шѣмъ, кшо бы вздумаль намъ доказывашъ, что изъ нѣсколькихъ кусковъ мрамора, соединенныхъ случаемъ, составилась нечаянно статуя *Аполлона Бельведерскаго* и что рѣзецъ Художника нимало въ ней не участвоваль? А ученіе Материализма, копорое, къ несчастію, имѣетъ еще своихъ приверженцовъ, развѣ не споль же нелѣпо?

Человекъ, копорый ежеминушно боишя здѣлашъ низосшъ, невольню показывашъ, что почиашъ себя къ оной способнымъ.

Я нахожу, что надобно видѣшъ иногда дурное общество, чтобы шѣмъ живѣ чувствовашъ цѣну хорошаго.

Человекъ легкомысленный, копорый содѣйствуетъ къ разсѣянію клеветы, споль же виновенъ въ глазахъ

моихъ, какъ и шопъ, кто былъ ея изобрѣшателемъ. Послѣдній могъ бытъ увлеченъ личною ненавистію, мщеніемъ или другою спрасію; между шѣмъ, какъ первый дѣлаешь это хладнокровно и изъ одной шолько вѣтрености. Неужели онъ не знаешь, что послѣдствія сушь шѣ же самыя?

Ужасная мысль о самоубійствѣ легко можетъ родиться въ душѣ несчастнаго, кошорый не имѣетъ Религіи и не вѣришь продолженію жизни за гробомъ. Одна шолько Религія показываешь намъ нѣчто болѣе, нежели презрѣніе смерти: она навчаешь насъ переносить бѣдствія земной жизни!

Люди, размашриваемые въ опношеніи къ общежитію, не могутъ и не должны бытъ равными. Но они всѣ сушь наши братья, и сей союзъ долженшвоваль бы казашься досшаточнымъ, для соединенія нашихъ выгодъ, надеждъ и желаній.

Хошите ли знать важную шайну жизни и счастья? Вотъ она въ корошкихъ словахъ: Надобно почишашъ невозможными всѣ вещи сомнишельныя и опдаленныя. Если мы, опказавшись опъ какого-либо желанія, почишая исполненіе онаго невозможнымъ, при всемъ шомъ получаешь желанный предметъ; шо нечаянность придаешь оному двойную цѣну. Если же никогда не приобретаешь онаго; шо не чувшвуешь сей дошери, ибо заранѣе къ ней пригошовились.

Бывають ли въ свѣтѣ *холодные Энтузіасты*? — О, конечно; по крайней мѣрѣ я встрѣчалъ нѣкоторыхъ. — Такъ это лицемеры? — Не всегда. Это по большой части люди слабоумные, но щеславные, кои выучили наизусть нѣсколько пышныхъ фразъ и повторающъ ихъ, гдѣ шолько случится!

(Продолженіе впрѣдъ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Зимній вечеръ.

(*Варваръ Дмитріевъ Казнатвевой, урожденной Княжнѣ Волкенской.*)

Суровая зима дохнула хладомъ буръ
И неба ясная померкнула лазурь.
Кто возвратишь тепло? Огонь благосворишь,
Ниспосланный въ нашъ міръ, какъ другъ и утѣшишь.
Любимый солнца сынъ и нашъ любимый гость,
Съ мятежью борется, зимы смиряешь злосшь;
Полезный завсегда и рѣдко вредоносной,
Даетъ обиліе землѣ неплодоносной;
Природѣ преданный, огонь искусствъ душой:
Имъ вязи и дубы, кошорыхъ верхъ густой.
Намъ льшо прохлаждалъ, отопрѣваешь зимы.
Могу ли позабышь, что имъ ошъ вьюгъ хранимы,
Въ веселыхъ шеремахъ находимъ мы приюшь?
Тамъ удовольствія среди зимы цѣвшушь.
Уже воспѣли мы блескъ молній, быстрый, ярый;
Горь огнедышущихъ подземные удары;
Пыль домны, гдѣ мешалль клокочущій кипишь,
И громъ, ошъ коего въ основахъ міръ дрожишь.

Насъ ждешъ предмешъ просѣй: очагъ прескучій,
дымный

И зимнихъ вечеровъ каминъ гостепріимный.

Разнообразіе пріятно. Такъ, могучь,

Орель къ свѣсилу дня лешишь превыше шучь

И на Олимпѣ шамъ вкусивши наслажденье,

Слепаешъ взявъ въ родномъ гнѣздѣ ошдохновенье.

Каминь, домашнихъ игръ и удовольствій другъ,

Бродящій сладосшно ошепеняешъ духъ.

Весною мало ль дѣль въ бышу своемъ домашнемъ?

Я здѣсь, а другъ мой шамъ: въ разбродѣ мы всегдаш-
немъ.

Разсѣянныхъ весной, зима собираешъ насъ.

Смогрише, у огня пріятельская связь,

Шполь милая сердцамаъ, опяшь возобновилась.

Такъ! Спрашъ жишь обществомъ зимой въ душѣ
родилась.

Всѣ размѣспилися: влюбленные вздыхашъ,

Спарикъ разсказывашъ, дияя ему внимашъ;

Мѣстечко и Романсъ спаринный здѣсь находишь

И острое словцо весь кругъ гостей обходишь.

Желасшь всякій здѣсь себя вознаградишь

За то, что съ ближними былъ долженъ розно бышь.

Сердца раскрылися: чшо долго бь было шайной,

Здѣсь вырывается какъ будпо бы случайно.

Супруги, разогрѣвъ передъ каминомъ кровь,

Воспоминающъ здѣсь старинную любовь

И скуку вечера бесѣдой сокращая,

Сидящъ несоряся и даже незѣвая.

Любовники, глаза пошупивъ, не глядящъ

А видящъ — и безъ словъ другъ съ другомъ говорящъ!

Здѣсь примиряюшя супруги и родные,
Живущіе въ одномъ дому какъ бы чужіе.
Напрасно, вслушавшись въ ихъ дружній разговоръ,
Скликаешъ съ двухъ споронъ встревоженный Раздоръ —
Осмуду, глупое упрямство, подозрѣнье,
Упреки горькіе, въ слезахъ обиду, мщенье,
Негодование, копорое сокрышь
Желая боль, ее умѣешь расправишь! —
Прощенье, смѣючись, сядишя въ середину —
И ложе брачное обязано камину.
Гдѣ слаще и живѣй веселый споръ ведемъ?
Здѣсь повѣшвуя жизнь, мы съизнова живемъ.
Одинъ о шяжбѣ рѣчь, другой о биншѣ повѣшь,
А шрестій о любви; чепвершый, спряшавъ совѣшь,
Какъ я, чшобъ наказашъ друзей за ихъ грѣхи,
Новорожденные чишаешъ имъ сшихи.
Зимою при огнѣ, какъ бы на сборномъ мѣспѣ,
Всѣ дарованія и всѣ Искусшва вмѣспѣ:
И шворческая кишпъ, и карандашъ живой,
И люшня спройная съ зашѣйливой иглой!
Вошпъ слушаюшъ Романъ, семьей въ кружокъ усѣвшисъ:
Въ срединѣ чшенія, Аглая покраснѣвшисъ,
Даешъ почувшвовашъ, чшо нравишя ей въ нѣмъ,
И о любовникѣ чувшшвишельномъ, младомъ,
Сшасшливомъ, слушаешъ съ душою безпокойной,
Боясь, чшо высказалъ о ней Романъ нескромной.
Исчислю ль игры вамъ? Весь праздный день занявъ,
Онѣ мчашъ молодосш къ забавамъ опъ забавъ
И вечеринку дяшъ и вечеръ корошаюшъ.
Но машеринскій глазъ и слухъ не засыцаюшъ:

Мать дерзость мудросью умѣшь обуздашь
И рѣзвость пылкую въ границахъ удержишь.
Здѣсь подъ колѣнами, согнувшимися сводомъ,
Прелестный башмачокъ шаяся, шихимъ ходомъ
Прокрадываешься назадъ или впередъ;
Но скрытъ-измѣнникъ знашь пошчасъ о немъ даешь.
Вблизи два игрока, проворною рукою,
Пернаый на лешу лова лешокъ лапшою,
Подъ пошолкомъ его пересылають: онъ
Спремится, долетѣль и въ пушь свой обращѣнь.
Упалъ ли, брошенный немѣшко и невѣрно,
Вновь съ полу поднятъ, вновь лешишь легко и мѣрно.
Дѣвицы шѣшашся нерѣдко сей игрой
И щеголяють рукъ округлой бѣлизной.
Вопъ молодой слѣпецъ за добычею, шибкій,
Бѣжишь, догналь, поймалъ и назвалъ безъ ошибки, —
И, часто, счастливей съ повязкой на глазахъ,
Онъ держишь лучшее, чѣмъ смѣль желашъ, въ рукахъ.
Въ углу на столикъ Газетъ, Журналовъ кучи;
Каршинка новыхъ Модъ, листъ новостей лешучій!
Вопъ новый Водевиль, Комедія, куплешъ,
Шарада, Логогрифъ, Загадка, Триолешъ!
Весь умъ Писашелей здѣсь собранъ современныхъ!
Сюда, красавицы! Изъ книгъ новорожденныхъ
Берише сказочку, Ишорію, Романсъ;
Все, что вы видите, ошобрано для васъ.
Родъ скуки вольно вѣсьмъ перемѣняшь spokрашно:
Надъ бреднями другихъ заснушь всегда пріашно.
Вопъ каршы, шахмашы и шашки по шолу!
Окончимъ же свою камину похвалу,
Сказавъ, что милыя здѣсь Дамы засѣдають
И бышрые часы вечерніе кончають:

Однѣ играють въ Висшѣ, другія говорящѣ;
Здѣсь просящѣ козыря, шамъ въ доведи спѣшашѣ.
Всѣ спужей заперты, однако имѣ не скучно:
Они войну съ зимой ведутѣ единодушно.

Останусь ли когда весь вечеръ я одинъ?
Что нужды мнѣ? Тотчасъ сажусь передъ каминъ.
Въ немъ уголья гашу иль мѣхомъ раздуваю;
То тихо шевелю, то ихъ перегребаю;
То хипрое изъ дровъ спроеные громозжу;
На розовый огонь съ пріятностью гляжу.
Лишь къ головнѣ щипцы допронутся успѣють —
Звѣздъ вспыхнетѣ милліонъ, заблещутѣ, заалѣютѣ
И краснымъ вверхъ сползотѣ! Неспрашенъ мнѣ мо-
розъ!

Я не боюсь зимы сердитыя угрозъ!
Пусть снѣгъ охлопьями, пускай мятель бушуетѣ!
Надъ ихъ усиленъ мой перемъ торжествуетѣ!
Пріятенъ вьюги шумъ за рамою двойной,
Пріятно изъ тепла смопрѣшь на снѣгъ густой.
Какъ спраненъ человекъ! онъ съ наслажденьемъ жаж-
дешъ,

Глядѣшь на бѣдствіе, опъ коего не спраждешъ.
Щемитѣ ли сердце скорбь? Тяжка ли голова?
Гошovy — Мокскій бобъ, Кишайская права
Разсѣяшь грусть мою живительнымъ Некшаромъ;
Въ сосудѣ мѣдяномъ кипитѣ вода надъ жаромъ
И чаемъ золопымъ плѣняешъ вкусъ и взоръ,
Въ Японскій росписной налишая фарфоръ.
Или придвинувъ стулъ въ мой уголокъ укромный,
Леваншскихъ зерень пью напишокъ благовонный;
И не жужжитѣ въ ухахъ докучливый болшунъ,
И не шерзаетѣ ихъ вѣспями говорунъ.

Одинъ лишь часовой — безсмѣнный мой домашній,
Собака-другъ беретъ учасюкъ свой всегдашній.
А ты, о прелесть душъ, очарованье глазъ,
Воображеніе! услышь призывный гласъ;
Вели, чтобы мечпы игривой вереницей
Порхали вокругъ меня, рѣзвясь въ моей свѣщлицѣ!
Люблю блистательнымъ своимъ забыться сномъ.
Дубъ, пожираемый симъ яростнымъ огнемъ,
Задумчивость мою унылую пашаетъ
И жизнь его меня пріятно занимаетъ.
Гдѣ родина его? Въ долину ли онъ цвѣлъ?
На неприступномъ ли утесѣ зеленѣлъ?
Мѣнялся ли съ ручьемъ прохладою взаимной?
Манилъ ли странниковъ въ шапиръ гостепріимной?
Быть можешь, онъ мой холмъ любимый осѣнялъ;
Быть можешь, я его прохладою дышалаъ.
Хочу — и онъ воскресъ: уборъ вѣшвей зеленый,
Вновь на челѣ, какъ шлемъ, струится оперенный;
Опять дарю ему и вязы изъ цвѣшювъ,
И темные пучки густыхъ его листовъ,
И шайны, коиъ онъ повѣренный безмолвный!
То иногда, собравъ на столикъ неогромный
Избранныхъ Авторовъ любимыхъ мною книгъ,
Беру, кладу, верчу, просмащриваю ихъ:
Воспламеняешь ихъ огонь во мнѣ ошвагу
И быстрое перо подъ часъ чершишь бумагу;
И охраняють дверь въ пріюсть счастливый мой
Ученіе и ночь, безмолвье и покой.
То въ руки взявъ экранъ съ Ландкартою вселенны,
Я съ Кукломъ пушь по немъ свершаю дерзновенный:

То изъ Америки въ Европу возвращусь,
То смѣло въ Африку изъ Азіи пушусь;
Безвѣстные моря и земли посѣщаю
И, съ кресель не привсавъ, вокругъ свѣша объѣзжаю.

Ушѣхи мрачныхъ дней, предметы сладкихъ думъ!
Плѣннѣе всегда мнѣ сердце, взоръ и умъ!
Гдѣ мудрость счастливой и бережной рукою
Употребляешь васъ; — шамъ не спрадаемъ мы
Ошъ скуки, шаросши, ошъ ссылки и зимы.

Воейковъ.

Дерпшъ,

26-го Іюля, 1823.

О ш и б к а.

Въ предъидущемъ No. *Нов. Литт.*, на 1-й страницѣ
и въ первой строкѣ *Прозы*, ошибкою напечатано:
продолжаютъ, вмѣсто : *продолжаются.*

Конецъ 5-й книжки.

Печашашъ позволяешся: Октябрю 20-го дня, 1823 года.
Цензоръ А. *Бируковъ.*